

МАЙ. № 5. 1905.

ВѢСТНИКЪ ПРАВА

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

М. М. ВИНАВЕРА, прив.-доц. **В. М. ГЕССЕНА,**
В. Д. НАБОКОВА и проф. **І. А. ПОКРОВСКАГО.**

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. 2-ую стр. обложки).

7. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.
А. Л. Байковъ. Современная международная правоспособность папства въ связи съ ученіемъ о международной правоспособности вообще. Историко-догматическое изслѣдованіе. СПБ. 1904. . . **П. Б. Шаскольскаго.**

8. УГОЛОВНАЯ ХРОНИКА.—Воскрешеніе „групповой отвѣтственности“. — Указъ 17 апрѣля и уголовное уложеніе . . . **В. Д. Набокова.**

9. АДМИНИСТРАТИВНАЯ ХРОНИКА.— Признаки общественной дезорганизаціи.—Упраздненіе Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ **Прив.-доц. Н. И. Лазаревскаго.**

10. ТРУДЫ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.
Протоколы засѣданій уголовнаго отдѣленія 29 января 1905 г. по докладу А. Н. Лазаренко: „О судебныхъ приказахъ“; 11 декабря 1904 г. по докладу Н. И. Фалѣева: „Должно ли государство принимать мѣры попеченія въ отношеніи дѣтей осужденныхъ“? и по докладу С К. Гогеля: „Не вызываетъ ли институтъ суда присяжныхъ по своимъ результатамъ необходимости въ его реформѣ?“; 18 декабря 1904 г. по докладу Д. А. Дрилля: „Какія мѣры, помимо обычныхъ средствъ воспитанія, наиболѣе обезпечиваютъ предохраненіе (отъ преступленій) нравственно покинутыхъ дѣтей?“ по докладу Ю. Я. Хейфица: „Представляется ли необходимость въ устройствѣ особыхъ учрежденій для заключенія лицъ съ ограниченною отвѣтственностью и закоренѣлыхъ пьяницъ (алкоголиковъ)?“

11. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Гг. подписчиковъ, воспользовавшихся при подпискѣ разсрочкой платежа, Контора журнала покорнѣйше проситъ поспѣшить уплатой остальнаго взноса, съ приложеніемъ пе-

См. 3-ю стр. обложки.

ВѢСТНИКЪ ПРАВА

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

М. М. ВИНАВЕРА, прив.-доц. В. М. ГЕССЕНА,
В. Д. НАБОКОВА и проф. І. А. ПОКРОВСКАГО.

XXXV. Май. 1905.

КНИГА ПЯТАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1905.

СВОБОДА СОВѢСТИ И ВѢРОТЕРПИМОСТЬ.

(Историко-критическій очеркъ) [1].

Какъ безъ воздуха нѣтъ жизни, такъ безъ свободы мысли и убѣжденій не можетъ быть глубокой и искренней религіозной вѣры. Эта истина извѣстна человѣчеству вотъ уже около двухъ тысячъ лѣтъ, но современный цивилизованный міръ еще и теперь не можетъ похвалиться, что этимъ благомъ онъ владѣетъ въ полной мѣрѣ. Какія же силы мѣшали человѣку стать свободно вѣрующимъ? почему общественная жизнь въ своемъ развитіи сбилась съ пути вѣры, указаннаго Христомъ, долго блуждала въ потемкахъ, утопая въ предразсудкахъ и традиціяхъ язычества, обогрялась не разъ потоками человѣческой крови и, ратуя за Христа, пытала и мучила людей во имя Христа? Причина такого печальнаго явленія лежитъ въ томъ, что религіозная мысль, освобожденная въ христіанствѣ отъ внѣшнихъ,—соціальныхъ и политическихъ,—давленій, снова въ скоромъ времени очутилась подъ прессомъ политики; снова ожили традиціи языческія и, начиная съ императора Константина, на правовѣріе господ-

[1]) Публичная лекція, прочитанная въ дворянскомъ собраніи г. Казани, 10 апрѣля 1905 г. Конецъ лекціи для печати измѣненъ въ виду Высочайшаго указа 17 апрѣля 1905 года.

ствующіе классы стали смотрѣть, какъ на оплотъ общественно-государственнаго благополучія, а такъ какъ право есть сила, то слабому человѣку ничего не оставалось болѣе, какъ подчинить свою совѣсть и убѣжденія взглядамъ и интересамъ господствующихъ классовъ. Постараемся освѣтить это положеніе историческими фактами.

I.

Первоначальная христіанская община въ Іерусалимѣ была непосредственнымъ отраженіемъ того могучаго обаянія, какое производила личность Христа на Его послѣдователей, воплощеніемъ того религіознаго энтузіазма и дѣятельной любви къ ближнему, какими были охвачены первые христіанскіе прозелиты. Въ то время, какъ въ соціальной жизни повсюду царилъ эгоизмъ, нашлась небольшая кучка людей, большею частью бѣдняковъ, которая захотѣла уничтожить въ мірѣ зло, проистекающее изъ естественнаго неравенства и частной собственности, перестроить жизнь на началѣ альтруизма. „Никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее. Не было между ними никого нуждающагося, ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ; и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду“ (Дѣян. IV, 32, 34—35). Вмѣстѣ съ коммунистическимъ хозяйствомъ здѣсь господствовало полное самоуправленіе, въ атмосферѣ котораго крѣпли и удовлетворялись, но отнюдь не подавлялись и не коверкались религіозныя потребности индивида. Связанные чувствомъ братской любви и взаимопомощи, всѣ члены этой группы были равны между собою, не было среди нихъ начальниковъ и подчиненныхъ; каждый приносилъ сюда свой трудъ и имущество не изъ расчета, а по внутреннему влеченію; одинъ слабый и малоопытный находилъ себѣ поддержку и восполненіе въ другомъ,—сильномъ и болѣе свѣдущемъ. Тамъ былъ настоящій питомникъ и спасительное убѣжище для религіозной свободы.

Съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій жизни эта группа дифференцировалась: въ нѣдрахъ ея рѣзко обозначилось классовое раздѣленіе. Ряды первыхъ прозелитовъ, одушевленныхъ религіознымъ энтузіазмомъ, замѣнялись постепенно членами послѣдующихъ генерацій, и тогда принадлежность къ общинѣ начали опредѣлять не только убѣжденіемъ, вѣрой, но и простымъ фактомъ рожденія. Такъ образовалась первая скважина въ общинной организаціи, черезъ которую врывался духъ традицій. Съ другой стороны, вполнѣ понятно, что язычники и іудеи, хотя бы даже увлеченные новымъ ученіемъ и принявшіе его по убѣжденію, не могли сразу стряхнуть съ себя всю силу прежнихъ привычекъ и міровоззрѣнія. Въ новые мѣхи они вливали частицу стараго вина и отъ этого пропасть между древнимъ и новымъ міромъ уменьшалась, причемъ, если отъ этого взаимодѣйствія языческія традиціи постепенно теряли свою жизнеспособность, то христіанскій идеалъ въ общественномъ сознаніи понемногу началъ затемняться, утрачивать свою первоначальную чистоту и этически-жизненную силу. И чѣмъ больше отъ примѣси этихъ элементовъ слабѣло религіозное чувство, тѣмъ съ большими претензіями выступала на сцену пытливая мысль, желавшая подвести раціональный фундаментъ подъ моральное зданіе христіанства. Возникали ереси, а вслѣдъ за ними все ярче и ярче проявлялась потребность отлить credo церковнаго союза въ точно опредѣленныхъ формулахъ. Въ эпоху вселенскихъ соборовъ творчество представителей религіозной мысли развернулось со всей полнотой, но въ тотъ моментъ, когда отцы соборовъ систематизировали ученіе, христіанство изъ религіи непосредственнаго чувства превращалось въ религію догматовъ, пріобрѣтало внѣшніе объективные признаки, по которымъ и стали судить о правовѣріи человѣка. Догматы въ церковной жизни съ тѣхъ поръ получили то же значеніе, какое имѣютъ основные законы въ жизни государственной. Отъ общенія церковнаго теперь исключались уже всѣ элементы, теоретически несогласные съ принятой формулировкой истинъ вѣры, причемъ съ отлученіемъ въ такихъ случаяхъ всегда соединялось пред-

положеніе, что отверженіе того или другаго догмата порождаетъ существенный дефектъ и въ моральномъ настроеніи еретика; будь онъ безкорыстный филантропъ, его дѣятельность въ глазахъ церкви носитъ всетаки неизгладимое пятно грѣха. Отсюда вѣра въ смыслѣ теоретическаго признанія извѣстныхъ правилъ и положеній стала доминировать надъ вѣрой, какъ чувствомъ и настроеніемъ. Наконецъ, весьма важнымъ фактомъ, внесшимъ крупныя перемѣны въ организацію христіанской общины, было образованіе іерархіи на правахъ властвующаго класса. Въ первое время, при господствѣ братскаго единодушія и солидарности среди членовъ, функціи учительства и администраціи возлагались по выбору народнаго собранія на лицъ, наиболѣе способныхъ и одаренныхъ; это были наставники и руководители, смотрѣвшіе на свое служеніе, какъ на средство исполнить свой нравственный долгъ въ отношеніи къ собратьямъ. Здѣсь не было еще мѣста праву, потому что порядокъ въ собраніяхъ и частной жизни держался лишь на этическихъ нормахъ; возникавшія коллизіи разрѣшались полюбовно и не нуждались въ вмѣшательствѣ внѣшняго авторитета. Но по мѣрѣ того, какъ съ распространеніемъ христіанства, съ увеличеніемъ состава молитвенныхъ собраній и упадкомъ нравовъ, задачи внутренняго управленія все болѣе и болѣе осложнялись, ощущалась потребность передать завѣдываніе общинными дѣлами въ руки опредѣленныхъ лицъ, дѣятельность которыхъ носила уже не случайный и временный характеръ, какъ было раньше, но образовала постоянную должность. Процессъ этихъ измѣненій прошелъ нѣсколько стадій, пока, наконецъ, епископъ въ отдѣльной общинѣ занялъ положеніе органа, съ голосомъ котораго въ дѣлахъ вѣры должны были по необходимости считаться всѣ, кто не хотѣлъ навлечь на себя обвиненіе въ неправовѣріи. Такъ въ демократическомъ обществѣ выдѣлился особый классъ іерархіи; первоначальная общность имуществъ отошла въ область преданія и въ той средѣ, гдѣ раньше царила любовь, равенство, братство, появилось классовое раздѣленіе. Съ тѣхъ поръ религіозная мысль индивида была поставлена въ рамки неизмѣнныхъ формулъ, непри-

косновенность которыхъ оберегалась авторитетомъ церковной власти.

Свободѣ религіозныхъ убѣжденій ставились преграды, но преграды еще не настолько сильныя, чтобы она не могла ихъ перешагнуть: въ случаѣ несогласія съ догматическими нормами церкви всякій членъ могъ фактически покинуть ее, не рискуя подвергнуться за это гражданской репрессіи. Дѣло приняло иной оборотъ, когда христіанство, доселѣ стоявшее въ сторонѣ отъ политической жизни, императоромъ Константиномъ было оффиціально признано политической силой. Въ этомъ фактѣ скрывалась громадная опасность для государства. Оно было убѣждено въ непреложности по существу неправильной посылки, что хорошимъ гражданиномъ и подданнымъ можетъ быть только христіанинъ, раздѣляющій при этомъ убѣжденія только одной церковной партіи; люди таланта и знанія, проникнутые искренней любовью къ родинѣ и желаніемъ ей послужить, или совершенно устранялись отъ государственной и общественной дѣятельности, или же, какъ преступники, ограничивались въ своей правоспособности только потому, что они не принадлежали къ оффиціальной религіи. Не меньшій вредъ такой взглядъ приносилъ и церкви, которая, опираясь на данную ей физическую мощь, начала, при помощи уголовныхъ каръ, душить всякое разномысліе, всякое уклоненіе отъ ея вѣрованій. Заблужденіе, ложное мнѣніе, которыя могли бы быть легко разсѣяны трезвыми логическими доводами, скрылись отъ преслѣдованій въ тайники человѣческой души, и здѣсь, вдали отъ посторонняго глаза, крѣпли и пріобрѣтали значеніе гонимой истины. И зло это было привито къ церковному и государственному организму политикой „византизма", пересадившей на христіанскую почву языческій принципъ принужденія въ дѣлахъ вѣры. Римско-византійскіе императоры добросовѣстно заблуждались, когда, облекшись во всѣ аттрибуты Pontifex Maximus въ отношеніи къ христіанству, хотѣли купить благополучіе и могущество государства цѣной жестокихъ гоненій всякой мысли, расходившейся съ взглядами монарха и той церковной партіи, которой онъ покровительствовалъ. Тутъ немало проявлялось

произвола и личнаго усмотрѣнія деспота; нерѣдко случалось, что палка, которая била по приказу одного монарха язычниковъ и еретиковъ, при другомъ властителѣ дѣлалась орудіемъ пытокъ православныхъ. Жаловаться было не на что и некому, потому что, разъ былъ признанъ принципъ, что на религіи зиждется благо государственное, приходилось поневолѣ мириться и со всѣми вытекавшими изъ него неурядицами. За нихъ едва ли можно строго судить государей, которые по своему міровоззрѣнію оставались язычниками и только по наружному виду казались христіанами; ихъ политика отличалась той узкостью кругозора и тенденціей властвовать надъ совѣстью человѣка, что и политика языческихъ кесарей; они господствовали, какъ умѣли, какъ диктовалъ имъ здравый смыслъ, воспитанный въ преданіяхъ и предразсудкахъ языческой старины. Виновата была въ потокахъ крови, въ которыхъ захлебывались несчастныя жертвы императорскаго деспотизма, другая сторона,—христіанскіе пастыри и іерархи. Они, долженствующіе быть добрыми пастырями, проводниками безкорыстной любви и всепрощенія, на дѣлѣ нерѣдко обращались въ гонителей, когда взывали къ мечу, чтобы уничтожить иновѣріе; вмѣсто того, чтобы мирными способами насаждать истину, они расчитывали на императорскую армію въ борьбѣ съ невѣріемъ и своимъ авторитетомъ освящали, такимъ образомъ, антихристіанскую политику византизма; носители безкорыстія и идеальныхъ стремленій, они стояли далеко не на высотѣ своего призванія, когда въ погонѣ за матеріальными удобствами жизни искали роскоши, почета, близости ко двору и тѣсныхъ связей съ аристократіей. Тѣ немногія изъ нихъ высокія личности, которыя съ благороднымъ негодованіемъ и мужественно бичевали духовныя язвы вѣка, не могли измѣнить общаго тона политики. Перенесеніе языческаго принципа принужденія, оказавшись въ полномъ соотвѣтствіи съ классовыми интересами духовенства, прочно акклиматизировалось въ христіанскомъ мірѣ. Благодаря этому, свобода совѣсти и вѣроисповѣданія стала явленіемъ нетерпимымъ, преступнымъ.

Больное мѣсто и самый типичный признакъ „византизма“

въ томъ, что свѣтское начальство здѣсь точно клиномъ глубоко врѣзывалось въ церковную систему; оно пуще всего боялось разгнѣвать Божество, заботливо нормировало всѣ стороны культа, непокорность и свободомыслiе укрощало конфискацiей имущества, изгнанiемъ или смертной казнью. Духовная же власть, придавленная императорскимъ деспотизмомъ, допускала и поощряла такое насилiе надъ совѣстью. Въ христiанской цивилизацiи Запада наблюдается тотъ же самый отголосокъ языческихъ преданiй, только въ болѣе уродливыхъ формахъ. Слабое развитiе государственнаго начала въ связи съ некультурностью и религiознымъ невѣжествомъ массъ дало возможность заправиламъ западнаго духовенства,—папамъ, не только организоваться въ церковную деспотiю, но, путемъ разныхъ подложныхъ грамотъ и нечестныхъ передержекъ библейскаго ученiя, убѣдить общественное мнѣнiе, что они—единственный источникъ всякой земной власти и права. Какъ ни чудовищенъ по существу этотъ выводъ, но логическая сила его казалась въ среднiе вѣка неотразимой, она сковывала умъ и связывала по рукамъ такихъ сильныхъ императоровъ, какъ Генрихъ IV, который, прося прощенiя у разгнѣваннаго папы Григорiя VII, простоялъ три дня въ простомъ плащѣ босымъ на снѣгу безъ шапки во дворѣ папскаго дворца въ Каноссѣ. Что вызвало ужасную бойню невинныхъ вальденцевъ и альбигойцевъ, привело къ учрежденiю позорнаго для человѣчества трибунала инквизицiи, учинило дикую расправу съ благородными борцами за права человѣка,—Гуссомъ и Савонаролой, что, наконецъ, безпощадно уничтожало, жгло, душило всякое непризнанiе установленнаго духовенствомъ религiознаго шаблона? Исключительно слѣпая вѣра въ папскiй авторитетъ, въ которомъ неразвитая мысль видѣла адэкватное выраженiе воли Божественной. Цѣной кровавыхъ жертвъ, опираясь на религiозный фанатизмъ и духовную слѣпоту народа, церковный факторъ завоевалъ доминирующую роль, классовымъ интересамъ духовенства было приписано обще-культурное значенiе.

Но неумолимая логика событiй не могла примириться съ такой аномалiей. Пусть господствующiй классъ будетъ черезъ

мѣру занять собой,—народная жизнь идетъ своимъ чередомъ, развивается по своимъ законамъ, и никакая сила въ мірѣ не сможетъ предупредить тотъ моментъ, когда оскорбленная совѣсть потребуетъ властно возстановленія своихъ попранныхъ правъ. Ростъ индивидуализма, сильный толчекъ которому дали крестовые походы, оживленная торговля между Западомъ и Востокомъ, развитіе крупной промышленности, повелъ къ болѣе высокимъ запросамъ и въ религіозной сферѣ. Проснулась критика, начавшая подкапываться подъ самые устои церковно-бюрократическаго режима, раздались громкіе голоса за церковную реформу, среди гуманистовъ и ученыхъ дѣлались серьезныя попытки обратиться къ непосредственному знакомству съ первоисточниками вѣры, изучить въ подлинникѣ св. отцовъ съ цѣлью разоблачить всю ложь, на которой покоилась папская система. Наконецъ, всѣ эти разрозненные голоса и попытки слились въ общій хоръ, подхваченные могучей волной освободительнаго теченія, связаннаго съ именемъ Лютера. Запуганная совѣсть воспрянула духомъ и пробила брешь въ окутывавшемъ ее туманѣ средневѣковья.

Принципъ религіознаго индивидуализма, составляющій основное ядро въ ученіи Лютера, возвращаетъ христіанство къ его исходному, первоначальному моменту; онъ подрываетъ самый фундаментъ въ организаціи католицизма и византизма,—церковную іерархію; возвѣщаетъ, что этотъ элементъ есть историческій наростъ въ христіанскомъ обществѣ; онъ освобождаетъ совѣсть отъ внѣшнихъ обязательныхъ авторитетовъ и оправданіе человѣка предъ его Богомъ ставитъ въ зависимость лишь отъ живой вѣры и здраваго смысла, какъ единственнаго критерія въ толкованіи вопросовъ вѣры. Послѣдовательно проведенный, принципъ этотъ требуетъ, чтобы самъ человѣкъ работалъ надъ созданіемъ своего Бога, религіознаго идеала, на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ Библіи. Изъ чувства живой вѣры рождается потребность общенія съ другими; возникаетъ союзъ, община, но по своей организаціи она должна быть воплощеніемъ демократическаго духа равенства, религіознаго народовластія. Каждый членъ въ ней имѣетъ совершенно одинаковыя права съ остальными, и такъ

какъ единственная цѣль общины—удовлетвореніе религіозныхъ потребностей индивида, то здѣсь не можетъ быть мѣста праву въ смыслѣ принудительныхъ нормъ, всѣ отношенія должны покоиться на началахъ свободнаго взаимодѣйствія и самовоспитанія. Казалось бы, здѣсь то и былъ поистинѣ тотъ укромный уголокъ, гдѣ послѣ долгихъ испытаній совѣсть человѣка нашла для себя обѣтованную землю!

Но исторія не терпитъ скачковъ. Могло ли общество, только что перешедшее за порогъ среднихъ вѣковъ, пережившее эпоху рабства и кулачной расправы, сбросить съ себя толстую кору суевѣрій и предразсудковъ и предоставить человѣку полную свободу вѣрить по собственному разумѣнію? Не говоря уже о людяхъ средняго типа, даже и въ міровоззрѣніи самого великаго реформатора проглядываютъ во многомъ недосказанность, смѣсь старыхъ идей съ новыми вѣяніями и рѣзкая непослѣдовательность. Его мысль постоянно занята образами и изреченіями изъ св. писанія, онъ стремится схватить основную нить въ христіанскомъ ученіи и приходитъ къ убѣжденію, что человѣкъ оправдывается только вѣрой. Выводъ этотъ былъ важенъ Лютеру, потому что при его освѣщеніи ярко выступала вся ложъ искусственныхъ надстроекъ въ католицизмѣ. И Лютеръ хотѣлъ разрушить прежде всего эти надстройки, не отдавая себѣ яснаго отчета въ тѣхъ логическихъ выводахъ, которые вытекали изъ главнаго тезиса въ его системѣ. Онъ какъ бы устрашился этихъ выводовъ и сдѣлалъ уступку современности, когда сама жизнь потребовала отъ него опредѣленнаго отвѣта на вопросъ: въ какія же отношенія должна встать новоустроенная община къ свѣтской власти? Раньше онъ училъ, что ересь духовное явленіе, ее нельзя сжечь въ огнѣ, потопить въ водѣ и что если бы ересь можно было уничтожить мечемъ, то палачи были бы ученѣйшими докторами въ мірѣ. Теперь же на поставленный вопросъ онъ отвѣчаетъ такъ: въ дѣла совѣсти не долженъ вмѣшиваться князь, но его нравственный долгъ—прекращать раздоры и несогласія въ церковной жизни. Теоретическимъ основаніемъ такого неожиданнаго утвержденія служитъ извѣстная аналогія Апостола Павла, гдѣ христіанское

общество уподобляется мистическому тѣлу Христа. Отсюда Лютеръ, подобно средневѣковымъ схоластамъ, дѣлаетъ такого рода умозаключеніе: свѣтская и духовная власть лишь разныя функціи единаго христіанскаго организма; цѣль у нихъ одна; обѣ происходятъ отъ Бога, только средства разныя,—одна дѣйствуетъ словомъ, другая мечемъ. Очевидно, въ этомъ практически важномъ пунктѣ лютерство шло по слѣдамъ византизма; въ жилахъ реформатора текла кровь христіанизированныхъ языческихъ предковъ; иначе, какъ бы онъ могъ начать съ проповѣди о свободѣ совѣсти и кончить оправданіемъ насилія надъ ней, одной рукой созидать, а другой—разрушать свое созданіе?

Своимъ ученіемъ о божественномъ происхожденіи свѣтской власти Лютеръ освящалъ идеи, нашедшія уже къ тому времени конкретное осуществленіе въ бюрократической политикѣ господствующихъ классовъ. Средневѣковое императорство,—это дѣтище и правая рука папства,—стало превращаться въ мертвую форму по мѣрѣ того, какъ параллельно съ религіозно-церковнымъ факторомъ въ общественной жизни выступалъ другой факторъ,—экономическій, по мѣрѣ того, какъ съ подъемомъ промышленности и постепеннымъ переходомъ натуральнаго хозяйства въ денежное вмѣсто абстрактной идеи христіанскаго общества возникали конкретно опредѣленныя величины,—національности. Рвавшійся на просторъ капиталъ съ его преклоненіемъ предъ золотымъ тельцомъ понемногу отодвигалъ интересы религіозные и выдвигалъ на первый планъ экономическое благосостояніе страны, какъ цѣль, къ которой были направлены желанія общества и правительства. Съ другой стороны, пріобрѣталъ все большую силу торговый и промышленный классъ, естественно заинтересованный въ установленіи прочнаго правопорядка и сильной центральной власти. Въ свою очередь и національное правительство, вступившее въ борьбу съ феодальными элементами, могло расчитывать на успѣхъ лишь при поддержкѣ буржуазіи. Процессъ этой борьбы завершился на всемъ западномъ континентѣ образованіемъ абсолютнаго государства, которое стояло теперь ужъ на твердомъ базисѣ и нисколько

само по себѣ не нуждалось въ услугахъ католицизма. Но, чтобы прочнѣе обезпечить за собой достигнутый результатъ на будущее время, не мѣшало убѣдить какъ нибудь народныя массы въ томъ, что деспотизмъ есть законная форма правленія. Задача нелегкая! Идеологія естественно-правовой школы представляла государство продуктомъ общественнаго договора, а общее благо, какъ главную цѣль его дѣятельности. Вліяніе ея, однако, не захватывало широкихъ круговъ и не шло дальше интеллигентной аристократіи. Чѣмъ же загипнотизировать массы, чтобъ черное показалось бѣлымъ, чтобъ жестокому и безобразному придать видъ чего то роковаго, священнаго? На чемъ было обосновать оправданіе деспотизма? Извѣстно, что ничто такъ не дѣйствуетъ властно на низшіе слои общества, какъ религіозная санкція; и исторія знаетъ немало примѣровъ, когда политика произвола и насилія подъ покровомъ религіи получала права гражданства, не встрѣчая сильныхъ протестовъ со стороны притѣсняемыхъ. Вотъ почему короли и князья съ восторгомъ отнеслись къ тезису Лютера о божественномъ происхожденіи ихъ власти: вѣдь къ мощи капитала и силѣ штыковъ присоединялось новое, болѣе сильное духовное орудіе воздѣйствія на толпу. Съ этого момента византизмъ, которому, повидимому, суждено было прозябать на Востокѣ и въ нашемъ отечествѣ, переселился и на Западъ, причемъ здѣсь столько же расплодилось византійскихъ императоровъ, сколько разсѣяно было владѣтельныхъ князей большихъ и малыхъ территорій: чья была страна, тотъ и опредѣлялъ религію своихъ подданныхъ.

Несмотря на это, лучъ свѣта, блеснувшій въ видѣ идеи Лютера о свободѣ совѣсти и озарившій смрадные закоулки темнаго царства средневѣковой мысли, не исчезъ безслѣдно для духовной жизни послѣдующихъ вѣковъ. Если политики изъ протестантской системы заимствовали одинъ пунктъ, наиболѣе отвѣчавшій ихъ узко классовымъ интересамъ, то ужасныя войны, разыгравшіяся на почвѣ религіозной нетерпимости и погубившія тысячи жизней среди несчастныхъ сектантовъ, вызывали идейный протестъ со стороны мыслителей въ теченіе XVII и XVIII в.в. Въ ихъ философ-

скихъ трудахъ проблема свободы совѣсти получаетъ уже не религіозную постановку, какъ у Лютера, но трактуется, какъ психологическій фактъ, неразрывно связанный съ природой мышленія и убѣжденій человѣка, и освѣщается съ точки зрѣнія тѣхъ соціальныхъ послѣдствій, какими неизбѣжно сопровождается всякое гоненіе на вѣру. Такъ, напримѣръ, по мнѣнію Спинозы, невозможно, чтобы человѣкъ отрекся отъ способности разсуждать свободно и подчинилъ бы свои мысли мыслямъ другого. Поэтому суверенъ является узурпаторомъ правъ своихъ подданныхъ, когда онъ вздумаетъ предписывать имъ тѣ вѣрованія, которыя они должны имѣть..... Можно ли представить для государства большее зло,—спрашиваетъ философъ,—чѣмъ то, когда правдивыхъ и честныхъ людей считаютъ безбожниками и высылаютъ изъ страны потому только, что они иначе мыслятъ и не могутъ лицемѣрить? Что можетъ быть пагубнѣе, какъ если людей объявляютъ врагами и ведутъ на смерть не за преступленія и постыдныя дѣла, но за то, что они думаютъ независимо, и если эшафотъ, долженствующій быть грозою для порочныхъ, обращается въ великолѣпную сцену, гдѣ выставляются высшіе примѣры терпѣнія и добродѣтели, къ крайнему позору верховной власти? „Есть, конечно, среди сектантовъ фанатики,—говоритъ Вольтеръ,—но это своего рода маніаки, лучшее средство борьбы съ которыми состоитъ въ томъ, чтобы предоставить эту душевную болѣзнь дѣйствію разума, который просвѣтляетъ людей медленно, но неуклонно; этотъ разумъ есть сила мягкая, гуманная, которая внушаетъ все прощеніе и тушитъ несогласія, религіозныя распри, борьбу, которая, какъ особаго рода эпидемическая болѣзнь, имѣетъ свой конецъ. Каждому гражданину необходимо предоставить думать и вѣрить такъ, какъ внушаетъ ему этотъ разумъ, ясный или заблуждающійся, лишь бы онъ не нарушалъ порядка, ибо не отъ человѣка зависитъ вѣрить или не вѣрить, но въ его волѣ уважать законы своего отечества“... „То, что мнѣ казалось очевиднымъ, покажется ли ложнымъ въ страданіяхъ? спрашиваетъ Камиллъ—сынъ, одинъ изъ энциклопедистовъ. Положеніе, на которое я смотрю, какъ на нелѣпое и противорѣчивое,

станетъ ли для меня убѣдительнымъ на эшафотѣ? Огнемъ ли и мечомъ истина внушается и сообщается? Вотъ доводы и соображенія—тѣ меня изобличить и убѣдить могутъ. Покажите же ложь моихъ мнѣній, и я откажусь отъ нихъ и безъ насилія, но ваши мученія никогда не сдѣлаютъ того, чего не могутъ достигнуть ваши доводы. Истина для плѣненія умовъ и сердецъ нуждается только въ самой себѣ, она свѣтитъ своимъ собственнымъ свѣтомъ, борется собственнымъ оружіемъ, принудительная ея сила въ собственномъ ея величіи; она плѣняетъ, привлекаетъ, восхищаетъ собственной красотой; ея тріумфъ—это ея очевидность"... Не мало глубокихъ мыслей по данному вопросу встрѣчается у Локка, Бентама, Гельвеція и др.; всѣ они, при различіи въ деталяхъ, держатся одного мнѣнія, что преслѣдовать за вѣру неразумно и нецѣлесообразно, и что для торжества свободы духа необходимо полное отдѣленіе церкви отъ государства.

Если бы рычагомъ общественной эволюціи были только идеи великихъ людей, то жизнь наша давнымъ давно превратилась бы въ рай. Къ сожалѣнію, въ процессѣ историческаго творчества философамъ принадлежитъ весьма скромное мѣсто: ихъ работа имѣетъ характеръ лишь „надстройки" въ томъ общественномъ зданіи, фундаментъ и стѣны котораго возводятся стихійными силами общества, борьбой классовыхъ интересовъ. Какъ ни глубокомысленны философскія системы, но если онѣ далеко идутъ отъ конкретной дѣйствительности, онѣ не въ силахъ повернуть колеса исторіи. Кажется, что можетъ быть основательнѣе тѣхъ аргументовъ, которые приводились философами XVII—XVIII в. въ защиту свободы совѣсти, тѣмъ не менѣе только въ Сѣверо-американской конституціи 1791 г. онѣ нашли практическое примѣненіе: „конгрессъ не долженъ издавать никакого закона касательно установленія религіи или запрещенія свободнаго ея отправленія", а въ конституціи 1787 г. проводилась полная независимость гражданскихъ и политическихъ правъ отъ религіозныхъ убѣжденій. Между тѣмъ на континентѣ религіозная нетерпимость продолжала оставаться типичной чертой общественныхъ нравовъ и законодательства. Доказательство

тому даетъ намъ прежде всего Францiя. Правда, въ „декларацiи правъ" всякому гражданину гарантировалась полная свобода вѣры, директорiя и конвентъ настойчиво стремились безъ всякихъ ограниченiй провести принципъ секуляризацiи церкви: имущества духовенства конфисковали, введенъ былъ обязательный гражданскiй бракъ, дѣло народнаго образованiя переходило въ руки государства, а конституцiя пятаго фруктидора третьяго г. республики, утвердивъ всѣ прежнiе законодательные акты, провозглашала, что республика не оплачиваетъ болѣе ни одного культа, и запрещала принуждать гражданъ къ взносамъ на содержанiе духовенства. Но за этими радикальными законами одновременно шла цѣлая серiя другихъ постановленiй, навязывавшихъ гражданамъ культъ разума, теофилантропизмъ и пр. Такое грубое противорѣчiе возможно объяснить лишь тѣмъ, что дѣятели французской революцiи, желавшiе совершенно изолировать государственную политику отъ всякихъ влiянiй христiанскаго культа, были горячими приверженцами Руссо, по убѣжденiю котораго государству необходима „гражданская религiя". Воспитанные на идеяхъ естественно-правовой доктрины, они не хотѣли считаться съ консервативной силой народныхъ вѣрованiй, и, приписывая слѣпое упорство массы ея невѣжеству, они надѣялись внушить ей свои взгляды насильственными мѣрами. Консерватизмъ, однако же, побѣдилъ доктринерство: пройдя чрезъ горнило преслѣдованiй, слѣпая вѣра народная прiобрѣла еще большую устойчивость. При всемъ своемъ религiозномъ индифферентизмѣ Наполеонъ, какъ политикъ, съумѣлъ извлечь изъ этого факта все, что касалось упроченiя его власти: путемъ заключеннаго въ 1801 г. конкордата съ папой и т. н. „органическихъ статей" онъ обратилъ католичество въ такую духовную твердыню, подъ сѣнью которой онъ могъ чувствовать себя гораздо безопаснѣе, нежели подъ охраной своихъ войскъ. И оттого наполеоновскiй режимъ сталъ врагомъ вѣротерпимости, потому что ее нѣтъ тамъ, гдѣ религiя состоитъ на службѣ у государства.

Революцiонныя бури, всколыхнувшiя море народныхъ страстей, и буржуазный либерализмъ, подкопавшiй идейные

устои бюрократически-полицейскаго порядка, толкнули континентальныхъ государей сплотиться между собою подъ знаменемъ „легитимизма", а для успокоенія взволнованныхъ умовъ обратились къ папству въ надеждѣ, что оно за извѣстныя уступки согласится путемъ застращиваній и проклятій усмирить народныя волненія и возвратить правительствамъ спокойную увѣренность въ прочности своихъ династическихъ правъ. Тщетны были надежды! Политика Меттерниха,—это лебединая пѣснь старой бюрократіи, а разныя реликвіи, чудеса, выставки священныхъ хитоновъ, которыми папство всегда съ успѣхомъ добивалось раболѣпной покорности темной толпы и безжалостно глушило въ ней всякіе побѣги живой мысли, оказались довольно-таки заржавленнымъ средствомъ. Чѣмъ упорнѣе правительство старалось задавить общественное недовольство, тѣмъ все шире и шире разливалась могучая волна освободительнаго движенія, тѣмъ невыносимѣе дѣлались бюрократическіе тиски. Старый строй, вышедшій изъ развалинъ феодализма, родилъ сильный бюрократическій элементъ, но онъ не былъ приспособленъ къ управленію обществомъ съ развитой капиталистической промышленностью, гдѣ конкурренцію на рынкѣ физическаго и умственнаго труда выдерживаетъ тотъ, кто свободно развиваетъ и проявляетъ свои природныя дарованія. Классовая борьба пробивала себѣ свободный путь, и отъ ея побѣдоноснаго шествія рухнули гнилыя подпорки пережившаго себя стараго уклада; его смѣнило правовое государство, на знамени котораго было написано: свобода личности. Загорѣлась заря новой жизни для человѣка: ему предоставлялось право самостоятельно разобраться въ религіозныхъ проблемахъ, безнаказанно отвергнуть кумиры съ оффиціальнымъ ярлыкомъ и на арену жизненной борьбы явиться съ своимъ идеаломъ, независимымъ отъ тяготѣвшихъ надъ нимъ разныхъ авторитетовъ.

Въ той классической формулировкѣ, какую даютъ намъ „основныя права" нѣмецкаго народа, изданныя Франкфуртскимъ національнымъ собраніемъ въ 1848 г., свобода совѣсти получаетъ самую широкую поставноку. Въ немногихъ статьяхъ этого знаменитаго памятника отражается непоколе-

бимая рѣшимость его творцовъ сразу покончить съ вѣковымъ зломъ, разрубить цѣпи, приковывавшія человѣка къ государственному алтарю, не мѣшать ему назойливой церковно-государственной опекой углубиться въ область мрачныхъ или свѣтлыхъ, жизнерадостныхъ религіозно-мистическихъ думъ. Здѣсь за всякимъ гражданиномъ признается не только свобода вѣры, что, строго говоря, какъ чисто психическій фактъ, не поддается правовой регламентаціи, но и обезпечивается свободное отправленіе культа въ домашнемъ кругу и въ публичныхъ молитвенныхъ собраніяхъ; гражданинъ не принуждается къ религіознымъ актамъ, и потому всѣ церковные обряды, какъ крещеніе, исповѣдь, бракъ, порождавшіе юридическія послѣдствія, теряютъ теперь характеръ гражданскихъ сдѣлокъ; наличность же въ нѣкоторыхъ изъ нихъ праваго элемента побуждаетъ государство установить особую форму для нихъ, но безъ религіознаго момента. Только въ этомъ, а не въ другомъ какомъ либо, мотивѣ кроется истинная причина введенія обязательнаго гражданскаго брака. Если убѣжденія гражданина расходятся съ сложившимся укладомъ религіозной группы, въ которой онъ жилъ, хотя бы съ самой колыбели, ему открытъ свободный выборъ другой вѣры; при желаніи онъ учреждаетъ новую церковную общину, лишь бы уставъ ея не противорѣчилъ требованіямъ закона и общественной нравственности. Историческій опытъ раскрылъ всю безпочвенность и произволъ полицейско-бюрократической опеки дѣлить гражданъ по категоріямъ въ зависимости отъ принадлежности къ привиллегированной, признанной государствомъ, терпимой или отвергаемой сектѣ. Современный правопорядокъ, не отрицая вліянія чисто религіозныхъ мотивовъ на моральное настроеніе индивида, отказывается въ тоже время категорически взять религіозный моментъ за масштабъ для оцѣнки политическихъ воззрѣній и способностей гражданъ. Лицемѣріе, фарисейство, трудно преодолимое желаніе замаскировать свою совѣсть, скрѣпя сердце, а, можетъ быть, и съ негодованіемъ заставить себя увѣровать въ чужихъ боговъ, чтобы сдѣлаться угоднымъ начальству,—этотъ позорный продуктъ духовной тираніи прежнихъ эпохъ уже

неложится болѣе преступнымъ пятномъ на новое государство, провозгласившее полную независимость политической и гражданской правоспособности отъ религіозныхъ убѣжденій. Въ связи съ этимъ принципомъ въ „основныхъ правахъ" стоитъ другой,—полная эмансипація церкви отъ государства. Историческія развѣтвленія христіанства,—католицизмъ, лютеранство и реформатство,—разцвѣтъ и упадокъ которыхъ такъ неразрывно слитъ съ поступательнымъ ростомъ государственнаго начала и соціальныхъ отношеній на западѣ, институты которыхъ въ глазахъ политиковъ были отмѣчены печатью сакраментальности, авторитетныя доктрины которыхъ старались поднять падавшій престижъ властвующихъ классовъ,—эти историческія развѣтвленія, какъ бы возмездіе за свой консерватизмъ и поблажку деспотизму сильныхъ, низводятся теперь на степень частныхъ корпорацій, они ставятся на одинъ уровень съ еврейскими и магометанскими общинами. Всѣ ихъ догматы, обычаи, мораль, дисциплина оставляются въ неприкосновенности, государство въ эту область не вторгается, но оно зорко слѣдитъ, чтобы въ проявленіи ихъ внутренней автономіи подъ страхомъ наказанія не нарушались общіе законы страны.

Итакъ, не оффиціальные носители христіанства, а вожаки прогрессивнаго политическаго теченія, похоронившаго въ своихъ мощныхъ волнахъ пережитки феодальнаго режима, освободили человѣческую совѣсть отъ смрадной атмосферы, гдѣ живая вѣра и пламенное чувство, проходя чрезъ фильтръ разныхъ авторитетовъ, замирали въ порабощенной душѣ, не смѣя и не въ силахъ выглянуть на свѣтъ Божій; это они, устранивъ религію изъ гражданскаго оборота, оказали величайшую услугу христіанству, которое, уже не связанное никакими помѣхами, могло снова взять подъ свою защиту униженныхъ и обездоленныхъ, смягчить рѣзкости въ борьбѣ классовъ кристальной чистотой своихъ моральныхъ началъ. И вотъ это теченіе, написавшее на своемъ знамени кровавыми буквами: свобода совѣсти и вѣротерпимость, быстро стало достояніемъ всего культурнаго запада. Но на пути своего тріумфальнаго шествія оно должно было выдержать

судорожный натискъ темныхъ силъ, тѣмъ болѣе страшныхъ, что онѣ гнѣздились въ глубинѣ сознанія некультурной части общества. Папство, устрашенное тѣмъ, что при свѣтѣ совѣсти и научной критики, обнажатся со всею ясностью всѣ его историческіе грѣхи, что вѣрующій, увлекавшійся лишь блестящей внѣшностью зданія, вдругъ разглядитъ гнилой фундаментъ,—оттачиваетъ оружіе, взятое изъ стараго пыльнаго арсенала, и, держа въ одной рукѣ Евангеліе и крестъ Распятаго, а въ другой—мечъ, обагренный человѣческою кровью, объявляетъ войну современному государству. Столкнулись два міровоззрѣнія, одно—новое защищало прогрессивные интересы и стояло за индивидуализмъ, другое—старое, церковническое, мечтало все человѣчество загнать въ желѣзную клѣтку и ключъ отъ ея замка вручить папѣ. Оглушительный громъ проклятій, раскаты котораго проникли во всѣ отдаленныя мѣста цивилизованнаго міра, напомнили нечистыя дѣла давно минувшихъ дней, но, кромѣ суѣверной и слѣпой массы, ни въ комъ не вызвали ожидаемаго эффекта. Тогда, оставивъ поле литературной полемики, папство собрало вокругъ себя сильную партію центра для борьбы политической. Начался знаменитый въ исторіи Германіи „Kulturkampf" въ первую стадію котораго, при министрѣ культа Фалькѣ, были проведены самыя радикальныя реформы, клонившіяся къ отдѣленію церкви отъ государства, но съ конца 70-хъ годовъ энергія политическихъ борцовъ стала замѣтно ослабѣвать и съ именемъ Бисмарка связано позорное бѣгство имперскаго правительства съ укрѣпленныхъ и занятыхъ раньше позицій. За спиной партіи центра стояли всѣ низшіе элементы нѣмецкаго католическаго населенія; приходилось возвращать папству отнятыя было права. Но какъ не печаленъ для сторонниковъ прогресса финалъ конфликта, есть для нихъ одно утѣшеніе: та драгоцѣнная свобода совѣсти, которая вошла однимъ изъ краеугольныхъ камней современныхъ конституцій, сохранилась во всей своей неприкосновенности въ Германской имперіи. Пусть бушуютъ черныя тучи реакціи; но для человѣка, достигшаго духовной зрѣлости и провидящаго, хотя и сквозь густую дымку, даль будущаго, онѣ

не страшны потому, что, опираясь на конституціонныя права, онъ сможетъ напряженными усиліями благороднаго борца разсѣять религіозный мракъ толпы и ввести ее въ ту священную лабораторію духа, надъ входомъ въ которую написано: *здѣсь человѣкъ.* Пусть папство играетъ на струнахъ народнаго невѣжества, но происки его будутъ безсильны, когда свобода совѣсти и вѣротерпимость съ бумажнаго листа конституцій перейдутъ на скрижали сердца всѣхъ гражданъ.

II.

Въ XI в. греки уличали латинянъ въ ереси за то, что они постятся по субботамъ, не поютъ аллилуія великимъ постомъ, ѣдятъ будто бы мясо удавленныхъ животныхъ, терпятъ бритыхъ священниковъ, епископовъ съ перстнями на пальцахъ и употребляютъ для евхаристіи прѣсный, а не квасной хлѣбъ, причемъ превосходство квасного хлѣба доказывалось тѣмъ, что онъ есть хлѣбъ живой, одушевленный, ибо имѣетъ въ себѣ соль и закваску, тогда какъ латинскіе опрѣсники суть хлѣбъ мертвый, бездушный и даже недостойный называться хлѣбомъ, будучи „какъ бы кускомъ грязи“. И умъ грека, съ полною ясностью рѣшившій, что „бритье бороды“ и „яденіе удавленныхъ“—ересь, сталъ по волѣ судебъ кладеземъ премудрости для нашихъ предковъ. Съ добросовѣстностью самаго усерднаго ученика русскіе копировали образцы своихъ учителей; ихъ вліяніе отражалось на всѣхъ сторонахъ общественнаго и государственнаго быта, и всякое малѣйшее отступленіе отъ преподанныхъ правилъ признавалось равносильнымъ ереси. Достаточно сказать, что и у насъ обладаніе бородой ставили на степень догмата. „Если кто браду брѣетъ и умретъ,—читаемъ въ Кормчей книгѣ,—не подобаетъ его хоронить . . . . . съ невѣрными да причтется“. А въ актахъ Стоглаваго собора эта косметическая вольность называется латинскою ересью, „нѣсть православныхъ преданія“. Окутанный непроглядной мглой невѣжества, ослѣпленный внѣшнимъ блескомъ, показной сторо-

ной византійской культуры, нашъ народъ, можетъ быть, еще много вѣковъ довольствовался бы чужимъ и не думалъ бы о своей религіозно-національной особенности, если бы сама жизнь не выдвинула фактовъ, поколебавшихъ нашу вѣру въ совершенныя качества грековъ, какъ хранителей народной святыни. Флорентійская унія (1439 г.), которая вызвала вопль негодованія во всей Руси, и въ безпросвѣтныхъ глубинахъ наивнаго сознанія поселила увѣренность, что греческая церковь „испроказилась невѣріемъ апполлинаріевой ереси", покореніе Константинополя турками (1453 г.), истолкованное народной логикой въ смыслѣ страшнаго возмездія грекамъ за совершившееся только что передъ тѣмъ отступленіе въ латинство и отдавшее судьбу православія на востокѣ въ власть „безбожныхъ агарянъ",—эти два событія, по мнѣнію русскихъ книжниковъ, возлагали на Москву великую міровую миссію—стать центромъ неискаженнаго православія и строгимъ блюстителемъ всѣхъ особенностей церковнаго обряда, во всей своей чистотѣ сохранившихся только въ Россіи. Церковь русская национализировалась, возникла русская вѣра, но вѣра, своими корнями и вершиной опирающаяся на мертвящій буквализмъ византійскаго бездушія. Конечною цѣлью ставилось слѣпое оберeганіе старины, отъ холоднаго дыханія которой должно было замирать все живое и прогрессивное, святыня народная замыкалась какъ бы въ ящикъ съ семью замками; хранящіяся въ немъ драгоцѣнности не слѣдовало подъ страхомъ смертнаго грѣха увеличивать, наоборотъ, весь смыслъ благочестія полагали въ томъ, чтобы зорко оберегать ихъ отъ тлѣтворныхъ вліяній времени. Та вѣчная правда, которая съ несокрушимой силой дѣйствуетъ на чувство со страницъ Евангелія, закрылась толстымъ слоемъ формализма и настроеніе благочестиваго человѣка погрузилось въ безнадежный квіэтизмъ. Но если справедливо, что въ содержаніи религіознаго сознанія отражается степень моральнаго развитія личности и культурный уровень общества данной эпохи, то безспорно, что первичная форма русскаго православія, какъ слабый дѣтскій лепетъ проснувшейся народной души, должна была эволюціонировать по мѣрѣ того,

какъ духовная физіономія ея первыхъ невѣжественныхъ творцовъ превращалась въ личность культурнаго человѣка. Сбылось ли въ исторіи нашей это предположеніе? Нѣтъ, не сбылось.

Самодержавная власть Московсковскаго правительства, достигнувъ политической гегемоніи путемъ уничтоженія княжескихъ удѣловъ и вольностей народоправствъ, конечно, хорошо сознавала, что одной царской дружины, какъ бы она ни была сильна, далеко недостаточно для того, чтобы обезпечить только что законченному преобразованію непоколебимую прочность въ будущемъ, оградить его отъ случайныхъ вспышекъ народнаго недовольства, которое было на время сдавлено, но еще не окончательно потушено. Нужно было попытаться сроднить реформу съ народомъ, сдѣлать ее близкой его сердцу, подвести подъ нее, такимъ образомъ, желѣзный фундаментъ, чтобы она не боялась уже соціальныхъ бурь и ненастій. И эту работу взяли на себя русскіе іерархи, которые въ простотѣ душевной освятили своимъ авторитетнымъ словомъ существовавшій въ Византіи взглядъ на имераторовъ, какъ на богоизбранниковъ, и закрѣпили этотъ титулъ за русскимъ самодержцемъ. За такую услугу и верховная власть не осталась въ долгу: подъ ея мощнымъ покровомъ монастырскія и архіерейскія вотчины обратились въ богатѣйшія помѣстья и если въ тяжелыя годины общественныхъ бѣдствій государи иногда накладывали на эти богатства свою руку, то причиненный ущербъ по милости тѣхъ же царей скоро возмѣщался сторицею. Заключенный по такимъ соображеніямъ союзъ „трона съ алтаремъ“ сталъ каменной стѣной для самодержавія, но въ то же время весьма опасной ловушкой для безпрепятственнаго раскрытія моральныхъ задатковъ русскаго православія. Извѣстно, что съ титуломъ „богоизбранный царь“ Иванъ Грозный соединялъ самыя широкія полномочія, и его заботы о церковномъ устройствѣ, такъ ярко обнаруженныя имъ на Стоглавомъ соборѣ, и рядомъ съ этимъ звѣрское убійство митрополита Филиппа, показали наглядно, что пересадокъ византизма могъ при благопріятныхъ условіяхъ прочно культивироваться и въ русской дѣй-

ствительности. Парализовать, а тѣмъ болѣе вырвать съ корнемъ это зло, высшіе іерархи того времени въ своей массѣ были неспособны, потому что въ ихъ пониманіи, отражавшемъ въ себѣ византійскіе нравы и воззрѣнія, переплетались функціи обѣихъ, по существу совершенно разныхъ, властей. Если царь считаетъ своимъ правомъ замѣнять въ извѣстныхъ случаяхъ священника, то гдѣ препятствіе священнику стать царемъ и „великимъ государемъ"? И этотъ логическій выводъ былъ не только сдѣланъ, но и отчасти осуществленъ при патріархахъ Филаретѣ и Никонѣ. Родственная связь перваго съ царемъ оставляла подобный опытъ безнаказаннымъ, за то трагическая развязка жизни втораго доказала, что клерикализмъ въ Россіи явленіе немыслимое, пока есть налицо самодержавная власть сконструированная по византійскому образцу. Съ успѣхомъ отражать удары царскаго деспотизма могъ и можетъ только сильный духомъ іерархъ, неподкупно и всегда дѣйствующій только подъ флагомъ высокихъ завѣтовъ правды Христовой; онъ, свѣтлый вѣстникъ истины, не побоится льстивыхъ заискиваній и коварныхъ обличеній власти, такъ какъ она, ставъ лицомъ къ лицу съ правдой, или безропотно покорится ей, или спрячется отъ нея, какъ прячется филинъ отъ дневнаго свѣта, или же, желая устранить причину угрызеній своей совѣсти, постарается поскорѣе покончить съ мятежнымъ подданнымъ, но тѣмъ самымъ она плететъ безсознательно сама на благородное чело борца за идею вѣнецъ мученичества и священную память о немъ увѣковѣчиваетъ въ благодарномъ потомствѣ.

Патріархъ Никонъ понесъ кару, какъ мятежный подданный, но оттого онъ не сталъ мученикомъ за правду, напротивъ, его церковная реформа, обличающая въ немъ фанатика греческаго буквализма, хроническое худосочіе, которымъ и безъ того страдало русское православіе, обратила въ постоянную болѣзнь. Преслѣдованія, обрушившіяся на не въ чемъ неповинныхъ раскольниковъ, выкопали глубокую пропасть между обоими лагерями—гонимыми и гонителями: фанатичные приверженцы древне-русской обрядности, гонимые, какъ пчелы, скоро образовали свой улей и на долго отвернулись отъ

всякихъ вліяній культурнаго міра. Ряды же оффиціальныхъ представителей византійскаго обряда, съ уходомъ наиболѣе усердныхъ и искреннихъ ревнителей вѣры, стали замѣщаться креатурами самодержавія. Такъ безъ борьбы, пользуясь только слабостью и раздробленіемъ церковныхъ партій, московскій византизмъ могъ подготовить почву для полнаго подавленія церковнаго начала государственнымъ. Это и случилось при Петрѣ I.

Великій преобразователь Россіи прежде, чѣмъ привести въ исполненіе задуманный смертный приговоръ надъ царевичемъ Алексѣемъ, изъ опасенія, „дабы не погрѣшить", обратился къ духовнымъ чинамъ съ вопросомъ: „да взыщите и покажете отъ св. Писанія намъ истинное наставленіе и разсужденіе: какого наказанія сіе богомерзкое и Авессаломову прикладу уподобляющееся намѣреніе сына нашего . . . достойно". Представлялся прекрасный случай—вдохновеннымъ словомъ пророка сказать царю: „нѣтъ, ты не долженъ, тебѣ запрещаютъ святые законы вѣчной правды", но вмѣсто этого Петръ получилъ въ отвѣтъ „византійскій камень мертваго буквализма и византійскую змѣю лукавой лести": „сердце царево въ руцѣ Божіи есть; да изберетъ тую часть, амо же рука Божія того преклоняетъ". Царь искалъ въ мучительной борьбѣ, которую онъ переживалъ, нравственной помощи, высшаго совѣта, желалъ услыхать, какъ ему поступить во имя долга и справедливости, но вмѣсто того слышитъ: „ты самодержавецъ, твои права неограниченныя не противорѣчатъ евангельской правдѣ, ты можешь совершить страшное злодѣяніе,—убить собственнаго сына". И можно ли послѣ этого обвинять Петра въ томъ, будто бы онъ лишилъ русскую церковь самостоятельности? Нѣтъ, учреждая Сѵнодъ, онъ лишь констатировалъ то, что открывали ему конкретные факты; своей реформой онъ только вгонялъ бездушный и лишенный живительныхъ соковъ буквализмъ въ такой же бездушный бюрократическій механизмъ. Патріаршество имѣло бы глубокій смыслъ въ томъ только случаѣ, если бы оно было органическимъ продуктомъ религіозно-церковнаго творчества, если бы оно коренилось въ прогрессивномъ ростѣ религіоз-

ной мысли; но фактически русское православіе отказалось отъ прогресса, оно не нуждалось въ законосозидательной дѣятельности, и потому наше патріаршество de facto явилось ничѣмъ инымъ, какъ искусственной прививкой византизма, удовлетворявшей національному честолюбію, да несбыточнымъ претензіямъ нѣсколькихъ властолюбивыхъ сановниковъ церкви; это было въ самомъ началѣ мертворожденное дѣтище, которое при первомъ же серьезномъ столкновеніи съ развитымъ государственнымъ началомъ должно было обнаружить всю свою нежизнеспособность. Но, не эта моральная безпочвенность патріаршества, и не это отсутствіе сознанія у нашихъ іерарховъ положительныхъ идеаловъ, превращавшее ихъ „въ льстивыхъ царедворцовъ"—по выраженію Петра—послужили непосредственнымъ толчкомъ къ учрежденію „духовной коллегіи"; эти два обстоятельства разчищали только путь къ задуманной реформѣ. Воспитанные въ слѣпой преданности ко всему византійскому и въ безотчетномъ презрѣніи ко всему западно-европейскому, русскіе іерархи не могли относиться сочувственно къ государственнымъ преобразованіямъ реформатора. Косность религіозная, судорожное оберегаміе старинной обрядности и неспособность задуматься надъ грядущимъ неизбѣжно обрекали ихъ на культурный застой; полагая идеалъ жизни позади въ сѣдой старинѣ, они неспособны были оцѣнить все значеніе начинаній Петра и видѣли въ нихъ лишь странныя, грѣховныя затѣи, навѣянныя съ еретическаго Запада.

Чтобы заглушить эту темную силу и заставить ее служить планамъ царя, нужно было лишить ее старой, хотя и призрачной, самостоятельности, крѣпкимъ узломъ стянуть ее государственной организаціей, такъ чтобы всякое ея проявленіе предусматривалось и опредѣлялось царской волей. И Петръ взмахомъ своей грозной „дубинки" втиснулъ церковь въ вѣдомство „учрежденной имъ духовной коллегіи". Съ этого момента ледяной бюрократизмъ полицейскаго государства сталъ постепенно плотнымъ кольцомъ охватывать православіе, неудержимо проникать во всѣ поры его жизни, чрезъ оберъ-прокурора Сѵнода неутомимо воплощать его въ безконечныхъ

циркулярахъ и указахъ. И въ жизни церкви, и безъ того уже очень спокойной, водворилась мертвая тишина. Если и раздавались голоса недовольныхъ жестокимъ режимомъ, то ихъ звуки жалобно замирали въ мрачныхъ казематахъ Соловецкой обители, или въ глухихъ застѣнкахъ Спасо-Евфиміева монастыря въ г. Суздалѣ. Казематъ и застѣнокъ! Не найдемъ ли въ нихъ аналогіи съ кострами католической инквизиціи? Не есть ли это тѣже позорные столбы, на которыхъ безжалостно распинались всякіе проблески живой мысли и вѣры?

Мы прослѣдили главные этапы, по которымъ двигалось русское православіе рука объ руку съ полицейскимъ государствомъ, и не могли отмѣтить ни одного свѣтлаго момента, когда бы духовную тьму, хотя бы на одинъ мигъ, пронизалъ лучъ свободы совѣсти. Не указывайте намъ на Нила Сарскаго и его сподвижниковъ, ихъ идеи о свободѣ личности безслѣдно утонули въ общемъ потокѣ бюрократизма, въ хмурой, ненастной погодѣ русской дѣйствительности. Русское православіе, возникнувъ изъ византизма, тѣмъ самымъ сдавило свободу вѣрующаго какъ бы тяжелымъ камнемъ. Не можетъ быть, чтобъ оно само по себѣ способно было закоченѣть въ первоначальномъ буквализмѣ, безспорно, оно дошло бы путемъ саморазвитія до понятія свободы совѣсти и усвоило бы начало религіознаго субъективизма; но оно замерло на одной точкѣ, потому что вошло краеугольнымъ камнемъ въ деспотическую политику нашей самодержавной бюрократіи. И ничто иное, какъ именно такая политика, игравшая до самаго послѣдняго времени народной святыней, какъ орудіемъ узко-классоваго властолюбія, сознательно заглушала всякіе проблески свободной религіозной мысли, подрывала въ православіи корни прогрессивнаго саморазвитія, питала въ средѣ религіозныхъ партій духъ взаимной вражды и нетерпимости и неуклонно цѣплялась за тѣ печальные пережитки полицейско-бюрократической опеки, отъ которыхъ полвѣка тому назадъ освободилась совѣсть западно-европейскаго гражданина.

Повсюду въ конституціонныхъ странахъ никому не возбраняется мѣнять свою вѣру на другую, и это вполнѣ

понятно. Человѣкъ, искренне рѣшившійся перемѣнить свою вѣру, дѣлаетъ это только потому, что одну религію признаетъ ложной, не соотвѣтствующей своему настроенію, а другую—истинной, въ ней онъ находитъ частичное, если не полное отраженіе своего „я“. Ставьте ему какія угодно помѣхи, все равно онъ не перестанетъ вѣрить въ своего Бога, принуждайте, наказывайте, пытайте его, законы мышленія и убѣжденія его оттого не измѣнятся ни на іоту; онъ пострадаетъ и, какъ страдалецъ за идею, къ вашему стыду вплететъ лишній разъ лавровый вѣнокъ въ то священное знамя, которое онъ называетъ своей вѣрой; принужденіемъ и угрозами вы можете заставить его только лицемѣрить, но на вашу совѣсть ляжетъ тяжкая вина за то, что вы деморализуете людей, заставляете скрывать святое чувство и выставлять наружу гнусную лесть, фарисейство. Но нашъ законодатель еще недавно совсѣмъ не считался съ настроеніемъ индивида; подъ вліяніемъ традицій византійскаго формализма, исключавшаго понятіе личности въ смыслѣ субъекта вѣры, онъ въ православіи видѣлъ только извѣстный придатокъ политической системы, и подобно византійскимъ императорамъ, низводилъ его на степень внѣшняго факта. Неотъемлемое право человѣка имѣть свой религіозный идеалъ стушевывалось, поэтому, въ нашемъ законодательствѣ предъ юридическою обязанностью гражданина исповѣдывать православіе, какъ залогъ общественнаго и государственнаго благополучія. И если фактически невозможно было всѣхъ русскихъ сдѣлать православными, то признавалось необходимой мѣрой государственной политики удерживать путемъ угрозъ и уголовныхъ каръ въ господствующей вѣрѣ лицъ, записанныхъ въ метрическихъ книгахъ въ графѣ православныхъ. Насильственное обращеніе въ православіе латышей-лютеранъ въ Прибалтійскомъ краѣ и уніатовъ въ Царствѣ Польскомъ и Западномъ краѣ, существованіе 20 милліоновъ „незаписныхъ“ раскольниковъ и не поддающагося точному учету множества лицъ, принявшихъ православіе лишь подъ давленіемъ невыносимыхъ условій безправной жизни, на которую ихъ обрекала вѣра предковъ,—развѣ все это не позорная для циви-

лизованнаго государства XX в. аномалія, при наличности которой совѣсть была придавлена разными параграфами и статьями „бумажной вѣры“? Съ другой стороны, кровавая расправа съ несчастными раскольниками и сектантами, мелочная регламентація, ограничивавшая до крайнихъ предѣловъ ихъ частно-правовой бытъ и подчинявшая отправленіе культа капризному усмотрѣнію администраціи, представляютъ собою другой неопровержимый аргументъ въ пользу русскаго цезаро-папизма, для котораго православный обрядъ, буква, сухая форма служили мѣриломъ правовѣрія. Благодаря этому всѣ религіозныя группы, живущія по другимъ традиціямъ и обрядамъ, или только терпѣлись, какъ необходимое зло и пользовались даже нѣкоторой автономіей въ отправленіи своего культа, или же поступали въ разрядъ нетерпимыхъ, преслѣдуемыхъ сектъ; но для тѣхъ и другихъ одинаково религіозная пропаганда и переходъ къ нимъ изъ православія были уголовно-наказуемымъ дѣяніемъ.

Высочайшій указъ 17 апрѣля внесъ яркій лучъ свѣта въ темное царство византійскаго произвола и религіознаго деспотизма: онъ провозгласилъ свободу вѣроисповѣданія для русскихъ подданныхъ изъ христіанъ всѣхъ оттѣнковъ, исключая только послѣдователей „изувѣрныхъ“ сектъ (скопцы, хлысты и др.). Конечно, въ настоящій моментъ можно лишь предположительно выводить изъ новаго указа рядъ всѣхъ практически важныхъ послѣдствій для оживленія религіозной мысли въ нашемъ отечествѣ, такъ какъ еще вопросъ будущаго, какое толкованіе и насколько послѣдовательное осуществленіе онъ получитъ въ нашемъ уголовномъ правѣ, въ нашихъ законахъ о смѣшанныхъ бракахъ и въ административной практикѣ. Все же уже за одно то, что теперь многимъ иновѣрцамъ, приписаннымъ къ господствующей церкви вопреки ихъ убѣжденіямъ, дано право на свободное выраженіе истинныхъ своихъ вѣрованій и на переходъ къ религіи своихъ отцовъ и что, такимъ образомъ, православіе сразу перестало быть для однихъ источникомъ стѣсненій и преслѣдованій, для другихъ заманчивой сокровищницей правъ, привилегій и чиновъ,—уже за одно это указъ 17 апрѣля

долженъ считаться крупнымъ шагомъ въ борьбѣ за вѣротерпимость. Но съ точки зрѣнія правовыхъ воззрѣній и требованій общественной справедливости въ новеллѣ 17 апрѣля выражается, къ сожалѣнію, лишь слабый и нерѣшительный отголосокъ тенденцій, присущихъ современному религіозно-освободительному теченію. Она сдвинула примѣнявшуюся доселѣ тактику правящихъ сферъ съ гнилыхъ подпорокъ узко-конфессіональнаго византизма и поставила русское государство на тотъ абстрактный христіанскій базисъ, на которомъ покоилась церковная политика западно-европейской бюрократіи въ концѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX в. в. Расторгнувъ вѣковой союзъ съ православіемъ, самодержавная власть не рѣшилась сразу стать на строго правовую почву и объявить религію дѣломъ частнымъ, индивидуальнымъ, въ чемъ заключается единственное возможное средство всѣмъ гражданамъ обезпечить полную свободу совѣсти. Нѣтъ, она разрѣшила свободную перемѣну вѣры въ предѣлахъ только христіанскихъ конфессій и сектъ, перенесла съ православія на христіанство во всѣхъ его историческихъ разновидностяхъ ярлыкъ политической и гражданской полноправности и тѣмъ самымъ ясно показала, что въ своей дѣятельности и въ будущемъ она непремѣнно намѣрена руководиться религіозно-конфессіональнымъ принципомъ.

Въ такомъ взглядѣ законодателя слышится оправданіе традиціонной мысли, что ни христіанство безъ государства, ни государство безъ христіанства, безъ взаимнаго ущерба существовать не могутъ,—мысли, идущей въ разрѣзъ съ правильно понятыми задачами того и другаго порядка жизни. Всякій, кто не гоняется только за пустой внѣшностью и въ христіанской религіи цѣнитъ прежде всего ея моральную сторону, согласится промѣнять привиллегированное и матеріально обезпеченное, но зависимое и стѣсненное положеніе церкви на иную жизненную обстановку, которая позволяла бы ей свободно развернуть въ обществѣ всю мощь своихъ потенціальныхъ силъ, съ корнемъ вырвать разъѣдающее церковный организмъ классовое раздѣленіе и превратиться изъ фактора разъединяющаго въ силу творче-

скую, созидающую, вносящую постепенно въ классовыя противорѣчія солидарность, духовное единеніе. Чтобы выровнять путь для такой реформаторской дѣятельности современной церкви, необходимо освободить ее отъ политическихъ узъ, цѣлыми вѣками отвлекавшихъ ее отъ ея непосредственной миссіи и впутавшихъ ее въ процессъ соціальной борьбы, гдѣ она играла и играетъ роль слѣпаго или сознательнаго защитника стремленій господствующихъ классовъ. Пусть фанатичные сторонники узко-церковнаго начала упрекаютъ въ религіозномъ индифферентизмѣ просвѣщенныхъ дѣятелей культурнаго запада за ихъ радикальную попытку законодательнымъ путемъ отмежевать сферы жизненнаго вліянія „двухъ мечей“, въ ихъ идейной работѣ проявилось несравненно больше пониманія и уваженія къ ученію Христа, нежели у тѣхъ, кто слѣпо вѣритъ въ возможность поддержать реальное значеніе христіанства при содѣйствіи свѣтской власти. Одни убѣждены, что истина сама по себѣ не нуждается ни въ какихъ внѣшнихъ подпоркахъ и что чѣмъ большій просторъ будетъ предоставленъ ей вліять на народныя массы, тѣмъ скорѣе она пронижетъ и разсѣетъ своимъ духовнымъ жезломъ толстый слой печальныхъ историческихъ наростовъ,—религіозныхъ суевѣрій и предразсудковъ. Другіе, наоборотъ, не вѣрятъ въ силу истины, когда искренно или лицемѣрно желаютъ создать ей торжество цѣной внѣшнихъ приманокъ и правовыхъ ярлыковъ. Въ міровоззрѣніи однихъ религія рисуется, какъ сложный процессъ творчества высшихъ и самыхъ цѣнныхъ идеаловъ жизни и центромъ такого духовнаго созиданія признается личность и только личность, другіе,—наоборотъ, центръ этотъ перемѣщаютъ на внѣшній авторитетъ и христіанство трактуютъ въ смыслѣ застывшаго, неподвижнаго начала, въ отношеніи къ которому со стороны вѣрующаго не должно быть никакой критики. Едва ли нужно доказывать, что одна сторона въ данномъ случаѣ примыкаетъ къ духу Евангелія и выражаетъ законы „вѣчной правды“, другая—все еще носитъ въ себѣ явные пережитки языческой старины.

Въ тѣхъ западно-европейскихъ конституціяхъ, гдѣ ясно

формулированъ принципъ полной секуляризаціи религіознаго начала отъ политическаго, на первый планъ всегда выдвигается положеніе, что всякій гражданинъ пользуется свободой совѣсти и религіозной до тѣхъ поръ, пока въ проявленіи своихъ убѣжденій не нарушитъ правовыхъ интересовъ. Здѣсь скрывается молчаливое предположеніе, что мораль христіанства должна найти сначала сочувственный откликъ въ духовномъ мірѣ индивида и только, пройдя уже чрезъ этотъ міръ, она можетъ духовно переродить общество, а чрезъ него косвенно повліять и на характеръ государственной политики и законодательства. Правовое государство, такимъ образомъ, вовсе не отрекается отъ религіи, какъ обычно принято у насъ думать; въ сознаніи своего безсилія управлять душою гражданъ оно отказывается только отъ вмѣшательства туда, гдѣ его законы могутъ вызвать лишь безполезный страхъ или лицемѣрное послушаніе. Проведя принципіальную границу между тѣмъ, что „Божіе“ и что „кесарево“, оно, съ другой стороны, получаетъ полную возможность опредѣлить и осуществлять свои задачи объективно, примѣнительно къ прогрессивному росту общественныхъ потребностей и въ зависимости отъ конкретной группировки и соотношенія соціально-экономическихъ элементовъ въ каждый данный моментъ. Поставленное внѣ прямаго воздѣйствія религіозно-церковнаго фактора, оно гарантируетъ гражданамъ равныя права, соціальное и служебное положеніе ихъ стремится регулировать согласно принципу справедливости, т. е., воздавать каждому то, что заслуживаетъ онъ по своей трудоспособности, природнымъ дарованіямъ, физическому и интеллектуальному развитію. Не стѣсняемые религіозными преградами, въ такой странѣ на вершинѣ служебной лѣстницы стоятъ только люди таланта и знанія; часто униженные и безправные въ тѣхъ государствахъ, гдѣ любовь къ родинѣ, умъ, даже геній приносятся въ жертву оффиціальному Молоху, эти люди въ атмосферѣ лучшихъ условій правопорядка возвышаются на степень выразителей общественнаго мнѣнія и вліятельныхъ вожаковъ политическихъ партій.

И въ великой, но порабощенной и угнетенной, Россіи

во всю ширь развернулся бы ея богатырскій духъ, появились бы десятки милліоновъ свѣжихъ силъ, если бы съ подавленныхъ современнымъ безправіемъ ея сыновъ были сняты ненужныя для государства ихъ религіозныя оболочки. Съ пыломъ юношеской страсти понесли бы на алтарь отечества свои таланты всѣ, кто хочетъ, кто любитъ свою родину, если бы нашъ законодатель послѣдовалъ примѣру другихъ цивилизованныхъ націй и не остановился бы на полпути, какъ это сдѣлалъ Высочайшій указъ 17 апрѣля, но категорически провозгласилъ бы принципъ полной свободы совѣсти и секуляризаціи церкви отъ государства. Только при наличности этого условія православіе, слабое внутри, придавленное полицейской опекой извнѣ, можетъ возродиться и сравнять пропасть, существующую между духовенствомъ и интеллигенціей; только отвернувшись отъ іудиныхъ лобзаній въ формѣ разныхъ привиллегій, оно въ состояніи вылечиться отъ хроническаго недуга,—буквализма и пойти твердой стезей неподобострастнаго примѣненія правды Христа. Иначе дѣлу возрожденія его не поможетъ никакая реформа: пока тяготѣетъ надъ нимъ государственный бюрократизмъ, оно не спасется отъ церковной бюрократіи и формализма.

Проф. В. Соколовъ.

НУЖДЫ ОКРАИНЪ ВЪ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ КОМИТЕТАХЪ.

I.

Трудно представить себѣ болѣе пеструю картину какъ хозяйственныхъ и соціальныхъ условій, такъ и общественныхъ настроеній, нежели какую даютъ десятки тысячъ страницъ „трудовъ“ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности по 49 губерніямъ Европейской Россіи. Но эта пестрота превращается въ настоящую калейдоскопичность, если свести и обобщить тотъ матеріалъ, который содержится въ немногочисленныхъ томахъ „трудовъ“ по Сибири, Степному краю, Туркестану, Закавказскому краю и по Предкавказью съ Донскою областью. Достаточно напомнить, что сѣверъ нашихъ азіатскихъ окраинъ—это полоса тундръ, гдѣ земледѣліе невозможно и гдѣ крайне рѣдкое инородческое населеніе существуетъ исключительно охотой, рыболовствомъ и т. п., — на югѣ же лежатъ страны съ почти тропическою природой, какъ Черноморское побережье или низменныя равнины Закавказья и Туркестана; что на этомъ пространствѣ мы встрѣчаемъ и мѣстности, только еще начинающія заселяться—таковы окраины сибирской тайги, гдѣ только теперь еще начинаютъ возникать первые поселки; и такія области, какъ полоса старыхъ поселеній Сибири, гдѣ трехсотлѣтняя русская колонизація, совершенно вытѣснивъ первобытное туземное населеніе, сложилась въ устойчивыя формы; и безпредѣльныя

степи, на которыхъ понемногу совершается любопытнѣйшій процессъ осѣданія кочевниковъ-киргизъ, перекрещивающійся съ другимъ процессомъ—русской колонизаціи степей; и, наконецъ, мѣстности какъ Туркестанъ и Закавказье—мѣстности съ тысячелѣтнею туземною культурой, которая успѣшно противостоитъ и мирному натиску русской колонизаціи, и—какъ въ послѣднее время на Кавказѣ—грубымъ и насильственнымъ обрусительнымъ пріемамъ. Задача настоящаго очерка—выяснить, какими характерными чертами эти мѣстныя особенности отразились на содержаніи „трудовъ" мѣстныхъ комитетовъ, а затѣмъ—дать обзоръ заключеній комитетовъ по нѣкоторымъ важнѣйшимъ группамъ вопросовъ, причемъ ограниченность мѣста и характеръ изданія, предложившаго свое гостепріимство настоящей небольшой работѣ, заставляютъ автора ограничиться одними только вопросами общественнаго характера, оставляя совершенно въ сторонѣ какъ техническіе, такъ и узко-экономическіе вопросы. Прежде всего, однако, мы попытаемся дать краткую характеристику самихъ мѣстныхъ комитетовъ и того матеріала, который представляютъ собою ихъ „труды". Такая характеристика будетъ, думается намъ, нелишнею, такъ какъ тѣ окраины, которымъ посвященъ настоящій очеркъ, при всемъ безконечномъ разнообразіи естественныхъ и экономическихъ, культурныхъ и историческихъ условій, имѣютъ, однако, и нѣкоторыя общія черты: отсутствіе земскаго представительства, вообще—болѣе слабое, чѣмъ гдѣ-либо, развитіе тѣхъ формъ, въ которыхъ могла бы выражаться общественная самодѣятельность и могло бы вырабатываться мѣстное общественное мнѣніе. И здѣсь приходится констатировать тотъ довольно неожиданный, при указанныхъ обстоятельствахъ, фактъ, что комитеты губерній и областей Азіатской Россіи нѣтъ возможности объединить въ какой либо особый типъ, въ чемъ либо противополагающійся господствующему типу комитетовъ Европейской Россіи. И по составу своему, и по отношенію къ возложенной на нихъ задачѣ, и по выразившемуся въ нихъ общественному настроенію, окраинные комитеты представляютъ то же безконечное разнообразіе, какъ и комитеты въ земской Россіи.

Если остановиться прежде всего на составѣ комитетовъ, то сравнительно однообразнымъ представляется составъ губернскихъ и областныхъ комитетовъ. Большинство послѣднихъ состоитъ либо изъ однихъ губернскихъ чиновниковъ (Терскій, Кубанскій, Закаспійскій, Акмолинскій, Семирѣченскій), либо изъ тѣхъ же чиновниковъ съ добавленіемъ къ нимъ небольшого числа постороннихъ лицъ; въ Тобольскомъ губернскомъ комитетѣ мы видимъ, напримѣръ, предсѣдателя Курганскаго сельскохозяйственнаго общества и нѣсколько болѣе видныхъ участниковъ уѣздныхъ совѣщаній; въ Томскомъ—двухъ профессоровъ Томскаго университета, представителей мѣстнаго сельскохозяйственнаго общества и нѣсколько другихъ лицъ, частью пріобрѣвшихъ себѣ имя печатными работами въ области мѣстнаго землевладѣнія, хозяйства и т. п.; въ Самаркандскомъ комитетѣ участвуютъ всѣ предсѣдатели уѣздныхъ комитетовъ и нѣсколько частныхъ лицъ—мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ; въ Бакинскомъ—всѣ уѣздные начальники и податные инспектора губерніи, въ Эриванскомъ и Черноморскомъ—по нѣскольку землевладѣльцевъ—сельскихъ хозяевъ, въ Ферганскомъ—два туземца, въ Карсскомъ—„свѣдущіе люди отъ мѣстнаго населенія“, и т. д. Болѣе широкій составъ имѣли только два закавказскихъ комитета—Тифлисскій и особенно Кутаисскій, въ составъ которыхъ были приглашены всѣ уѣздные предводители дворянства и значительное число мѣстныхъ землевладѣльцевъ, а также, повидимому, и Донской, къ сожалѣнію, не напечатавшій списка своихъ членовъ. Нельзя, наконецъ, не отмѣтить, что во всѣхъ губернскихъ комитетахъ участвовали, и по большей части весьма дѣятельно, представители правительственной агрономіи, иногда въ лицѣ единственнаго на губернію правительственнаго агронома или иного спеціалиста, иногда—главнымъ образомъ на Кавказѣ—въ видѣ болѣе или менѣе многочисленныхъ представителей какъ агрономіи вообще, такъ и отдѣльныхъ ея спеціальностей.

Гораздо разнообразнѣе составъ уѣздныхъ комитетовъ [1])

---

[1]) Въ Кавказскомъ краѣ уѣздныхъ комитетовъ и совѣщаній вовсе не было,

и замѣнявшихъ ихъ въ Тобольской губерніи совѣщаній. Нѣкоторыя изъ нихъ составились изъ ничтожнаго числа уѣздныхъ чиновниковъ—преимущественно крестьянскихъ начальниковъ и податныхъ инспекторовъ (Каинскій, Канскій); въ составъ другихъ было приглашено по нѣскольку лицъ, не принадлежавшихъ къ узкому кругу уѣздной администраціи: въ Барнаульскій—нѣсколько хлѣботорговцевъ, въ Тюменскій—два мѣстныхъ землевладѣльца, въ Змѣиногорскій и Ишимскій—нѣсколько купцовъ, въ составѣ нѣкоторыхъ другихъ комитетовъ мы встрѣчаемъ врачей, учителей, священниковъ, волостныхъ писарей и т. п.; въ большинствѣ комитетовъ Донской области, повидимому, принимало участіе, по приглашенію ихъ предсѣдателей—предводителей дворянства, по нѣсколько человѣкъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и т. п. Участіе въ комитетахъ сельскаго населенія—крестьянъ, инородцевъ и казаковъ, проявилось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, очевидно, въ зависимости всецѣло отъ усмотрѣнія и личнаго взгляда предсѣдателей. Такъ, въ Кузнецкомъ комитетѣ участвовалъ всего одинъ крестьянинъ, въ Усть-Медвѣдицкомъ—одинъ волостной старшина и одинъ станичный атаманъ; въ другихъ комитетахъ участвуетъ по нѣсколько, иногда по многу крестьянъ или инородцевъ, но нѣтъ указаній на то, почему именно эти, а не другія лица были приглашены представлять въ комитетахъ нужды и интересы сельскаго населенія уѣзда или округа; въ нѣкоторыхъ комитетахъ участвуютъ, повидимому, всѣ волостные старшины, инородческіе головы или станичные атаманы уѣзда или округа, иногда вмѣстѣ со своими писарями,—и только въ единичныхъ случаяхъ мы встрѣчаемся съ выборными представителями отъ волостныхъ или станичныхъ обществъ, спеціально избранными для участія въ комитетахъ и совѣщаніяхъ. Наиболѣе широко представительство интересовъ населенія было организовано въ Тобольской губерніи и въ Хоперскомъ округѣ Донской области. Въ составъ Хоперскаго комитета

а по Туркестанскому краю и большей части округовъ Донской области о составѣ уѣздныхъ и окружныхъ комитетовъ нѣтъ свѣдѣній.

вошли 26 землевладѣльцевъ и 47 представителей отъ крестьянскихъ и станичныхъ обществъ, и, кромѣ того, въ матеріалахъ комитета помѣщена цѣлая серія приговоровъ сельскихъ и станичныхъ обществъ съ изложеніемъ ихъ нуждъ и пожеланій. Въ Тобольской губерніи, взамѣнъ уѣздныхъ комитетовъ, были организованы „совѣщанія", задача которыхъ, повидимому, заключалась не столько въ обсужденіи, сколько въ непосредственномъ выясненіи взглядовъ и нуждъ крестьянскаго населенія. Въ зависимости, опять-таки, отъ усмотрѣнія предсѣдателей эти совѣщанія были организованы въ высшей степени разнообразно; такъ, въ Курганскомъ уѣздѣ роль совѣщанія сыграло мѣстное сельскохозяйственное общество, съ участіемъ нѣсколькихъ десятковъ представителей отъ крестьянъ; въ Ишимскомъ было организовано три совѣщанія—одно изъ уѣздныхъ чиновниковъ съ участіемъ нѣсколькихъ представителей городского общества, священниковъ и т. п. и два—исключительно изъ крестьянъ, по двумъ районамъ уѣзда; въ Тарскомъ совѣщаніи засѣдали крестьянскіе начальники съ нѣсколькими десятками крестьянъ; въ уѣздахъ Тюкалинскомъ, Тобольскомъ и Туринскомъ были организованы просто „опросы крестьянъ", принимавшіе иногда—характеръ обсужденія мѣстныхъ нуждъ, иногда—просто отвѣтовъ на ставившіеся руководителемъ совѣщанія вопросы.

Какъ относились собственно крестьяне къ своему участію въ трудахъ комитетовъ и совѣщаній,—объ этомъ мы имѣемъ только крайне отрывочныя и притомъ разнорѣчивыя указанія. Въ трудахъ Хоперскаго комитета мы находимъ два приговора, гдѣ общества отказываются отъ избранія представителей; въ одномъ случаѣ крестьянскій сходъ „объ избраніи изъ среды себя представителя не изъявилъ желанія собственно потому, что всѣ нужды крестьянскаго общественнаго управленія мы желаемъ пояснить въ настоящемъ приговорѣ"; въ другомъ случаѣ станичный сходъ „призналъ вопросъ о назначеніи отъ станицы особыхъ представителей отклонить, такъ какъ безъ вознагражденія соотвѣтствующихъ лицъ въ станицѣ нѣтъ, а вознагражденіе назначить станица средствъ не имѣетъ" (Донская 374, 379). Но въ матеріалахъ того же комитета

мы находимъ и жалобу нѣсколькихъ поселковыхъ обществъ, которыя, какъ не имѣющія административнаго устройства, были обойдены при приглашеніи представителей: „осмѣливаемся доложить комитету, что для насъ кажется обиднымъ, что не вызывались и не вызываются въ собраніе комитета избранные нами представители, которые, лично познакомившись съ дѣлами комитета, могли бы болѣе выяснить наши нужды и предложить свое мнѣніе къ избавленію отъ таковыхъ“ (тоже 366). Въ крайне разнообразныхъ формахъ выражается и самое участіе представителей населенія въ занятіяхъ комитетовъ. Во многихъ случаяхъ оно не оставило въ трудахъ комитетовъ никакихъ видимыхъ слѣдовъ. Иногда присутствующіе немногочисленные крестьяне играютъ лишь роль хора въ древнегреческой трагедіи, усердно поддакивая тѣмъ или другимъ власть имущимъ лицамъ; въ этомъ смыслѣ особенно характеренъ Маріинскій комитетъ, гдѣ крестьяне присоединяются къ такой предложенной предсѣдателемъ комитета мѣрѣ, какъ совершенное запрещеніе опаливанія полей,—мѣрѣ, стоящей въ рѣзкомъ противорѣчіи съ хозяйственными привычками и ближайшими интересами крестьянскаго населенія. Иногда отдѣльные крестьяне, старшины, писаря принимаютъ въ работѣ комитетовъ и болѣе дѣятельную роль, участвуя въ преніяхъ и выступая, напримѣръ, съ самостоятельными докладами,—но самое содержаніе и способъ изложенія послѣднихъ свидѣтельствуютъ о томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ изложеніемъ личныхъ взглядовъ составителей докладовъ, представителей малочисленной сельской буржуазіи, а не съ выраженіемъ мнѣній и сознанныхъ интересовъ массы населенія (комитеты Красноярскій, Минусинскій). Совсѣмъ иной характеръ имѣетъ представительство пожеланій и интересовъ населенія въ совѣщаніяхъ по Тобольской губерніи и въ особенности—въ Хоперскомъ окружномъ комитетѣ. Въ тобольскихъ совѣщаніяхъ совершенно ясно чувствуется участіе представителей дѣйствительныхъ, опредѣленносознанныхъ и живо-ощущаемыхъ нуждъ и потребностей населенія; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ ясно можетъ быть прослѣжено и вліяніе различныхъ элементовъ дифференцирующагося крестьянства, съ ихъ иногда взаимно противорѣчивыми

желаніями и интересами; чрезвычайно жизненный характеръ носятъ и экскурсы этихъ совѣщаній въ болѣе широкую область крестьянскаго правопорядка—это проявленія дѣйствительно наболѣвшей потребности въ большемъ просторѣ для личности крестьянина, задыхающейся въ тискахъ опеки такъ называемыхъ „крестьянскихъ учрежденій". Въ Хоперскомъ же комитетѣ представители крестьянскихъ и казачьихъ обществъ принимаютъ самое дѣятельное и притомъ независимое участіе въ сужденіяхъ по всѣмъ интересующимъ массу населенія вопросамъ, и подаютъ особыя мнѣнія, когда рѣшеніе комитета оказывается несогласнымъ съ ихъ взглядами; они не только не идутъ на буксирѣ за интеллигентными и власть имѣющими руководителями комитета, но напротивъ—въ такомъ, напримѣръ, остромъ вопросѣ, какъ вопросъ объ общинѣ и хуторскомъ разселеніи, рѣшительно высказываются противъ антиобщиннаго взгляда предсѣдателя комитета, мотивируя притомъ свое мнѣніе совершенно конкретными, практическими соображеніями; мало того: представители обществъ и станицъ въ первомъ же засѣданіи комитета требуютъ постановки на ближайшую очередь вопроса о малоземельѣ, и выступаютъ по земельнымъ вопросамъ съ такими радикальными предложеніями, какъ обязательная сдача частновладѣльческихъ земель въ аренду сосѣднимъ крестьянскимъ обществамъ или созданіе особаго правительственнаго органа для періодическаго установленія арендныхъ цѣнъ на владѣльческія земли,—предложеніе, вызвавшее даже нѣкоторый инцидентъ: „отложивъ обсужденіе этого вопроса до вечера, предсѣдатель указалъ, что правительство учредило окружный комитетъ только изъ трехъ лицъ и предоставило ему, предсѣдателю, право избирать представителей станичныхъ и сельскихъ обществъ; поэтому—продолжалъ предсѣдатель, обсуждая такіе вопросы, какъ безземелье или малоземелье у казаковъ и крестьянъ, члены комитета, будучи незаинтересованы лично въ этихъ важныхъ вопросахъ, преслѣдуютъ лишь пользы и выгоды крестьянскаго и казачьяго сословій, почему и приглашалъ представителей послѣднихъ убѣжденно вѣрить тѣмъ разъясненіямъ и предложеніямъ, которыя исходятъ со стороны членовъ. Всѣ представители ста-

ничныхъ и сельскихъ обществъ—сообщаетъ дальше протоколъ,—встали со своихъ мѣстъ и искренне благодарили предсѣдателя за приглашеніе ихъ къ участію въ занятіяхъ комитета“ (Донская 361). Въ дальнѣйшихъ протоколахъ нѣтъ указаній на то, чтобы комитетъ возвращался къ данному вопросу....

Тщетно было бы искать какого либо вліянія того крайняго разнообразія состава, о которомъ мы хотѣли дать представленіе читателю, на общее настроеніе отдѣльныхъ комитетовъ. Правда, въ этомъ отношеніи туркестанскіе и закавказскіе комитеты довольно рѣзко отличаются отъ комитетовъ по Сибири и предкавказскому району: они почти не занимаются такими общими вопросами, какъ введеніе земства, крестьянскій правопорядокъ, административная опека надъ населеніемъ, а туркестанскіе комитеты почти не касаются даже вопросовъ народнаго образованія. Но это обусловливалось, повидимому, не столько составомъ комитетовъ, сколько поведеніемъ ихъ предсѣдателей, въ свою очередь вытекающимъ, какъ слѣдуетъ думать, изъ общаго характера мѣстной „окраинной“ политики. Въ трудахъ Тифлисскаго комитета имѣются на это опредѣленныя указанія. Въ общемъ, труды его очень интересны и содержательны, а предсѣдатель комитета, и. д. губернатора, полк. Свѣчинъ, заслужилъ „общую глубочайшую признательность“ сочетаніемъ „сочувственно-внимательнаго и терпѣливаго руководства преніями“ съ „полною свободою обсужденія всѣхъ внесенныхъ на разсмотрѣніе вопросовъ“ (Кавказскій край, 426). И тѣмъ не менѣе онъ не счелъ возможнымъ допустить обсужденія въ общемъ собраніи комитета поднятаго его первою секціею вопроса о введеніи земскихъ учрежденій. „Вопросъ о земствѣ—писалъ г. Свѣчинъ предсѣдателю особаго совѣщанія, здѣсь, на далекой, разноплеменной окраинѣ, съ неустановившимися понятіями о правѣ и продолжающимися обязательными отношеніями крестьянъ къ помѣщикамъ, носитъ совершенно исключительный характеръ и не имѣетъ общаго съ постановкой этого вопроса во внутреннихъ губерніяхъ Россіи; онъ, кромѣ того, такъ тѣсно связанъ съ государственною политикой на всей

окраинѣ Закавказья, что избѣжать, при подробномъ обсужденіи, этой стороны дѣла представлялось бы невозможнымъ, равно какъ и нельзя было бы устранить съ очереди весьма неудобные вопросы: о степени культурности населенія, національные, а также связанные съ сравнительно недавнимъ сліяніемъ нѣкоторыхъ иновѣрныхъ уѣздовъ губерніи съ имперіей" (тоже 404). Самый составъ комитетовъ — повторяемъ — не имѣлъ вліянія въ данномъ отношеніи. Если говорить, напримѣръ, о губернскихъ комитетахъ, то чисто чиновничьи комитеты, Кубанскій или Тобольскій, проявили ничуть не болѣе „бюрократизма"—употребляя это выраженіе въ установившемся въ литературѣ о комитетахъ специфическомъ смыслѣ слова, нежели, напримѣръ, Томскій комитетъ, въ которомъ участвовали университетскіе профессора и извѣстные сибирскіе публицисты. То же слѣдуетъ сказать и объ уѣздныхъ комитетахъ; — въ числѣ чисто чиновничьихъ, по составу, комитетовъ Енисейской губерніи мы находимъ Канскій комитетъ, признавшій вопросъ о введеніи земства и преждевременнымъ, и неимѣющимъ прямого отношенія къ нуждамъ сельскохозяйственной промышленности, или Ачинскій, отказавшійся разсматривать представленный докладъ о правовомъ положеніи крестьянской массы въ виду того соображенія, что „слишкомъ широкая постановка дѣла отвлекла бы отъ главной цѣли комитета— указать на тѣ нужды, удовлетвореніе которыхъ представляется въ настоящее время существенно важнымъ" (Енисейская 72); но находимъ и Красноярскій комитетъ, который во главу угла своихъ сужденій поставилъ именно сверхпрограмные общіе вопросы—о введеніи земскихъ учрежденій и о крестьянскомъ правопорядкѣ и считалъ, что лишь на почвѣ общихъ преобразованій въ данномъ направленіи возможно искать разрѣшенія безконечно разнообразныхъ частныхъ вопросовъ мѣстной сельской жизни. И доклады, напримѣръ, предсѣдателя уѣзднаго комитета А. А. Яковлева, податного инспектора Л. Г. Высоцкаго, чиновника поземельнаго устройства С. В. Соколова, совѣтника областного правленія Т. И. Тихонова, члена суда Е. Г. Шольца съ неменьшею опредѣленностью проводятъ господствующіе, очевидно, въ мѣст-

номъ обществѣ, болѣе широкіе взгляды, нежели доклады и заявленія профессора университета М. Н. Соболева, хлѣботорговца г. Грязнова, статистика Л. К. Чермака или извѣстныхъ публицистовъ А. А. Корнилова и С. П. Швецова.

Очень нелегко, далѣе, а пожалуй и вовсе невозможно дать какую либо общую оцѣнку трудамъ мѣстныхъ комитетовъ съ чисто дѣловой, такъ сказать, стороны. Намъ приходится, съ одной стороны, констатировать нѣкоторые очень неутѣшительные факты. Такъ, Змѣиногорскій уѣздный комитетъ закончилъ всѣ свои занятія въ *одно* засѣданіе; засѣданіе это, первоначально назначенное на 23 октября, „не могло состояться, такъ какъ по причинамъ, повидимому, вполнѣ заслуживающимъ уваженія, ни одинъ изъ членовъ не могъ прибыть въ засѣданіе, которое вслѣдствіе этого и было перенесено на 21 декабря“,—что впрочемъ не помѣшало комитету высказать, что засѣданіе его, „первое и единственное“, показываетъ тотъ интересъ, который возбуждаютъ труды особаго совѣщанія въ интеллигентныхъ дѣятеляхъ Сибири (Томская 239 и 241); въ одно-же засѣданіе закончили свои занятія уѣздные комитеты Иркутскій, Каинскій, Маріинскій, Ачинскій и др.,—и труды ихъ выражаются въ немногихъ страничкахъ, съ весьма слабо-мотивированными заключеніями и либо безъ всякихъ докладовъ, либо съ докладами однихъ только предсѣдателей, къ которымъ болѣе или менѣе цѣликомъ присоединялись комитеты. Другіе комитеты посвящали своему дѣлу весьма много времени: число засѣданій въ рядѣ уѣздныхъ комитетовъ достигаетъ десяти и даже превышаетъ эту цифру, а изъ губернскихъ комитетовъ Томскій имѣлъ 21, Донской областной—23 засѣданія; довольно многіе комитеты, сверхъ того, выдѣляли изъ своей среды секціи или коммисіи или пользовались, въ качествѣ коммисій, мѣстными сельскохозяйственными обществами или съѣздами сельскихъ хозяевъ, причемъ въ основу сужденій комитетовъ ложились многочисленные доклады отдѣльныхъ ихъ членовъ, посвященные отдѣльнымъ вопросамъ или группамъ вопросовъ и представляющіе, иногда, весьма серьезную ихъ разработку.

Впрочемъ, оцѣнка сдѣланнаго комитетами до крайности

затрудняется разнокалиберностью тѣхъ письменныхъ и печатныхъ слѣдовъ, которые оставили по себѣ ихъ занятія. Нѣкоторые комитеты—назовемъ, напримѣръ, Томскій губернскій, Донской областной, Хоперскій и др., напечатали полные протоколы своихъ засѣданій и приложили къ нимъ всѣ представленныя комитетамъ доклады. Другіе печатали подробные доклады или записки съ изложеніемъ иногда однихъ только заключеній комитетовъ съ болѣе или менѣе подробною мотивировкой (Иркутскій, Семипалатинскій), иногда—также и фактическихъ данныхъ, лежащихъ въ основѣ этихъ заключеній (Кутаисскій), причемъ къ общимъ запискамъ иногда прилагались и всѣ доклады по отдѣльнымъ вопросамъ (Ставропольскій); третьи доставили болѣе или менѣе обстоятельный сводный докладъ, чаще всего своего предсѣдателя, а затѣмъ — кратко изложенныя заключенія комитета по этому докладу (Томскій, Маріинскій уѣздные); четвертые ограничивались напечатаніемъ краткаго „свода положеній“, принятыхъ по отдѣльнымъ пунктамъ программы (Акмолинскій), — и, такимъ образомъ, печатные „труды“ далеко не всегда даютъ возможность прослѣдить, въ какой мѣрѣ выводы и заключенія комитетовъ, дѣйствительно, основаны на тщательномъ и всестороннемъ изученіи дѣйствительнаго положенія дѣла и реальныхъ его потребностей. Мало того—не всегда можно питать увѣренность въ томъ, что напечатанныя заключенія и положенія, дѣйствительно, съ достаточною полнотою отражаютъ сужденія комитетовъ,— такъ какъ и въ изложеніи послѣднихъ, и въ выборѣ того матеріала, который представлялся особому совѣщанію и напечатанъ въ оффиціальномъ изданіи „трудовъ“, все зависѣло отъ усмотрѣнія лицъ, на которыхъ лежало дѣлопроизводство комитетовъ и въ особенности—ихъ предсѣдателей. Неполнота журнала засѣданій Тобольскаго губернскаго комитета засвидѣтельствована рядомъ особыхъ мнѣній членовъ комитета, отказавшихся отъ подписанія этого журнала. Авторы особыхъ мнѣній свидѣтельствуютъ, „что сводка поступившихъ въ комитетъ матеріаловъ, съ которою предсѣдатель только и счелъ нужнымъ ознакомить членовъ комитета,

оказалась далеко неполной и односторонней; что программа подлежащихъ разсмотрѣнію вопросовъ установилась случайно, лишь на третьемъ засѣданіи комитета, по настоянію нѣкоторыхъ его членовъ"; что, благодаря широкому примѣненію предсѣдателемъ своей дискреціонной власти, „сужденія комитета не по всѣмъ вопросамъ мотивируютъ постановленныя резолюціи, а кромѣ того нѣкоторыя изъ послѣднихъ, при болѣе спокойномъ и полномъ обсужденіи, могли бы получить даже совершенно иное выраженіе". Самые журналы комитета „особенно ярко выдѣляютъ мнѣнія ихъ составителя и придаютъ журналамъ чисто субъективный характеръ, чему конечно способствовала неясность окончательно нередактированныхъ резолюцій"; какъ доказательство неполноты журнала приводится пропускъ всѣхъ сужденій и резолюціи комитета по вопросу о путяхъ сообщенія и въ частности—о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, а также сужденій по переселенческому дѣлу,—а составители журнала, губернскій агрономъ Н. Л. Скалозубовъ, въ виду приведенныхъ возраженій и „невозможности за закрытіемъ комитета обсуждать и исправлять эти журналы, на что я—добавляетъ г. Скалозубовъ—безусловно расчитывалъ, принимая на себя трудъ составленія ихъ, своимъ подписомъ удостовѣряетъ лишь правильную передачу своихъ мнѣній и точность передачи резолюцій комитета, записанныхъ и доложенныхъ г. предсѣдателемъ комитета своевременно" (Тобольская 56—57, 69, 72, 74). Читатель извинитъ насъ за то, что мы посвятили такъ много мѣста этому частному эпизоду,—намъ думается, что данный случай едва ли былъ единственнымъ, и что въ этомъ случаѣ только выразилась, съ одной стороны, въ особенно рѣзкой формѣ дискреціонная власть предсѣдателей комитетовъ, а съ другой—члены Тобольскаго комитета нашли въ себѣ достаточно гражданскаго мужества, чтобы отказаться отъ подписи журнала.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить и нѣкоторую неполноту „представленнаго съ мѣстъ", т. е. присланнаго предсѣдателями матеріала, который, какъ видно изъ предисловія къ изданному дѣлопроизводствомъ особаго совѣщанія своду трудовъ, только и могъ появиться въ девяти томахъ „трудовъ"

комитетовъ по Азіатской Россіи. Во многихъ случаяхъ неполнота эта прямо бросается въ глаза при самомъ поверхностномъ ознакомленіи съ матеріалами. Такъ, можно отмѣтить досадный, хотя, надо думать, случайный пробѣлъ въ трудахъ Томскаго губернскаго комитета: цѣлыхъ два засѣданія комитета, какъ видно изъ журналовъ, были посвящены обсужденію записки непремѣннаго члена А. В. Дурова по переселенческому вопросу,—между тѣмъ сама эта записка въ „трудахъ" не напечатана. Въ „сводѣ положеній" Акмолинскаго комитета упоминается о рядѣ докладовъ—П. Д. Подшивалова, И. И. Мельникова, Г. Е. Катанаева, С. Н. Велецкаго, Л. К. Чермака, а между тѣмъ ни одинъ изъ этихъ докладовъ не напечатанъ, и въ „трудахъ" помѣщены только три, впрочемъ, очень интересныхъ доклада уже упоминавшагося выше Т. И. Тихонова. А въ „трудахъ" комитетовъ по Туркестанскому краю не помѣщены ни протоколы, ни даже заключенія уѣздныхъ комитетовъ, такъ что о самомъ существованіи ихъ мы узнаемъ только изъ ссылокъ на ихъ заключенія, имѣющихся въ журналахъ областныхъ комитетовъ.

Обо всемъ этомъ приходится, конечно, очень пожалѣть— не подлежитъ сомнѣнію, что цѣнность того матеріала, который содержится въ „трудахъ" комитетовъ по Азіатской Россіи, при данномъ ихъ составѣ и данномъ отношеніи къ возложенной на нихъ задачѣ, была бы несравненно выше, если бы и въ ходѣ занятій комитетовъ, и въ изложеніи ихъ результатовъ, и въ выборѣ того, что̀ подлежало напечатанію, было оставлено менѣе простора разнымъ случайностямъ и въ частности—усмотрѣнію предсѣдателей комитетовъ. При данномъ же положеніи дѣла—приходится признаться—матеріалы комитетовъ представляютъ собой матеріалъ крайне разнокалиберный, неполный, а нерѣдко и неудобосравнимый, въ виду чрезвычайно различной внутренней цѣнности тѣхъ печатныхъ слѣдовъ, которые остались отъ дѣятельности комитетовъ.

II.

Постараемся теперь дать сжатую характеристику тѣхъ отдѣльныхъ районовъ, на которые могутъ быть распредѣлены губерніи и области Азіатской Россіи.

Прежде всего—Сибирь. Если отбросить крайній сѣверъ, необъятный по пространству, но съ крайне малочисленнымъ населеніемъ, состоящимъ изъ вымирающихъ, подъ грубымъ напоромъ цивилизаціи, инородцевъ и небольшой кучки русскихъ эксплоататоровъ, и неширокую переходную полосу съ уже установившимся трехпольнымъ хозяйствомъ и съ преобладаніемъ промысловъ надъ земледѣліемъ, то останется не очень обширная—конечно на сибирскій масштабъ, но вмѣщающая въ себѣ главную массу населенія четырехъ сибирскихъ губерній,—полоса, которую можно назвать полосою экстенсивнаго земледѣлія. Какъ и вся Сибирь, эта полоса представляетъ собою крестьянское царство; въ Сибири—если не считать случайныхъ исключеній, не играющихъ роли въ общей экономіи края, нѣтъ частнаго землевладѣнія, и вся необъятная ея территорія принадлежитъ государству [1]), состоя либо въ непосредственномъ его распоряженіи, либо въ пользованіи частью крестьянскаго, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, частью инородческаго населенія; инородцы, почти совершенно отсутствующіе въ Тобольской губерніи, и весьма малочисленные въ губерніяхъ Томской и Енисейской, въ Иркутской губерніи составляютъ почти половину всего населенія, причемъ инородцы Иркутской губерніи, почти исключительно буряты, въ значительной мѣрѣ перешли къ осѣдлому быту и земледѣльческому хозяйству. При этомъ трехсотлѣтній процессъ колонизаціи края не закончился и до сихъ поръ, и вновь водворяющіеся въ краѣ переселенцы-новоселы, теряясь мѣстами среди совершенно акклиматизировавшагося старожи-

[1]) Исключеніе составляетъ южная часть Томской губерніи, такъ называемый Алтайскій округъ, принадлежащій особѣ царствующаго Императора и вѣдаемый кабинетомъ Его Величества на основаніяхъ, которыя представляютъ нѣкоторую смѣсь публичнаго съ частнымъ правомъ.

лаго населенія, въ другихъ мѣстахъ Сибири составляютъ замѣтную примѣсь или даже преобладающій элементъ мѣстнаго населенія. Землевладѣніе и землепользованіе какъ инородцевъ, такъ и сибирскихъ старожиловъ слагалось при условіяхъ чрезвычайнаго простора, населеніе пользовалось почти безграничною свободой занятія и разработки сельскохозяйственныхъ угодій, а также и эксплоатаціи другихъ естественныхъ богатствъ края—лѣсовъ, съ ихъ запасами звѣря и птицы, кедроваго орѣха и т. п., и водъ, изобиловавшихъ рыбой. Естественно, что эксплоатація этихъ естественныхъ богатствъ носила и отчасти продолжаетъ носить крайне экстенсивный, нерѣдко переходящій въ хищничество, характеръ. Этотъ экстенсивный характеръ выражался въ области земледѣлія—въ господствѣ залежно-парового хозяйства, которое, по мѣрѣ сокращенія земельнаго простора, постепенно переходитъ въ паровую систему двухпольнаго и трехпольнаго типа; въ скотоводствѣ—въ погонѣ за количествомъ содержимаго скота, въ ущербъ его качеству, причемъ скотоводство по своему значенію конкуррировало съ земледѣліемъ, а въ мѣстностяхъ особенно для него благопріятныхъ и господствовало надъ нимъ. Въ лѣсистыхъ и приречныхъ мѣстностяхъ большое значеніе имѣли охота, рыболовство, кедровый промыселъ и т. п., но первенствующую роль среди неземледѣльческихъ занятій играли извозъ и золотопромышленность, которые, съ одной стороны, давали населенію весьма значительный непосредственный заработокъ, а съ другой—открывали широкій рынокъ для продуктовъ мѣстнаго земледѣлія. Въ отношеніи административно-правовомъ Сибирь, съ одной стороны, не знала крѣпостного права,—и это наложило на сибирскаго крестьянина во многихъ отношеніяхъ своеобразный отпечатокъ, рѣзко отличающій его отъ крестьянина Европейской Россіи. Съ другой стороны, Сибирь всегда отставала отъ Европейской Россіи въ области административнаго и судебнаго устройства и являлась, такъ сказать, обѣтованною землею полицейскаго всемогущества и произвола, который не ощущался слишкомъ тяжело единственно благодаря крайней рѣдкости населенія и слабости администраціи. Въ настоящее время многое измѣнилось въ

условіяхъ и хозяйственной, и общественно-правовой жизни Сибири. Страна переживаетъ критическій періодъ, обусловливаемый, съ одной стороны, сгущеніемъ населенія и сокращеніемъ земельнаго простора—естественнымъ, въ силу самаго факта роста населенія, и искусственнымъ, вызваннымъ мѣропріятіями правительства по урегулированію земле- и лѣсопользованія; съ другой стороны—такими обстоятельствами, какъ проведеніе Сибирской желѣзной дороги и упадокъ золотопромышленности, сократившими заработки населенія и сбытъ его сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Въ области административно-правовой преобразованіе послѣднихъ десятилѣтій во многомъ сгладили особенности Сибири: чтобы окончательно сравниться съ послѣднею, Сибири недостаетъ еще суда присяжныхъ и главное—земскихъ учрежденій, вопросъ о введеніи которыхъ только теперь близится къ окончательному разрѣшенію Но наряду съ преобразованіями этого порядка, послѣдніе годы дали Сибири крестьянскихъ начальниковъ,—довольно близкое подобіе земскихъ начальниковъ Европейской Россіи, и законъ 8 іюня 1901 года объ отчужденіи казенныхъ земель въ частную собственность,—законъ, продиктованный, главнымъ образомъ, сословно-дворянскими тенденціями, но къ счастью пока оставшійся мертвою буквой.

Во всемъ этомъ, однако, Тобольская губернія довольно рѣзко отличается отъ остальныхъ губерній коренной Сибири. Начавшіяся здѣсь уже давно мѣропріятія по урегулированію земле- и лѣсопользованія ввели землевладѣніе населенія въ настолько тѣсныя границы, что предпринятое, начиная съ 1898 года, поземельное устройство, съ его 15-десятинною предѣльною нормой, не только не грозитъ населенію дальнѣйшими урѣзками, но напротивъ—не малому числу селеній обѣщаетъ восполненіе недостатка въ надѣльной землѣ. Подъ вліяніемъ „утѣсненія“, залежно-паровое хозяйство почти по всему юго-западу губерніи уже перешло, на юго-востокѣ переходитъ въ зерновое хозяйство безъ залежей; отсюда—рѣзкое пониженіе производительности земли и все учащающіеся неурожаи, обостряющіеся еще подъ вліяніемъ обезлѣсенія и такихъ его послѣдствій, какъ засухи, кобылка и т. п. На-

селеніе испытываетъ и недостатокъ въ пастбищахъ, а особенно—въ сѣнокосахъ, и передъ нимъ уже стоитъ альтернатива: либо обратиться къ искусственному разведенію кормовыхъ средствъ, либо мириться съ упадкомъ скотоводства. Ясно отсюда, каковы ближайшія потребности мѣстнаго сельскаго хозяйства, которыя и находятъ себѣ выраженіе въ трудахъ комитетовъ и совѣщаній: необходимо повысить интенсивность земледѣлія и скотоводства и залечить тѣ раны, которыя нанесло природѣ края неразумное отношеніе къ ней человѣка: прекратить истребленіе лѣсовъ и позаботиться, гдѣ нужно, объ ихъ возстановленіи, прекратать надвиганіе песковъ и т. п. Въ направленіи интенсификаціи хозяйства толкаютъ Тобольскую губернію и экономическія послѣдствія проведенія Сибирской желѣзной дороги. Тобольская губернія и ближайшія къ ней мѣстности Томской—единственныя мѣстности Сибири, которыя успѣли воспользоваться дорогой, какъ путемъ сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ; желѣзная дорога вызвала производство здѣсь сливочнаго масла, экспортъ котораго измѣряется уже милліонами пудовъ. Развитіе маслодѣлія значительно повысило доходность скотоводства; но, благодаря недостатку коровъ, ни увеличеніе количества скота, ни улучшеніе его молочности немыслимы безъ того, „чтобы параллельно не увеличивались запашки, увеличивающія въ свою очередь количество соломы, или не дѣлались болѣе производительными луга, или наконецъ не введены были новые сѣвообороты съ культурой такихъ растеній, которыя даютъ много корма для скота“ (Тобольская 274). Уже достигнутая Тобольскою губерніею степень земельнаго „утѣсненія“ налагаетъ, затѣмъ, отпечатокъ и на сужденія комитетовъ и совѣщаній по аграрнымъ вопросамъ: говоря о поземельномъ устройствѣ, они даже не пытаются заявлять о недостаточности 15-десятинной нормы, но зато очень интересуются вопросами упорядоченія землевладѣнія—раздѣломъ волостныхъ и вообще общихъ дачъ, разселеніемъ слишкомъ большихъ селеній; то же утѣсненіе обусловило переходъ отъ захватныхъ формъ землепользованія къ общинно-уравнительнымъ, откуда живѣйшій интересъ комитетовъ къ вопросу о вліяніи общинныхъ формъ на хозяйствен-

ную эксплоатацію земли. Наконецъ, болѣе старый, такъ сказать, возрастъ Тобольской губерніи отражается и на сужденіяхъ по административно-правовымъ вопросамъ: здѣсь уже 20 лѣтъ какъ введены крестьянскіе чиновники, потомъ переименованные въ начальниковъ; и населеніе, и общество успѣло уже забыть о прежнемъ полицейскомъ произволѣ, въ сравненіи съ которымъ и крестьянскіе чиновники, въ свое время, были значительнымъ улучшеніемъ,—а съ другой стороны успѣлъ совершенно выясниться характеръ этого института; труды комитетовъ и совѣщаній, поэтому, полны указаній на тягость этой формы административной опеки и на необходимость освобожденія отъ нея крестьянскаго населенія.

Въ остальныхъ трехъ сибирскихъ губерніяхъ, прежде всего, только въ самое послѣднее время проявилась дѣятельность правительства, направленная къ урегулированію земле-и лѣсопользованія, что̀ стоитъ въ прямой связи, между прочимъ, съ болѣе позднимъ массовымъ наплывомъ сюда переселенцевъ. Населеніе и посейчасъ еще пользуется сравнительно широкимъ земельнымъ просторомъ, и предпринятыя нынѣ поземельно-устроительныя работы, въ видѣ правила, будутъ связаны для него съ сокращеніемъ этого простора. Отсюда интересъ средне-сибирскихъ комитетовъ къ вопросу о нормѣ надѣленія: 15-десятинная норма, которая для Тобольской губерніи является трудно-достижимымъ идеаломъ, для многихъ мѣстностей средней Сибири кажется недостаточною, и во многихъ комитетахъ поднимается вопросъ о повышеніи ея, особенно въ скотоводскихъ мѣстностяхъ и въ инородческихъ районахъ, до 20, 25 и 30 десятинъ. Но главное—надвигающееся „утѣсненіе“ еще не успѣло отразиться въ средней Сибири на сельскохозяйственной дѣятельности населенія и на ея результатахъ, и потому здѣсь еще совершенно не наблюдается того сельскохозяйственнаго кризиса, который такъ рѣзко выразился въ Тобольской губерніи. Только немногіе комитеты указываютъ на признаки такого кризиса; другіе либо вовсе не касаются этого вопроса, либо прямо констатируютъ, что „вслѣдствіе отсут-

ствія настоятельной нужды въ удобреніи полей утрачивается самый важный импульсъ, способный пробудить въ населеніи желаніе перехода къ иной формѣ хозяйства" (Енисейская 94), что „земля настолько хороша, что не требуетъ никакого улучшенія" (Иркутская 74). Поэтому, средне-сибирскіе комитеты сравнительно мало занимаются вопросами агрономической техники, но зато обращаютъ вниманіе на неустойчивость современнаго крестьянскаго землепользованія—естественнаго спутника „перехода отъ прежнихъ, совершенно свободныхъ условій землепользованія къ совершенно новымъ"; отрѣзка земель подъ переселенческіе участки, ограниченіе пользованія въ лѣсахъ, поземельное устройство—„всѣ эти новыя условія, несмотря на ихъ очевидную необходимость съ точки зрѣнія государственнаго хозяйства, оказались для населенія весьма непривычными и тяжелыми, главнымъ образомъ потому, что проведеніе ихъ въ жизнь послѣдовало неожиданно, сразу, въ теченіе одного десятилѣтія" (Енисейская 15); и возникающая отсюда неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ ведетъ мѣстами къ тому, что „крестьяне не только не раздѣлываютъ новой пашни, но бросаютъ уже разработанную, такъ какъ не увѣрены въ томъ, что раздѣланныя сегодня пашни будутъ принадлежать имъ и завтра" (Иркутская 73). Но первенствующее значеніе для средней Сибири имѣютъ два обстоятельства—паденіе золотопромышленности и проведеніе Сибирской дороги, въ совокупности своей вызвавшія серьезный экономическій кризисъ: желѣзная дорога, особенно при высокомъ тарифѣ, обусловленномъ знаменитымъ челябинскимъ „переломомъ", не создала экспорта для продуктовъ сельскаго хозяйства средней Сибири,—но убила извозъ, открывавшій широкій сбытъ для этихъ продуктовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дала доступъ въ среднюю Сибирь болѣе дешевому западно-сибирскому хлѣбу; а въ золотопромышленности „сельское хозяйство утратило не только близкій и выгоднѣйшій рынокъ, но и источникъ заработка личнымъ трудомъ" (Енисейская 14—15). Отсюда—преимущественный интересъ средне-сибирскихъ комитетовъ къ условіямъ сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Что касается

до вопросовъ общественно-правового характера, то интересъ, проявляемый къ нимъ средне-сибирскими комитетами, ничуть не меньше, нежели въ Тобольской губерніи; напротивъ—такіе вопросы, какъ улучшеніе правового положенія крестьянъ и въ особенности земство, является въ трудахъ комитетовъ общесибирскими вопросами,—что и вполнѣ естественно въ виду совершенно установившагося, по данному вопросу, общественнаго мнѣнія Сибири. Разницу можно найти въ отношеніи комитетовъ къ институту крестьянскихъ начальниковъ: и въ средней Сибири комитеты, если касаются этого вопроса, высказываются противъ сохраненія, въ ихъ лицѣ, особой опеки надъ крестьянами; но сужденія ихъ собственно по данному вопросу носятъ болѣе или менѣе академическій, теоретическій характеръ. И это, опять-таки, естественно: введенный всего за 4 года до созыва комитетовъ, институтъ крестьянскихъ начальниковъ еще не успѣлъ достаточно проявить всѣхъ своихъ темныхъ сторонъ и изгладить памяти о прежнемъ произволѣ полицейскихъ засѣдателей.

Труды комитетовъ по Степному краю и Туркестану отличаются наибольшею сжатостью и бѣдностью содержанія—по семи областямъ съ нѣсколькими милліонами населенія труды эти изданы въ видѣ двухъ томиковъ или точнѣе брошюръ, объемомъ всего въ 200 съ небольшимъ страницъ. Не говоря уже о такъ называемыхъ „общихъ вопросахъ“, которые въ заключеніяхъ и журналахъ комитетовъ почти вовсе не затрагиваются,—въ нихъ очень слабо отразились даже многія изъ существеннѣйшихъ явленій экономической жизни края. Степной край и сѣверная часть Туркестана—это районъ съ кочевымъ, по преимуществу киргизскимъ, населеніемъ, переживающимъ процессъ постепеннаго осѣданія и усвоенія земледѣльческой культуры, сопровождаемый, въ области формъ землевладѣнія и землепользованія, выдѣленіемъ отдѣльныхъ, все болѣе мелкихъ владѣній изъ той аморфной массы безраздѣльнаго общаго кочевого пользованія, которую когда-то представляли киргизскія степи. Этотъ естественно-совершающійся процессъ осложняется и видоизмѣняется подъ вліяніемъ вторженія въ киргизскія степи рус-

скаго населенія,—вторженія, облеченнаго частью въ форму аренды земель переселенцами у киргизъ, частью—въ форму отвода земель велѣніемъ государственной власти. Всѣ эти вопросы чрезвычайно слабо отразились на сужденіяхъ и заключеніяхъ комитетовъ, и только приложенные къ трудамъ Акмолинскаго комитета доклады Т. И. Тихонова даютъ болѣе или менѣе полную картину какъ эволюціи киргизскаго землевладѣнія, такъ и условій устройства переселенцевъ въ Степномъ краѣ.

Крайне мало занимаются кочевымъ населеніемъ также и туркестанскіе комитеты—все вниманіе ихъ сосредоточено на нуждахъ и интересахъ осѣдлаго, по преимуществу сартовскаго населенія края. Эти нужды и интересы—поскольку они нашли себѣ выраженіе въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ, всецѣло опредѣляются своеобразными естественными условіями края: крайне жаркимъ и засушливымъ климатомъ, дѣлающимъ земледѣльческую культуру—за исключеніемъ немногихъ предгорныхъ районовъ—возможною лишь при условіи искусственнаго орошенія, но въ то же время благопріятствующимъ развитію интенсивныхъ южныхъ культуръ. Благодаря этимъ условіямъ, осѣдлое населеніе сгруппировалось, но зато чрезвычайно густо, въ очень небольшихъ по площади оазисахъ, гдѣ и ведетъ чрезвычайно интенсивное хозяйство, съ поливомъ земель, съ удобреніемъ ихъ, съ издавна установившимся плодосмѣномъ и съ преобладаніемъ интенсивныхъ культуръ: плодоводства, виноградорства, шелководства, а въ послѣднее время въ особенности—культуры американскаго хлопка; какъ извѣстно, туркестанское хлопководство пользуется особымъ вниманіемъ правительства, въ особенности министерства финансовъ, которое, содѣйствуя его развитію, надѣется ослабить зависимость нашей текстильной промышленности отъ иностранныхъ поставщиковъ сырья и повліять на торговый балансъ въ благопріятную для русскихъ финансовъ сторону. Преобладаніе интенсивныхъ культуръ, въ особенности хлопководства, и необходимость дальнѣйшаго ихъ развитія въ интересахъ какъ туземнаго населенія, такъ и въ только что указанныхъ общегосударственныхъ видахъ,—это основная по-

сылка, изъ которой исходятъ туркестанскіе комитеты. „Туркестанъ—говоритъ Самаркандскій комитетъ—долженъ превратиться въ районъ культуры исключительно цѣнныхъ промышленныхъ растеній, главнымъ образомъ хлопка. Въ этихъ именно видахъ изыскиваются способы какъ орошенія свободныхъ безплодныхъ земель и увеличенія запасовъ воды въ обездоленныхъ ею мѣстностяхъ, такъ и возможнаго расширенія площади посѣвовъ цѣнныхъ промышленныхъ растеній насчетъ сокращенія площади посѣвовъ хлѣбныхъ злаковъ" (Турк. край, 22). Комитеты, дѣйствительно, удѣляютъ чрезвычайно много вниманія вопросамъ ирригаціи, непосредственно связывая ихъ съ вопросомъ развитія интенсивныхъ культуръ, и только Семирѣченскій комитетъ,—Семирѣчье лежитъ уже внѣ естественной границы хлопководства и южнаго плодоводства!—въ своихъ соображеніяхъ по ирригаціонному вопросу исходитъ изъ другой, именно изъ колонизаціонной точки зрѣнія. Но созданіе оросительныхъ системъ—дѣло крайне трудное и чрезвычайно дорогое,—а потому болѣе непосредственное практическое значеніе имѣетъ вопросъ о расширеніи площади цѣнныхъ культуръ насчетъ площади посѣвовъ продовольственныхъ хлѣбовъ. Для этого необходимо обезпечить край привозомъ дешеваго хлѣба,—а какъ для этой собственной цѣли, такъ и для облегченія сбыта разнообразныхъ продуктовъ мѣстнаго, по самому своему существу всецѣло коммерческаго, хозяйства, имѣетъ первостепенно-важное значеніе вопросъ о путяхъ сообщенія. И дѣйствительно: всѣ туркестанскіе комитеты удѣляютъ преимущественное вниманіе вопросу о желѣзныхъ дорогахъ, фрахтахъ, спеціальныхъ вагонахъ и т. п.,—причемъ на первомъ мѣстѣ стоитъ вопросъ о желѣзной дорогѣ, которая соединила бы туркестанскій районъ интенсивныхъ культуръ, черезъ Семирѣчье, съ Сибирью и позволила бы Туркестану получить дешевый семирѣченскій и сибирскій хлѣбъ и насчетъ послѣдняго развить свои интенсивныя культуры. При обсужденіи чисто агрономическихъ вопросовъ туркестанскіе комитеты тоже обращаютъ преимущественное вниманіе на интенсивныя культуры, охотно принося имъ въ жертву не только полеводство, но и всѣ другія

отрасли мѣстнаго хозяйства. „При общемъ малоземельѣ— разсуждаетъ напримѣръ Самаркандскій комитетъ, гдѣ туземецъ дорожитъ каждымъ клочкомъ земли, стремясь извлечь изъ него какъ можно больше дохода, немыслимо предполагать, чтобы онъ хотя небольшую часть своего участка удѣлилъ для потребности скотоводства—подъ травосѣяніе: воздѣлываніе наиболѣе доходныхъ промышленныхъ растеній не позволитъ туземцу увеличивать площать травосѣянія, а скорѣе наоборотъ—онъ займетъ люцерновое поле подъ виноградникъ" (тоже 53).

Еще разъ повторяемъ, что общихъ вопросовъ туркестанскіе комитеты совершенно не касаются, почти не затрагивая даже такой ближе всего связанной съ интересами сельскохозяйственной культуры стороны дѣла, какъ народное образованіе; мало того—они не останавливаются даже на такихъ вопросахъ, какъ малоземелье, несомнѣнно существующее и здѣсь, и въ степномъ краѣ по отношенію къ болѣе или менѣе значительной части населенія, или какъ значеніе и способы осуществленія такой первостепенно важной мѣры, какъ поземельно - податное устройство туземнаго осѣдлаго населенія. Только однажды, по поводу содѣйствія кустарнымъ промысламъ, въ одномъ изъ комитетовъ былъ поднятъ вопросъ о земствѣ; значеніе послѣдняго въ данномъ частномъ вопросѣ было признано комитетомъ; „но поскольку—значится затѣмъ въ протоколѣ—этотъ вопросъ можетъ быть перенесенъ на почву Туркестанскаго края, предсѣдатель комитета не счелъ возможнымъ обсуждать, не имѣя для такого серьезнаго вопроса достаточнаго количества матеріаловъ и времени" (Турк. край, 66).

Много общаго съ Туркестаномъ, собственно въ области естественныхъ и сельскохозяйственныхъ условій, имѣетъ и Закавказье: и здѣсь естественныя условія открываютъ просторъ для разнообразнѣйшихъ интенсивныхъ культуръ, и выдвигаютъ на видное, для нѣкоторыхъ мѣстностей на первое, мѣсто вопросъ объ искусственномъ орошеніи. Существенною особенностью Закавсказскаго края является, однако, гораздо большее разнообразіе какъ естественныхъ условій, такъ и типовъ сельскохозяйственной промышленности: подъ вліяніемъ,

главнымъ образомъ, гораздо большей густоты населенія, при значительномъ преобладаніи площадей съ гористымъ рельефомъ надъ низменными равнинами, а съ другой—и историческихъ условій, туземное населеніе Закавказья размѣщается не въ одной только низменной, жаркой полосѣ, какъ осѣдлое населеніе Туркестана, а разсѣялось также и по склонамъ многочисленныхъ горныхъ хребтовъ, вплоть до верхняго предѣла возможности земледѣлія. Если такимъ образомъ естественныя условія Закавказья представляютъ всѣ удобства для не менѣе широкаго развитія, нежели въ Туркестанѣ, разнообразнѣйшихъ интенсивныхъ культуръ, то тѣ же условія безусловно устраняютъ возможность односторонней спеціализаціи на такихъ культурахъ: нагорныя и въ значительной части—предгорныя мѣстности Закавказья, не нуждаясь въ искусственномъ орошеніи, навсегда останутся ареной экстенсивнаго, по преимуществу зерноваго или даже скотоводческаго хозяйства. Съ другой стороны, все западное Закавказье отличается крайне влажнымъ климатомъ, вовсе исключающимъ вопросъ объ искусственномъ орошеніи.

Благодаря крайнему разнообразію естественныхъ условій и обусловливаемыхъ ими господствующихъ типовъ сельскохозяйственной промышленности, въ сужденіяхъ закавказскихъ комитетовъ, въ области собственно экономическихъ и сельскохозяйственныхъ вопросовъ, нельзя найти такой доминирующей ноты, какою является для Туркестана—развитіе интенсивныхъ культуръ. Общую окраску этимъ сужденіямъ даютъ частью условія землевладѣнія, главнымъ же образомъ своеобразныя историко-политическія и культурно-этнографическія условія Закавказскаго края. Наиболѣе общимъ образомъ вліяніе этихъ именно условій формулируется въ сужденіяхъ Карсскаго и Дагестанскаго комитетовъ. Первый изъ нихъ констатируетъ, что до присоединенія края, т. е. до войны 1877 года, сельское хозяйство въ области было въ цвѣтущемъ состояніи. „Но послѣ минувшей войны болѣе зажиточная часть населенія выселилась въ Турцію, и ея мѣсто заняли бѣдняки—люди слабо подготовленные для занятія сельскимъ хозяйствомъ, а также переселенцы—люди вовсе

незнакомые съ мѣстными особенностями края. Естественно, замѣчаетъ комитетъ, что въ первые 10 лѣтъ со дня присоединенія области происходило почти непрерывное перемѣщеніе населенія, почему край находится въ первобытномъ состояніи и въ настоящее время" (Кавк. кр., 191). Другую сторону дѣла выдвигаетъ Дагестанскій комитетъ, усматривающій главное препятствіе къ улучшенію сельскаго хозяйства въ области въ сохранившейся „въ силу различныхъ вѣскихъ причинъ" политическаго характера системѣ военно-народнаго управленія: присущая этой системѣ „обширность власти административныхъ органовъ—замѣчаетъ комитетъ, не могла не отразиться на характерѣ сельскаго общественнаго управленія", обусловивъ „почти полное отсутствіе лицъ или учрежденій, могущихъ принять на себя какъ иниціативу, такъ и дальнѣйшее веденіе дѣла" и притомъ оставивъ мѣстное землевладѣніе и хозяйство подъ удручающимъ вліяніемъ мѣстнаго обычая—адата, поддержаніе котораго „входило, въ силу политическихъ соображеній, въ систему военно-народнаго управленія" (тоже 62—63). Историко-политическія условія выступаютъ на первый планъ при обсужденіи комитетами цѣлаго ряда вопросовъ, входящихъ въ программу особаго совѣщанія или непосредственно изъ нея вытекающихъ. Когда комитеты говорятъ о необходимости повышенія уровня народнаго образованія,—имъ приходится столкнуться, какъ мы увидимъ ниже, съ продиктованною политическими соображеніями системою обученія туземцевъ исключительно на непонятномъ для нихъ русскомъ языкѣ. Когда они касаются такого чисто-хозяйственнаго, въ существѣ своемъ, вопроса, какъ вопросъ о разселеніи крестьянъ въ предѣлахъ надѣльныхъ земель,—они разсматриваютъ его почти исключительно съ уголовно-полицейской точки зрѣнія: они не только не сочувствуютъ разселенію, но наоборотъ—считаютъ необходимымъ идти навстрѣчу обнаружившемуся среди населенія теченію—„въ пользу сгруппированія мелкихъ выселковъ къ своимъ метрополіямъ", не останавливаясь даже передъ принудительнымъ ихъ уничтоженіемъ,—и мотивируютъ такую—казалось бы—явно антихозяйственную мѣру „необходимостью

пресѣченія воровства, укрывательства злонамѣренныхъ лицъ, неуваженія къ чужой собственности, выражающагося на почвѣ потравъ, порубокъ лѣса и поджоговъ, а также желательностью имѣть ближайшее наблюденіе за порочными членами общества, обыкновенно выселяющимися въ отселки на болѣе или менѣе недоступную мѣстность“ (Кавк. край, 152). Совершенно одинокимъ остался голосъ одного изъ членовъ Бакинскаго комитета, который высказалъ, что „разселеніе является актомъ неизбѣжной необходимости .... Самое образованіе новыхъ поселковъ въ глухихъ мѣстахъ, гдѣ ждать помощи противъ разбоевъ и грабежей неоткуда, наглядно свидѣтельствуетъ объ этой же необходимости. Разбойничество—тщетно доказывалъ этотъ членъ—есть дѣло временное, преходящее, а разселеніе совершалось, совершается и будетъ совершаться всегда, до тѣхъ поръ, пока населеніе будетъ прогрессировать въ своемъ численномъ составѣ. Комитету слѣдуетъ высказаться по этому предмету только лишь съ точки зрѣнія сельско-хозяйственныхъ интересовъ, тѣмъ болѣе, что съ большимъ облюдненіемъ пустопорожнихъ мѣстностей нужно ожидать вытѣсненія изъ нихъ, между прочимъ, такихъ явленій, какъ укрывательство шаекъ разбойниковъ, ищущихъ для своего пристанища преимущественно глухихъ притоновъ“ (тоже 30—31). И вообще вопросъ о недостаткѣ въ краѣ личной и особенно имущественной безопасности привлекаетъ къ себѣ усиленное вниманіе закавказскихъ комитетовъ, коренясь притомъ во всей совокупности историческихъ, бытовыхъ и прочихъ условій края. „Порубка фруктовыхъ деревьевъ—пишетъ одинъ изъ членовъ Тифлисскаго комитета, кн. Джандіери, лозъ, потрава хлѣбовъ, огородовъ, изувѣченіе животныхъ, поджоги, зачастую даже убійства, суть послѣдствія мести, сдѣлавшейся повсемѣстнымъ жизненнымъ явленіемъ въ жизни народа .... Легкость средствъ для мщенія и полная невозможность, при коронныхъ судахъ, доказывать побочными обстоятельствами виновность преступника служатъ главнымъ образомъ причинами прогрессивнаго роста преступленій указаннаго характера“ (Закавк. кр., 470; см. также 117—118, 169 и др.). Въ частности, крайне распространены въ Закавказьѣ земельные

захваты—слѣдствіе, съ одной стороны, обычнаго отсутствія актовъ укрѣпленія правъ на земли и неразмежеванности большей части земель, главнымъ же образомъ—все тѣхъ же „исторически сложившихся въ населеніи воззрѣній на поземельную собственность и привычки къ самоуправству, насилію и своеволію“ (тоже, 113 и др.). Отсюда, повторяемъ, длинный рядъ пожеланій и ходатайствъ, направленныхъ къ усиленію охраны сельско-хозяйственной собственности, причемъ этой охраны ищутъ по отношенію къ землевладѣнію и водовладѣнію—въ упраздненіи или сокращеніи давностнаго права и въ ускореніи межеванія, по отношенію ко всѣмъ вообще видамъ сельско-хозяйственной собственности—по преимуществу въ мѣрахъ административно-полицейскаго характера, какъ-то въ усиленіи полиціи, во введеніи земскихъ начальниковъ, въ усиленіи компетенціи туземнаго народнаго суда и т. п. Но наибольшаго обостренія вопросъ о грабежахъ и вообще о недостаткѣ личной и имущественной безопасности пріобрѣтаетъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Предкавказскаго района, гдѣ туземно-горское населеніе соприкасается съ русскимъ—естественно, что соприкосновеніе двухъ культуръ открываетъ особенно широкій просторъ для всякаго рода столкновеній и, какъ слѣдствіе ихъ, для преступленій противъ личности и имущества. Здѣсь „зло это такъ велико и вопіюще, что не будучи уничтожено въ корнѣ, оно одно способно обратить въ ничто всѣ дорого стоющія мѣропріятія на пользу сельскаго хозяйства“. Дикость кавказскаго туземца, даже кровожадность его, его „упорная враждебность правильному гражданскому порядку, вѣковая непривычка и неприспособленность къ сельскохозяйственному труду“ признаются настолько не искоренимыми и вызываютъ такое озлобленіе, что „въ нѣсколькихъ запискахъ отдѣльныхъ лицъ и въ приговорахъ станицъ, окруженныхъ чеченцами и ингушами, заявлено о выселеніи послѣднихъ, какъ единственномъ средствѣ достиженія охраны сельско-хозяйственной собственности“. Правда Терскій комитетъ—и то лишь по большинству голосовъ—„призналъ такую мѣру слишкомъ крайнею и трудно выполнимою“,—но и большинство его высказалось за такія крутыя мѣры, какъ воспрещеніе

ношенія оружія, ссылка лицъ, обвиняемыхъ и подозрѣваемыхъ въ конокрадствѣ *вмѣстѣ съ ихъ семьями*, введеніе воинскаго постоя въ тѣ селенія, среди которыхъ особенно развито скотокрадство (Кавк. кр. 723—726.

Обостреніе на Кавказѣ вопроса о нарушеніяхъ сельскохозяйственной собственности, въ особенности недвижимой, стоитъ въ несомнѣнной связи съ существованіемъ здѣсь частнаго, помѣстнаго землевладѣнія,—и этотъ крупный соціальный фактъ и въ другихъ отношеніяхъ не остается безъ вліянія на сужденія и заключенія комитетовъ. Правда, въ технической постановкѣ сельскаго хозяйства закавказское „помѣщичье хозяйство ничѣмъ существенно не отличается отъ крестьянскаго" (Кавк. кр., 24, см. 219). Но потребности его, уже въ силу его специально-рыночнаго характера и болѣе крупнаго размѣра, въ значительной мѣрѣ иныя, нежели потребности крестьянскаго хозяйства,—съ другой же стороны на почвѣ граничныхъ отношеній, аренды и т. п. неизбѣжно возникаютъ разнообразные вопросы, которые отсутствуютъ или ставятся иначе въ чисто крестьянскихъ районахъ. Но особенно осложняются эти вопросы на почвѣ существующихъ еще въ Закавказьѣ зависимыхъ отношеній между владѣльцами и крестьянами, въ окончательномъ уничтоженіи которыхъ всѣ безъ исключенія закавказскіе комитеты видятъ одну изъ насущнѣйшихъ мѣстныхъ потребностей, единодушно констатируя, что эти отношенія создаютъ безконечныя недоразумѣнія между помѣщиками и крестьянами, а вмѣстѣ съ тѣмъ задерживаютъ улучшеніе крестьянскаго хозяйства; не менѣе единодушно закавказскіе комитеты требуютъ обязательнаго выкупа крестьянскихъ повинностей при содѣйствіи правительства, и разногласія возникаютъ, иногда, лишь въ частномъ вопросѣ о способахъ ихъ оцѣнки.

Довольно характернымъ представляется затѣмъ отношеніе закавказскихъ комитетовъ къ вопросу о крестьянскомъ малоземельѣ со всѣми его послѣдствіями—арендою, переселеніемъ и т. п.

И среди помѣщичьихъ, и среди государственныхъ кресть-

янъ [1]) Закавказья имѣется очень многочисленный контингентъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ. Рядомъ съ этимъ существуетъ и довольно обширный фондъ свободныхъ казенныхъ земель, частью непосредственно пригодныхъ для заселенія, частью требующихъ, предварительно, устройства искусственнаго орошенія. А между тѣмъ только одинъ Кутаисскій комитетъ нашелъ возможнымъ опредѣленно формулировать вопросъ о малоземельѣ и не побоялся сдѣлать вытекающіе изъ такой формулировки заключенія. По подсчету Кутаисскаго комитета, количество хозяйствъ, испытывающихъ *острую* нужду въ землѣ, достигаетъ 60—70% крестьянскихъ дымовъ и 25% дворянскихъ имѣній, и малоземелье создаетъ такія арендныя отношенія, при которыхъ малоземельный хозяинъ „усматриваетъ въ арендѣ возможность продать свой трудъ многоземельному собственнику хотя бы по цѣнѣ ниже рыночной, съ единственною цѣлью добыть необходимое количество зерна для удовлетворенія насущныхъ потребностей семьи" (Закавк. кр. 230),—картина, по рѣзкости контуръ не уступающая наблюдаемой въ Европейской Россіи, въ районахъ самаго остраго малоземелья. И Кутаисскій комитетъ не останавливается передъ требованіемъ продажи земель, оставшихся за государственнымъ дворянскимъ банкомъ, если не исключительно, то преимущественно крестьянамъ, изданія нормальнаго положенія о правахъ арендаторовъ, не заключившихъ письменнаго договора, и „предоставленія права земледѣльцамъ Кутаисской губерніи разселяться, на общихъ съ русскими переселенцами основаніяхъ, на свободныя казенныя земли въ предѣлахъ всего Закавказскаго края" (тоже 231). Другіе комитеты либо обходятъ данный вопросъ молчаніемъ, либо даже затушевываютъ его. Такъ, Тифлисскій комитетъ признаетъ, что „вопросъ объ арендованіи земель въ губерніи недостаточно обострился для вмѣшательства законодательной власти" (тоже 418—419), а вопросъ о переселеніи „не достаточно назрѣлъ и обрисовался для дачи на него отвѣта" (тоже 438). А между тѣмъ серьезность аренднаго вопроса

---

[1]) По изслѣдованію 1884 г.—до 100000 дымовъ.

въ Тифлисской губерніи достаточно доказывается такими колебаніями аренды, какъ отъ $^1/_{10}$ до $^1/_3$ для натуральной и отъ 20 коп. до 10 руб. для денежной аренды, по отношенію же къ переселенію оптимистическій взглядъ Тифлисскаго комитета вызвалъ рѣшительное возраженіе со стороны Душетскаго преводителя дворянства Г. А. Карангозова, который удостовѣряетъ, что „жители горъ въ разное время обращались къ администраціи края о переселеніи ихъ на казенныя свободныя земли на плоскостяхъ“ и что почти все пригорье Кавказскаго хребта въ Тифлисскомъ и Горійскомъ уѣздахъ заселено переселенцами—грузинами и осетинами съ горъ Душесткаго уѣзда“ (тоже 519). И если комитеты почти не останавливались на этомъ послѣднемъ вопросѣ,—то въ этомъ, несомнѣнно, надо видѣть отраженіе все той же кавказской политики, въ силу которой, по крайне осторожной формулировкѣ автора одного изъ докладовъ по ирригаціонному вопросу, „изысканіе новыхъ источниковъ оросительной воды и выводъ новыхъ каналовъ, за немногими исключеніями, имѣетъ значеніе для образованія новыхъ хозяйствъ и увеличенія производительности губерніи, но не имѣетъ значенія для хозяйствъ существующихъ“ (то же 647),—иначе сказать, оросительныя работы предпринимаются только въ колонизаціонныхъ видахъ и такимъ образомъ приносятъ туземному населенію даже ущербъ, сокращая площадь тѣхъ земель, которыя въ неорошенномъ видѣ могли служить хоть зимнимъ пастбищемъ для его скота.

Наконецъ, Предкавказскій раіонъ съ прилегающею къ нему Донскою областью частью принадлежитъ къ южной, степной полосѣ Европейской Россіи, частью составляетъ ея непосредственное продолженіе: онъ принадлежитъ къ области переложнаго, чисто зерноваго земледѣлія и экстенсивнаго скотоводства и въ настоящее время уже начинаетъ переживать тотъ самый кризисъ экстенсивныхъ хозяйственныхъ формъ, какой переживаетъ вся южная полоса Европейской Россіи, а также, съ небольшими лишь отличіями, западная Сибирь,—а потому и указанія комитетовъ на потребности мѣстнаго сельскаго хозяйства имѣютъ не мало общаго съ указаніями

западно-сибирскихъ комитетовъ. Существенную особенность предкавказскаго раіона по сравненію съ Сибирью составляетъ пригодность его для нѣкоторыхъ спеціальныхъ культуръ—плодоводства и виноградства; до настоящаго времени, впрочемъ, развитіе послѣднихъ задерживалось съ одной стороны „многоземельемъ и обусловленнымъ имъ стремленіемъ населенія къ усиленнымъ распашкамъ подъ зерновые хлѣба и подъ ленъ“ (Кавк. кр., 296),—отчасти своеобразными соціальными условіями казачьихъ областей, о которыхъ намъ придется говорить сейчасъ.

При однородныхъ, въ общемъ, естественныхъ и хозяйственныхъ условіяхъ, Предкавказскій раіонъ, однако, далеко не одороденъ въ соціальномъ отношеніи. Существеннѣйшею особенностью Ставропольской губерніи является подавляющее господство крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства, причемъ „земельное обезпеченіе стоитъ пока на уровнѣ, который можно признать вполнѣ удовлетворяющимъ насущнѣйшимъ нуждамъ крестьянскаго хозяйства“ (то же 260). Остальныя три области даннаго раіона—*казачьи* области. Своеобразное положеніе казачьяго сословія оказываетъ доминирующее вліяніе на весь бытъ и хозяйство казака. „Не подлежитъ сомнѣнію—говоритъ агрономъ г. Моревъ въ своемъ докладѣ Кубанскому комитету—что поголовное отбываніе воинской повинности и ежегодныя отлучки хозяина-казака въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ препятствуютъ планомѣрному теченію его хозяйственной жизни“ (то же 695); въ частности, служебныя повинности казачьяго населенія признаются серьезнѣйшимъ препятствіемъ развитію спеціальныхъ культуръ, которыя „требуютъ постояннаго и активнаго участія земледѣльцевъ“ и не допускаютъ постоянныхъ отлучекъ (Донская 79, 105). Расходы по снаряженію казака на службу „подрываютъ хозяйство мелкаго земледѣльца и часто въ хозяйствѣ казака являются причиною кризиса, который влечетъ за собой самыя печальныя послѣдствія“ (Кавк. кр. 695), обусловливая, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно своеобразную постановку вопроса о казачьемъ малоземельѣ. Земельный пай казака, съ избыткомъ достаточный для удовлетворенія непосредственныхъ его потребностей, „во

многихъ поселеніяхъ является недостаточнымъ для того, чтобы казакъ имѣлъ возможность безъ значительнаго отвлеченія средствъ отъ своего хозяйства и не прибѣгая къ займамъ пріобрѣсти снаряженіе и строевую лошадь для службы въ полку" (то же 683). Вотъ почему станичное общество, имѣющее на душевой пай 10 или 12 десятинъ земли, не менѣе горько жалуется на малоземелье, нежели крестьянское общество съ одною или двумя десятинами,—а комитеты въ своихъ соображеніяхъ относительно расширенія казачьяго землевладѣнія, аренды и т. п. исходятъ изъ несравненно болѣе высокихъ нормъ, нежели принятыя для крестьянъ тѣхъ же мѣстностей—15, 20 даже 25 десятинъ на душевой пай (Донская 189, 196, 312 и др.). Далѣе, казакъ подверженъ такимъ ограниченіямъ въ отношеніи отлучекъ для пріисканія заработковъ и для другихъ подобныхъ цѣлей, что ему приходится завидовать въ этомъ отношеніи даже положенію крестьянина, хотя и опутаннаго паспортною системой (Донская 31, 326); а „какъ нижній чинъ, казакъ всегда можетъ ожидать казуса, отъ котораго гарантированъ простой ремесленникъ или мѣщанинъ", благодаря чему „всякій казакъ непривиллегированнаго сословія, удачно занявшійся торговлей или промышленностью, прежде всего мечтаетъ о томъ, чтобы освободиться отъ гнета, который связанъ для него съ казачьимъ званіемъ" (Кавк. кр. 694). Естественно, что комитеты казачьихъ областей посвящаютъ особенное вниманіе специфическимъ условіямъ казачьяго быта и правового положенія, причемъ, не говоря о частныхъ улучшеніяхъ, въ нѣкоторыхъ представленныхъ Кубанскому комитету приговорахъ обществъ и запискахъ отдѣльныхъ лицъ предлагается „распространить на казачье сословіе порядокъ отбыванія воинской повинности, установленный для другихъ сословій населенія Россіи" (то же 683), иначе сказать—прекратить обособленное существованіе казачества; однако эти предложенія не были допущены предсѣдателемъ комитета къ обсужденію, „въ виду того, что вопросъ о реорганизаціи Кубанскаго казачьяго войска не входитъ въ программу занятій комитета" (то же 660).

Какъ мѣстность, колонизація которой завершилась въ са-

мое послѣднее время и которая и по сейчасъ очень рѣдко населена, Предкавказскій раіонъ, съ одной стороны, привлекаетъ на лѣтнее время массу пришлыхъ рабочихъ, а съ другой—привлекаетъ переселенцевъ, образовавшихъ очень многочисленное пришлое, „иногороднее" населеніе, численность котораго въ Кубанской области превышаетъ численность коренного, казачьяго населенія. Отсюда—съ одной стороны, то вниманіе, которое удѣляютъ предкавказскіе комитеты вопросу о пришлыхъ рабочихъ, какъ въ смыслѣ организаціи передвиженія ихъ, врачебно-продовольственной помощи и т. п., а равно мѣръ къ урегулированію отношенія между спросомъ и предложеніемъ труда,—такъ и въ направленіи упорядоченія отношеній между нанимателями и рабочими въ области соблюденія рабочаго договора, заработной платы, пищи рабочихъ, отвѣтственности хозяевъ за увѣчья, причиняемыя рабочимъ машинами и т. п. Многочисленный классъ „иногороднихъ", т. е. неприписанныхъ и неустроенныхъ въ земельномъ отношеніи переселенцевъ, остается совершенно чуждымъ и для администраціи, и для мѣстнаго казачьяго населенія, съ которымъ онъ нерѣдко становится въ антагонистическія отношенія, претерпѣвая жестокую эксплоатацію на почвѣ усадебныхъ отношеній. „Населеніе невойскового сословія, говоритъ г. Моревъ въ уже цитированномъ докладѣ, остается мало организованнымъ или совсѣмъ неорганизованнымъ; пристегнутое къ существующей правительственной организаціи, оно въ большинствѣ случаевъ заняло недостаточно опредѣленное и въ глубинѣ станичныхъ обществъ вполнѣ безправное положеніе" (Кавк. кр. 694). И такое положеніе иногороднихъ отразилось и на сужденіяхъ комитетовъ Предкавказскаго раіона, которые хотя и касаются даннаго вопроса съ точки зрѣнія какъ административно-общественнаго устройства иногороднихъ, такъ и ихъ арендныхъ отношеній, но удѣляютъ ему гораздо менѣе вниманія, нежели онъ заслуживалъ бы по своему значенію. Но особенно рѣзко антагонизмъ между иногородними и казачьимъ населеніемъ проявляется въ сужденіяхъ комитетовъ по Донской области, гдѣ казачье населеніе, сравнительно стѣсненное землей, гораздо ревнивѣе блюдетъ

свои земельные интересы: здѣсь вопросъ объ иногороднихъ разсматривается почти исключительно съ точки зрѣнія привлеченія ихъ къ отбыванію повинностей, лежащихъ на мѣстномъ населеніи и устраненія конкурренціи ихъ въ дѣлѣ покупки и арендованія земли. Изъ сужденій Хоперскаго комитета особенно ясно видно, какъ далеко заходитъ, иногда, такое стремленіе устранить нежелательную конкурренцію. Комитетомъ этимъ, какъ и нѣкоторыми другими, было принято рѣшеніе ходатайствовать объ устраненіи иногороднихъ отъ аренды казачьихъ юртовыхъ земель; большинство какъ вообще участниковъ комитета, такъ и казачьихъ представителей подъ иногородними разумѣло „пришлыхъ изъ сосѣднихъ губерній крестьянъ и разночинцевъ, но не мѣстныхъ уроженцевъ—крестьянъ здѣшнихъ волостей и слободъ“ (Донская, 357). Но трое изъ представителей станицъ подали по этому поводу особое мнѣніе, „заключающееся въ томъ, „чтобы ходатайствуемое запрещеніе о сдачѣ въ аренду казачьихъ паевыхъ угодій распространялось и на крестьянъ волостей Хоперскаго и другого какого либо округа, такъ какъ вредъ казачьему хозяйству отъ пользованія въ видѣ аренды казачьими паевыми угодьями лицами неказачьяго сословія безразлично великъ, къ какой бы волости и губерніи ни принадлежали эти иногородцы“ (то же 363, 364).

Въ отличіе затѣмъ отъ остальныхъ двухъ казачьихъ областей, Донская область имѣетъ многочисленный классъ дворянъ-землевладѣльцевъ казачьяго сословія,—съ другой же стороны, здѣсь имѣется и довольно значительное крестьянское населеніе, сосредоточивающееся по преимущественно въ южныхъ округахъ. Распространенность помѣстнаго землевладѣнія поднимаетъ рядъ вопросовъ, вытекающихъ, съ одной стороны, изъ экономическихъ и техническихъ особенностей крупнаго землевладѣнія, а съ другой—изъ его граничныхъ и арендныхъ отношеній съ крестьянствомъ и казачествомъ. Далеко меньшій, нежели въ другихъ казачьихъ областяхъ, земельный просторъ гораздо острѣе ставитъ и для казачества вопросъ о малоземельѣ, крестьяне же представляютъ собою абсолютно-малоземельный элементъ, для котораго вопросы аренды,

покупки земли и переселенія имѣютъ первостепенно-важное, жизненное значеніе. Всѣми этими вопросами, поэтому, усиленно занимались Донскіе комитеты, причемъ нѣкоторыми изъ нихъ поставлены на очередь такіе вопросы, какъ принудительное вмѣшательство государства въ область арендныхъ отношеній, даже какъ скупка войскомъ частновладѣльческихъ земель для надѣленія малоземельныхъ казаковъ, или скупка ихъ государствомъ для передачи во владѣніе малоземельнымъ крестьянамъ (то же 34, 248). Наконецъ, существенное отличіе Донской области отъ остальныхъ мѣстностей Предкавказья заключается еще и въ томъ, что въ Донской области до 1881 года существовали земскія учрежденія. Впрочемъ, на сужденіяхъ комитетовъ это обстоятельство мало отражается: какъ всѣ комитеты по Донской области, такъ и комитеты Ставропольскій и Кубанскій настоятельно ходатайствуютъ о введеніи земства, не уступая въ этомъ отношеніи сибирскимъ комитетамъ,—и только Терскій комитетъ, признавая всѣ преимущества земства передъ административнымъ порядкомъ веденія хозяйственныхъ дѣлъ, но въ виду „разноплеменности и низкаго культурнаго состоянія населенія области, а также отсутствія такихъ руководителей, какими являются въ земскихъ губерніяхъ помѣщики-дворяне“, полагаетъ ограничиться введеніемъ учрежденій промежуточнаго типа, которыя „могли бы подготовить населеніе къ дальнѣйшему развитію земскаго самоуправленія“ (Кавк. кр. 728—729).

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Кауфманъ.

О ДОКАЗАТЕЛЬНОЙ СИЛѢ ТОРГОВЫХЪ И МАКЛЕРСКИХЪ КНИГЪ.

При начертаніи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. признано было необходимымъ опредѣлить доказательную силу торговыхъ книгъ лишь по отношенію къ лицамъ, къ торговому сословію не принадлежащимъ (ст. 466—469 уст. гражд. суд.); вопросъ же о доказательной силѣ торговыхъ книгъ во взаимныхъ спорахъ лицъ торгующихъ остался ненормированнымъ, т. е. постановленія по сему предмету уставовъ торговаго и судопроизводства торговаго оставлены на существующемъ основаніи въ томъ, очевидно, предположеніи, что ими будутъ руководствоваться коммерческіе суды, не подлежавшіе преобразованію. Но при этомъ сочтено было цѣлесообразнымъ оговорить, что въ „тѣхъ мѣстностяхъ, на которыя не простирается вѣдомство суда коммерческаго, спорныя дѣла, относящіяся къ торговой подсудности (1300—1307 ст. XI т. свод. уст. торг.), вѣдаются общими судами гражданскими, на основаніи настоящаго устава“ (ст. 28 уст. гражд. суд.). А такъ какъ коммерческихъ судовъ въ Имперіи существовало лишь крайне ограниченное количество, и съ теченіемъ времени число ихъ еще сократилось (въ настоящее время коммерческіе суды сохранились только въ обѣихъ столицахъ и Одессѣ), то большинство дѣлъ торговой подсудности перешло въ вѣдѣніе новыхъ судебныхъ установленій, въ которыхъ неминуемо долженъ былъ возникнуть вопросъ: какими правилами руководствоваться при опредѣленіи доказательной силы торговыхъ книгъ

въ спорахъ между торгующими. Правительствующій Сенатъ, по дошедшимъ до него дѣламъ, въ 1870 г. (р. №№ 142, 247 и 250) разъяснилъ, что въ спорахъ между купцами доказательная сила торговыхъ книгъ должна опредѣляться по правиламъ устава торговаго. Это же положеніе подтверждено Правительствующимъ Сенатомъ въ 1880 г. указаніемъ, что ст. 28 устава относится лишь *къ формамъ и обрядамъ судопроизводства* и посему не освобождаетъ общіе гражданскіе суды отъ обязанности, при разрѣшеніи торговыхъ дѣлъ, руководствоваться торговыми обычаями въ предѣлахъ, означенныхъ въ ст. 1714 т. XI уст. торг. (р. $^{80}/_{63}$).

Къ такому же выводу пришелъ и почтенный авторъ „Основъ гражданскаго процесса", В. Л. Исаченко. Комментируя ст. 28 устава, онъ разсуждаетъ: „Вѣдать дѣло „на основаніи сего устава" означаетъ не что иное, какъ то, что общій гражданскій судъ, разсматривающій дѣло, по роду подсудное суду коммерческому, обязанъ соблюдать *формы и обряды судопроизводства*, указанные въ уст. гражд. суд., но не въ уставѣ суд. торг. Онъ долженъ вызывать тяжущихся, разбирать дѣло, провѣрять доказательства, соблюдать сроки и пр., какъ это установлено „въ семъ уставѣ", а не какъ указано въ уст. суд. торг., и только. Что же касается тѣхъ постановленій уст. суд. торг., которыя содержатъ въ себѣ правила матеріальнаго права, то не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что эти постановленія должны быть примѣняемы и гражданскими судами во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые предусматриваются ими или на которые они постановлены. . . . . Въ силу этого, какъ постановленія, *устанавливающія доказательную силу купеческихъ книгъ*, разрѣшающія въ извѣстныхъ случаяхъ примѣненіе существующаго торговаго обычая и т. п., *заключаютъ въ себѣ правила матеріальнаго права* и не имѣютъ ничего общаго съ правилами, опредѣляющими формы и обряды судопроизводства, то они, *несомнѣнно, не только могутъ, но и должны быть примѣняемы общими гражданскими судами* во всѣхъ дѣлахъ, подвѣдомыхъ имъ по правилу разсматриваемой 28 ст." (стр. 575 и 576).

Хотя съ утвержденіемъ, что постановленія о доказательной силѣ купеческихъ книгъ составляютъ нормы матеріальнаго права, и трудно согласиться, и это утвержденіе опровергается уже тѣмъ фактомъ, что означенныя постановленія включены въ уставы *судопроизводства* торговаго (ст. 233—243 т. XI ч. 2, изд. 1903 г.) и гражданскаго (ст. 466—469), но выводъ, что и судебныя установленія, образованныя на основаніи уставовъ Императора Александра II, должны руководствоваться въ дѣлахъ торговыхъ правилами устава судопроизводства торговаго о доказательной силѣ купеческихъ книгъ, неопровержимъ, ибо правила по сему предмету содержатся только въ этомъ послѣднемъ уставѣ.

Но вопросъ заключается въ томъ: какъ руководствоваться судебнымъ установленіямъ, не связаннымъ теоріею формальныхъ доказательствъ, правилами дореформенныхъ коммерческихъ судовъ? Какъ согласовать основной принципъ устава гражд. суд. о свободной оцѣнкѣ судомъ доказательствъ съ правиломъ, напр., ст. 235 уст. судопр. торг. о томъ, что при несходствѣ статей въ книгахъ одного купца со статьями въ книгахъ другого, объявляющаго по онымъ споръ, ни тѣ, ни другія книги сами по себѣ не могутъ служить доказательствомъ къ разрѣшенію спора, или съ постановленіемъ ст. 242 о лишеніи книги доказательной силы въ пользу купца вслѣдствіе оказавшейся въ ней какой либо, хотя бы и малозначащей, поправки? Очевидно, что правила о доказательной силѣ торговыхъ книгъ для примѣненія ихъ судами гражданскими должны претерпѣть существенныя измѣненія и быть приноровлены къ общей системѣ устава гражд. суд. о доказательствахъ. Такая попытка согласованія этихъ правилъ съ постановленіями уст. гражд. суд. была сдѣлана въ 1889 г. при начертаніи положенія о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ (прилож. къ ст. 1805 уст. гражд. суд), но эта попытка, касавшаяся только Прибалтійскихъ губерній, а не всей Имперіи, ограничилась лишь тѣсными предѣлами предлежавшей задачи—распространенія на названныя губерніи судопроизводственныхъ постановленій Имперіи, а не шла въ глубь вопроса, не направлялась на

коренной пересмотръ законовъ о доказательной силѣ торговыхъ книгъ. Такому пересмотру не подвергла этихъ законовъ и Высочайше учрежденная Коммисія для пересмотра законоположеній по судебной части, которая въ проектѣ новой редакціи уст. гражд. суд. распространяетъ на всю Имперію постановленія, содержащіяся въ прилож. къ ст. 1805 дѣйствующаго уст. гражд. суд. Между тѣмъ коренной пересмотръ правилъ о доказательной силѣ торговыхъ книгъ въ спорахъ какъ между торгующими, такъ и между ними и лицами, торговли не производящими, въ видахъ предоставленія суду простора въ оцѣнкѣ этихъ книгъ, представляется не только желательнымъ, но и безусловно необходимымъ. Способствовать, по мѣрѣ силъ, достиженію этой цѣли—задача настоящихъ замѣтокъ.

I. Доказательная сила торговыхъ книгъ въ дѣлахъ между торгующими.

1) По общему правилу, выраженному, между прочимъ, въ ст. 472 уст. гражд. суд., домашніе документы, исходящіе отъ одной стороны, безъ участія другой, могутъ служить доказательствомъ лишь противъ ихъ составителя, а отнюдь не противъ лица, въ составленіи ихъ не участвовавшаго („nul ne peut se faire de titre à lui même"). Исключеніе въ этомъ отношеніи допущено законодательствами для торговыхъ книгъ, такъ какъ онѣ должны вестись особымъ, закономъ установленнымъ порядкомъ, нарушеніе коего влечетъ за собою личное взысканіе (ср. ст. 687 уст. торг., т. XI ч. 2, изд. 1903 г.). На этомъ основаніи всѣ законодательства присвоиваютъ торговымъ книгамъ бо̀льшую или меньшую доказательную силу. Такъ, французскій торговый кодексъ постановляетъ, что торговыя книги, веденныя правильно, могутъ быть принимаемы судомъ по дѣламъ торговли какъ доказательство между торгующими (ст. 12), и, по удостовѣренію Бонье, коммерческіе суды придаютъ этимъ книгамъ полную доказательную силу (Bonnier, Traité des preuves, 5 изд. 1888 г., стр. 631). Австрійское торговое уложеніе 17 дек. 1862 г. присвоиваетъ торговымъ книгамъ въ спорахъ между торгующими силу не-

полнаго доказательства, могущаго быть восполненнымъ присягою или другими доказательствами; но по усмотрѣнію суда, основанному на соображеніи обстоятельствъ дѣла, предоставляется признать за книгами большую или меньшую степень доказательной силы (§ 34), и это правило подтверждено ст. 295 уст. гражд. суд. 1 авг. 1895 г., съ тѣмъ только ограниченіемъ, что дополненіемъ къ книгамъ могутъ служить лишь доказательства, допускаемыя этимъ новымъ уставомъ, а отнюдь не присяга (см. оффиціальные мотивы, стр. 271). Германское же законодательство не только не включило въ отдѣлъ устава гражд. суд. 30 янв. 1877 г. о письменныхъ доказательствахъ какой либо оговорки относительно торговыхъ книгъ, но, наоборотъ, постановило въ п. 2 § 13 правилъ о введеніи въ дѣйствіе сего устава, что всѣ постановленія торговаго уложенія 1861 г. о доказательной силѣ торговыхъ книгъ отмѣняются. Такимъ образомъ, германское законодательство предоставило оцѣнку доказательной силы торговыхъ книгъ, на общемъ основаніи ст. 259 уст. гражд. суд., свободному убѣжденію суда (Cosack, Lehrbuch des Handelsrechts, 6 изд. 1903 г., стр. 60).

Нашъ уставъ торговый, хотя и постановляетъ, что торговыя книги, когда онѣ ведены въ надлежащемъ порядкѣ и исправности, *могутъ* служить удостовѣреніемъ и доказательствомъ при возникшихъ спорахъ по торговлѣ, но при этомъ присовокупляетъ: „на основаніяхъ, указанныхъ въ уставахъ гражданскаго и торговаго судопроизводства" (ст. 681 т. XI ч. 2 уст. торг., изд. 1903 г.). Въ уставѣ же торговаго судопроизводства (ст. 233 уст. судопр. торг., изд. 1903 г.) категорически выражено, что „купеческія книги . . . . . . *имѣютъ* силу доказательства . . . . ", такъ что слово „могутъ" выражаетъ не право суда признавать или не признавать ихъ доказательствомъ, а *обязанность* суда принимать ихъ за доказательство, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда законъ самъ лишаетъ ихъ доказательной силы (ст. 468 уст. гражд. суд.; см. Анненковъ, Опытъ комментарія, изд. 1, т. II, стр. 287). Во избѣжаніе такого толкованія и въ видахъ предоставленія суду свободной оцѣнки этого доказательства,

было бы цѣлесообразно исключить ссылку на уставъ судопр. торг., выразивъ, какъ общее правило, что правильно веденныя торговыя книги могутъ, по свободной оцѣнкѣ суда, служить доказательствомъ по дѣламъ торговымъ между торгующими. Включеніе такого общаго правила представляется необходимымъ для предотвращенія возможности лишенія торговыхъ книгъ, какъ исходящихъ отъ частныхъ лицъ, всякой доказательной силы въ пользу ихъ составителей.

2) Изъ вышеприведеннаго правила ст. 681 уст. торг., что доказательствомъ могутъ служить торговыя книги, „когда онѣ ведены въ надлежащемъ порядкѣ и исправности“, надлежитъ заключить, что *всякая* неисправность въ ихъ веденіи лишаетъ книги доказательной силы. Такой выводъ вполнѣ подтверждается ст. 623 изд. 1893 г., постановляющею, согласно со статьею 13 франц. торг. код., что „если у кого изъ торгующихъ, обязанныхъ вести торговыя книги, оныя, бывъ истребованы судомъ, окажутся съ поправками, подчистками, помарками или приписками между строкъ и статей, безъ оговорокъ и вообще безъ соблюденія установленныхъ на это правилъ, или же книги его будутъ ведены не по предписанной для сего формѣ, *тотъ лишается права на предъявленіе книгъ своихъ въ дѣлахъ спорныхъ* . . . . .“. Хотя же подчеркнутыя слова въ ст. 687 изд. 1903 г. исключены, но, какъ явствуетъ изъ цитатъ къ этой послѣдней статьѣ, такое исключеніе состоялось лишь въ виду ст. 468 и 469 уст. гражд. суд., по которымъ неисправности въ статьяхъ въ пользу лица, кому принадлежатъ книги, лишаютъ ихъ всякой въ пользу сего лица доказательной силы, что̀ равносильно лишенію права предъявленія книгъ и нисколько не ослабляетъ вышеприведеннаго вывода. Между тѣмъ, подобное правило, умѣстное при теоріи формальныхъ доказательствъ, несовмѣстимо съ системою устава 1864 г., построенной на свободной оцѣнкѣ судомъ всякаго доказательства, что̀ отчасти уже признано и Правительствующимъ Сенатомъ (р. 1868 г. № 858 по д. Розанова) [1]). Поэтому, согласно со ст. 35 выше-

---

[1]) По этому дѣлу Сенатъ, между прочимъ, разсуждалъ, что „на основаніи

приведеннаго австрійскаго закона 1862 г. и съ § 419 германскаго уст. гражд. суд. 1898 г., правильно предоставить суду оцѣнку существенности или несущественности допущенной въ книгахъ неисправности, включивъ въ уставъ такую, приблизительно оговорку: „насколько отступленія отъ установленныхъ закономъ правилъ о веденіи торговыхъ книгъ умаляютъ доказательную силу этихъ книгъ—опредѣляетъ судъ по своему справедливому усмотрѣнію, основанному на соображеніи обстоятельствъ дѣла“.

3) Ст. 468 и 469 уст. гражд. суд. и ст. 242 и 243 уст. суд. торг. опредѣляютъ, что „торговыя книги не принимаются въ доказательство: 1) когда въ нихъ окажутся вновь вставленные листы или мѣстами найдены будутъ поправки и подчистки; 2) когда въ статьяхъ окажутся неисправности въ пользу лица, коему принадлежатъ книги; 3) когда купецъ, на основаніи тѣхъ же книгъ, прежде предъявлялъ искъ объ уплатѣ, и было доказано, что платежъ былъ имъ полученъ; 4) когда онъ, по судебному приговору, признанъ злостнымъ банкротомъ, и 5) когда онъ лишенъ по суду всѣхъ или нѣкоторыхъ особыхъ правъ и преимуществъ. Но и въ этихъ случаяхъ книги не теряютъ силы противъ купца“. Подобныя постановленія, получившія силу закона еще въ 1832 г. (Полн. Собр. № 5360) при господствѣ формальной теоріи доказательствъ, въ настоящее время, очевидно, являются анахронизмами и, при томъ, крайне несправедливы по существу. Въ силу означенныхъ постановленій, книги теряютъ доказательную силу по двоякаго рода причинамъ: 1) по оказавшимся въ нихъ самихъ дефектамъ (вставленные листы, подчистки и поправки) и 2) по личности самого владѣльца этихъ книгъ, не внушающей къ себѣ довѣрія (неисправности въ книгахъ въ собственную пользу, неправильное предъявленіе

сихъ постановленій (*1 п. 468* и 470 ст. уст. гражд. суд.), не слѣдовало мировому съѣзду, по причинѣ одной неисправности представленныхъ Андреяновымъ книжекъ, отвергнуть ихъ, какъ неимѣющія никакой доказательной силы въ пользу истца Розанова, но надлежало оспариваемыя въ нихъ отвѣтчикомъ статьи подвергнуть повѣркѣ предписаннымъ въ уставѣ гражданскаго судопроизводства порядкомъ“.

по этимъ же книгамъ иска о вторичномъ взысканіи уже оплаченнаго долга, злостное его банкротство и лишеніе его по суду правъ состоянія). Что касается первой—формальной—причины, то, какъ отчасти уже выше упомянуто, допущеніе въ какомъ либо мѣстѣ книги подчистки или поправки нисколько не свидѣтельствуетъ, что основанное на такой книгѣ требованіе по статьѣ, быть можетъ, никакого отношенія къ оказавшейся поправкѣ или подчисткѣ не имѣющей, является неправильнымъ и подлежащимъ безусловному со стороны суда отказу.

Равнымъ образомъ неуважительною является и вторая категорія причинъ. Обнаруженныя въ нѣкоторыхъ статьяхъ книги неисправности въ пользу купца не служатъ доказательствомъ, что и прочія статьи неправильны, тѣмъ болѣе, что и самая неисправность, не колебля безусловно довѣрія къ купцу, можетъ быть послѣдствіемъ недосмотра или ошибки. Въ той же мѣрѣ несостоятеленъ выводъ, что разъ предъявленный на основаніи торговыхъ книгъ искъ о взысканіи уже погашеннаго долга, свидѣтельствуетъ, что и всякое другое на основаніи тѣхъ же книгъ взысканіе также неправильно или недобросовѣстно [2]). Съ другой стороны, признаніе купца злостнымъ банкротомъ или лишеніе его за какое либо преступленіе правъ состоянія не могутъ служить болѣе или менѣе надежнымъ основаніемъ къ признанію за много лѣтъ до того веденныхъ имъ книгъ несоотвѣтствующими дѣйствительности, тѣмъ болѣе, что и ли-

---

[2]) Профессоръ Шершеневичъ (Курсъ торговаго права, 2 изд., стр. 159, выноска 1) замѣчаетъ, что эта причина—предъявленіе на основаніи тѣхъ же книгъ взысканія уже оплаченнаго долга—„вытекаетъ сама собою изъ общихъ процессуальныхъ основаній“, но изъ какихъ именно общихъ основаній не указываетъ. Анненковъ же (Опытъ комментарія, т. 2, стр. 292) полагаетъ, что здѣсь разумѣется общее правило non bis in idem, т. е., что книга не можетъ быть вторично принята за доказательство по тѣмъ только статьямъ, по которымъ уже въ прежде производившемся дѣлѣ было признано, что платежъ по этимъ статьямъ купцомъ былъ полученъ. Такое толкованіе, однако, не вытекаетъ изъ буквы закона и врядъ ли умѣстно даже говорить о непринятіи книгъ въ доказательство по требованію, уже признанному оплаченнымъ, когда самое требованіе, уже разъ окончательно разрѣшенное судомъ, вновь предъявлено быть не можетъ (ст. 589, 893 и 895 уст. гражд. суд.).

шеніе правъ состоянія могло послѣдовать за дѣяніе, ничего общаго съ торговою дѣятельностью купца не имѣющее (убійство изъ ревности, религіозное преступленіе и т. п.). Въ виду сего и принимая во вниманіе, что упомянутыя постановленія, въ видѣ нормъ, предустановленныхъ для опредѣленія доказательной силы книгъ, оказываются несовмѣстимыми съ свободною оцѣнкою доказательствъ судомъ, долженствующимъ, на основаніи всей совокупности обстоятельствъ, опредѣлить достовѣрность и силу всякаго представленнаго къ дѣлу доказательства, и что по этому соображенію ни одно изъ главнѣйшихъ европейскихъ законодательствъ (франц. торг. код., ст. 13; австр. зак. 1862 г., ст. 34 и слѣд.; герм. торг. улож. 10 мая 1897 г., ст. 45—47) не содержитъ въ себѣ подобныхъ правилъ, казалось бы цѣлесообразнымъ означенныя статьи вовсе исключить изъ устава гражданскаго судопроизводства.

4) Французскій торговый кодексъ (ст. 15) и германское торговое уложеніе 1897 г. (§ 45) предоставляютъ суду, по собственному усмотрѣнію, обязать сторону представить ея торговыя книги [1]), причемъ германское уложеніе оговариваетъ, что постановленія устава гражданскаго судопроизводства относительно обязанности противной стороны представлять находящіеся у нея документы остаются неприкосновенными. Наши уставы гражданскаго и торговаго судопроизводствъ подобнаго права суду не даютъ. Равнымъ образомъ и ст. 8 прилож. къ ст. 1805 нашего уст. гражд. суд. такого категорическаго правила и въ отношеніи Прибалтійскихъ губерній не устанавливаетъ, указывая лишь, что если одна сторона представитъ свои книги, то другой сторонѣ *предоставляется* представить ея торговыя книги. Едва ли, однако, можетъ быть сомнѣніе, что для такого „предоставленія" представить книги не требуется просьбы стороны, такъ что судъ въ этомъ случаѣ можетъ потребовать представленія

---

[1]) По ст. 37 общаго германскаго торговаго уложенія 1861 г. требованіе представленія книгъ могло послѣдовать лишь по просьбѣ стороны („auf Antrag einer Partei").

книгъ по собственной иниціативѣ. Австрійскій же законъ 1862 г. (ст. 37) ставитъ право требовать представленія книгъ въ зависимость отъ просьбы стороны и опредѣляетъ, что неисполненіе требованія суда влечетъ за собою признаніе доказаннымъ того обстоятельства, въ подтвержденіе котораго книги требуются. Такимъ образомъ, постановленіе ст. 8 прилож. къ ст. 1805 нашего устава въ отношеніи иниціативы суда примыкаетъ къ французскому и германскому законамъ, но не опредѣляетъ, подобно австрійскому закону, послѣдствій неисполненія требованія суда. Принимая во вниманіе, что нашъ дѣйствующій въ Прибалтійскихъ губерніяхъ законъ даетъ большій просторъ суду для выясненія истины, казалось бы цѣлесообразнымъ его въ существѣ сохранить и распространить на всю Имперію.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что это правило закона находится въ связи со ст. 681 уст. торг., по которой „предъявленіе книгъ въ судъ . . . отдается на полную волю хозяина“ и, за исключеніемъ случаевъ спора о наслѣдствѣ и по торговому товариществу, „никто и ни подъ какимъ предлогомъ не въ правѣ требовать, чтобы открыты были купеческія книги, составляющія ненарушимую коммерческую тайну“. Этимъ правиломъ закона, въ видахъ ненарушимости коммерческой тайны, исключается возможность примѣненія къ торговымъ книгамъ постановленій статей 442—444 устава гражд. суд. объ истребованіи отъ противной стороны документовъ. Такое ограниченіе едва ли можетъ быть признано желательнымъ и цѣль его можетъ быть достигнута распространеніемъ на всю Имперію ст. 11 прил. къ ст. 1805 уст. гражд. суд., по которой „при разсмотрѣніи торговыхъ книгъ судъ удостовѣряется въ содержаніи только тѣхъ статей, которыя относятся къ спорнымъ обстоятельствамъ дѣла“, въ виду чего уже ни о какомъ нарушеніи торговой тайны рѣчи быть не можетъ. При такомъ правилѣ, приведенныя (442—444) статьи устава являются вполнѣ примѣнимыми и къ торговымъ книгамъ, что было бы цѣлесообразно точно выразить въ законѣ. Въ виду же постановленія ст. 444 устава о томъ, что въ случаѣ неисполненія стороною требованія суда о представ-

леніи документа судъ можетъ признать доказанными тѣ обстоятельства, въ подтвержденіе которыхъ требовался документъ, дѣлается излишнимъ и подлежащимъ упраздненію указаніе ст. 681 уст. торг. и ст. 8 прил. къ ст. 1805 уст. гражд. суд. о томъ, что судъ, за неимѣніемъ другихъ доказательствъ, можетъ основать свое рѣшеніе на торговыхъ книгахъ одной стороны, если другая сторона не представитъ въ опроверженіе оныхъ своихъ книгъ.

По изложеннымъ соображеніямъ представлялось бы полезнымъ включить въ уставъ слѣдующее, приблизительно, постановленіе:

„Правила статей 442—444 примѣняются и къ торговымъ книгамъ. Но если одна изъ сторонъ представитъ суду свои торговыя книги, то судъ, и по собственному усмотрѣнію, можетъ обязать другую сторону представить ея торговыя книги".

5) Ст. 234 и 235 уст. судопр. торг., изд. 1903 г., опредѣляютъ, что „купеческія книги служатъ полнымъ доказательствомъ между купцами взаимно, когда внесенныя въ оныя статьи, составляющія предметъ иска, по сравненіи съ книгами отвѣтчика, окажутся сходны. Если статьи въ книгахъ одного купца несходны съ статьями въ книгахъ другого, объявляющаго по онымъ споръ, то ни тѣ, ни другія книги сами по себѣ не могутъ служить доказательствомъ къ разрѣшенію спора. Однакожъ такое несходство въ однѣхъ статьяхъ не лишаетъ ихъ въ томъ же дѣлѣ силы доказательства по другимъ статьямъ сходнымъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано противное". Эти многословныя и казуистическія правила едва ли представляются существенными и подлежащими перенесенію въ уставъ гражданскаго судопроизводства. По справедливому замѣчанію профессора Cosack'а в. с., стр. 60, записи въ торговыхъ книгахъ составляютъ или внѣсудебное признаніе, если онѣ не въ пользу ихъ хозяина, или же внѣсудебное удостовѣреніе, если онѣ въ пользу хозяина. Поэтому, если книги обѣихъ сторонъ сходны, то едва ли можетъ быть сомнѣніе, что споръ можетъ быть разрѣшенъ на основаніи согласныхъ между собою записей въ книгахъ, т. е. на основаніи взаимнаго признанія

обѣими сторонами вѣрности записей, и это правило, безъ сомнѣнія, не нуждается въ особой санкціи закона. Въ иномъ видѣ представляется вопросъ, когда записи въ книгахъ между собою несогласны. Въ этомъ случаѣ, какъ и постановляетъ ст. 12 прил. къ ст. 1805 устава, свободному убѣжденію суда должно быть предоставлено, на основаніи всей совокупности обстоятельствъ, отдать преимущество книгамъ одной стороны предъ книгами другой, или вовсе отвергнуть доказательную силу книгъ и основать рѣшеніе на другихъ данныхъ дѣла. Это правило, вполнѣ согласное съ принципомъ свободной оцѣнки судомъ доказательствъ, полезно включить въ законъ. Такимъ образомъ, взамѣнъ приведенныхъ статей (234 и 235) уст. судопр. торг., надлежало бы, по примѣру ст. 34 (ч. 2) австрійскаго торговаго уложенія, выразить въ уст. гражд. суд., что при несходствѣ статей въ книгахъ обѣихъ сторонъ усмотрѣнію суда предоставляется отдать претпочтеніе книгамъ одной изъ сторонъ или вовсе не признать за книгами доказательной силы.

6) Ст. 681 уст. торг., ограничивая случаи обязательности представленія, по требованію суда, торговыхъ книгъ, постановляетъ, что въ этихъ случаяхъ „должны быть предъявлены въ судъ или открыты отряженному имъ члену или участковому мировому судьѣ подлежащія статьи изъ книгъ, но притомъ хозяева не обязываются оставлять книгъ своихъ въ судѣ“. Указаніе на предъявленіе книгъ члену суда или мировому судьѣ относится, очевидно, къ тому случаю, когда представленіе книгъ въ судъ является, по уважительнымъ причинамъ, невозможнымъ или сопряженнымъ съ значительными неудобствами, какъ, напр., когда книги текущія и не могутъ быть изъяты изъ торговаго помѣщенія даже на короткое время. Этимъ указаніемъ санкціонируется примѣнимость къ торговымъ книгамъ общаго правила ст. 450 уст. гражд. суд., что̀, во избѣжаніе сомнѣній и недоразумѣній, надлежало бы положительно выразить въ законѣ [1]). Съ другой стороны, приведенное правило устава торговаго,

---

[1]) Ст. 39 германскаго торговаго уложенія 1861 г. постановляла, что если

оговаривая, что хозяева не обязаны оставлять книгъ своихъ въ судѣ, не указываетъ, что же именно, взамѣнъ подлинныхъ книгъ, остается при дѣлѣ. Ст. 10 прилож. къ ст. 1805 уст. граж. суд. содержитъ въ себѣ точное по сему предмету, для однѣхъ прибалтійскихъ губерній, опредѣленіе, постановляя, что „тяжущійся, ссылающійся на свои торговыя книги или представляющій ихъ по требованію суда, обязанъ представить ихъ въ засѣданіе суда вмѣстѣ съ выпискою статей, относящихся къ спорнымъ обстоятельствамъ дѣла". Распространеніе этого правила на всю Имперію представлялось бы весьма желательнымъ. Въ виду изложеннаго, надлежало бы въ уст. гражд. суд. включить статью, аналогичную по содержанію со статьею 10 прилж. къ ст. 1805, съ тѣмъ лишь дополненіемъ, что ст. 450 уст. гражд. суд. примѣняется и къ торговымъ книгамъ.

7) Ст. 681 уст. торг. предоставляетъ суду, по ссылкѣ сторонъ и при неимѣніи другихъ доказательствъ, требовать представленія торговыхъ книгъ только въ случаяхъ спора о наслѣдствѣ и по торговому товариществу. Ст. 9 прилож. къ ст. 1805 уст. гражд. суд. къ этимъ случаямъ, исключительно для прибалтійскихъ губерній, прибавила споры, проистекающіе изъ отношеній хозяевъ-купцовъ къ торговымъ повѣреннымъ и приказчикамъ. Всѣ эти правила, какъ уже выше (№ 4) изложено, будутъ лишены фактическаго основанія, коль скоро тайна торговыхъ книгъ не будетъ нарушаться, и суду будетъ вмѣнено въ обязанность ограничиваться при разсмотрѣніи торговыхъ книгъ лишь тѣми статьями, которыя относятся къ спорнымъ обстоятельствамъ дѣла [1]), а съ прочимъ

торговыя книги находятся внѣ предѣловъ округа суда, въ которомъ производится дѣло, то, по сообщенію этого суда, книги обозрѣваются мѣстнымъ, по нахожденію книгъ, судомъ, который и дѣлаетъ изъ нихъ надлежащія выписки. Это правило отмѣнено п. 2 § 13 прав. введ. въ дѣйствіе уст. гражд. суд. 1877 г., такъ что въ настоящее время книги во всякомъ случаѣ должны быть представляемы въ тотъ судъ, въ которомъ производится дѣло.

[1]) По разъясненію IV Департамента Правительствующаго Сената по дѣлу Герценштейна съ Гуревичемъ (рѣш. 20 марта 1873 года), противная сторона и въ этомъ случаѣ къ обозрѣнію книгъ не допускается (см. Мартенса, Опытъ комментарія русскаго торговаго права, т. I, стр. 158).

содержаніемъ книгъ знакомиться исключительно съ точки зрѣнія правильности ихъ веденія. Эти предѣлы разсмотрѣнія книгъ должны, согласно ст. 11 прил. къ ст. 1805 уст. гражд. суд. и ст. 46 герм. торг. улож. 1897 г., а также ст. 38 австр. закона 1862 г., быть точно установлены закономъ въ цѣляхъ обезпеченія тайны торговыхъ книгъ.

Съ другой стороны, ст. 682 уст. торг. постановляетъ, что „только въ случаѣ упадка и несостоятельности, признанной по опредѣленію надлежащаго судебнаго мѣста, купеческія книги отбираются отъ несостоятельнаго и разсматриваются кѣмъ слѣдуетъ". Изъ существа и точнаго смысла этого закона явствуетъ, что въ случаѣ несостоятельности книги подлежатъ разсмотрѣнію не въ отдѣльныхъ только статьяхъ, но и по всѣмъ статьямъ совокупно, во всемъ своемъ содержаніи. Иностранныя законодательства расширяютъ предѣлы разсмотрѣнія всего содержанія книгъ, предоставляя право такого разсмотрѣнія и по дѣламъ о наслѣдствѣ, о раздѣлѣ общности имущества или имущества торговаго товарищества (франц. торг. код., ст. 14; герм. торг. ул., ст. 47 и австр. зак. 1862 г., ст. 40; см. Makower, Handelgesetzbuch mit Kommentar, изд., 12, т. I, ч. I, стр. 87 и 88; Bonnier, в. с., стр. 633 и 634). Подобное же право, по мнѣнію нѣкоторыхъ коммерсіалистовъ, принадлежитъ и нашему суду (см. Башиловъ, Русское торговое право, вып. 1, стр. 126). Принимая во вниманіе, что если споръ идетъ не о частичномъ требованіи, основанномъ на той или другой статьѣ книги, а о всей массѣ имущества торговца—какъ это имѣетъ мѣсто при спорахъ о наслѣдствѣ и о раздѣлахъ общности имущества—нельзя ограничить право суда и сторонъ разсматривать все содержаніе книги, казалось бы цѣлесообразнымъ о такомъ правѣ суда и сторонъ включить точное правило въ законъ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что право разсмотрѣнія книгъ въ случаѣ несостоятельности къ уставу гражданскаго судопроизводства не относится и должно найти особое выраженіе въ правилахъ о конкурсномъ производствѣ.

По изложеннымъ соображеніямъ казалось бы полезнымъ включить въ уст. гражд. суд. статью слѣдующаго, приблизи-

тельно, содержанія: „При разсмотрѣніи торговыхъ книгъ судъ удостовѣряется въ содержаніи только тѣхъ статей, которыя относятся къ спорнымъ обстоятельствамъ дѣла; прочее содержаніе книгъ подлежитъ разсмотрѣнію суда лишь на столько, на сколько это необходимо для разрѣшенія вопроса о правильности веденія торговыхъ книгъ. Изъ сего исключаются дѣла по спорамъ о наслѣдствѣ послѣ лицъ, производящихъ торговлю, о раздѣлѣ общности имущества или имущества торговаго товарищества. Въ этихъ случаяхъ торговыя книги подлежатъ разсмотрѣнію суда и сторонъ въ цѣломъ составѣ".

8) Австрійскій уст. гражд. суд. 1895 г. постановляетъ, что торговымъ книгамъ, веденнымъ въ иностранномъ государствѣ, присваивается доказательная сила въ той мѣрѣ, въ какой въ этомъ государствѣ доказательною силою пользуются книги, веденныя въ Австріи (§ 295 ч. 2). Такимъ образомъ, названное законодательство проводитъ въ отношеніи этихъ книгъ, равно какъ и другихъ актовъ (§ 293 ч. 2), принципъ взаимности. Наше законодательство этого принципа не выдвигаетъ, постановляя, что акты, совершенные въ иностранномъ государствѣ по мѣстнымъ законамъ, признаются законными актами (ст. 464 уст. гражд. суд.) и что такіе акты обсуждаются по законамъ того государства, въ предѣлахъ коихъ они совершены (locus regit actum, ст. 707). Посему, казалось бы, не можетъ быть основанія къ установленію для торговыхъ книгъ какого либо другого начала (р. $^{73}/_{1284}$ по д. Кацена; ср. также р. 4 Д-та Пр. Сен. 29 марта 1876 г. по д. Голландъ Джемсъ и К° съ Кампбелемъ у Мартенса, в. с., т. I, стр. 154), о чемъ, однако, въ виду особеннаго свойства торговыхъ книгъ, полезно прямо оговорить въ законѣ. Само собой разумѣется, что торговыя книги, веденныя въ иностранномъ государствѣ, въ подлинникѣ въ судъ представлены быть не могутъ, а ихъ должны замѣнить выписки, надлежаще, на общемъ основаніи ст. 465 устава, засвидѣтельствованныя не только въ подлинности, но и въ томъ, что самыя книги, изъ которыхъ сдѣланы выписки, ведены правильно. Такимъ образомъ, полезно въ уставъ гражданскаго

судопроизводства включить статью такого, приблизительно, содержанія:

„Доказательная сила торговыхъ книгъ, веденныхъ въ иностранномъ государствѣ, опредѣляется по правиламъ статей 464 и 707. Выписки изъ сихъ книгъ могутъ служить доказательствомъ въ томъ случаѣ, когда правильность веденія торговыхъ книгъ по мѣстнымъ законамъ и вѣрность выписокъ будутъ удостовѣрены надписью мѣстнаго суда или другого подлежащаго, по законамъ страны, установленія, а подлинность надписи засвидѣтельствована русскимъ посольствомъ, миссіею или консульствомъ".

9) Приведенныя предположенія исчерпываютъ собою кругъ правилъ, относящихся къ доказательной силѣ торговыхъ книгъ въ дѣлахъ между торгующими.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что ст. 238 уст. судопр. торг., изд. 1903 г., опредѣляетъ, что „сила доказательства, какую могутъ имѣть купеческія книги въ дѣлахъ торговыхъ между купцами взаимно, не ограничивается никакимъ срокомъ, кромѣ обыкновенной десятилѣтней давности. Но противъ умершаго купца книги его теряютъ силу доказательства по прошествіи пяти лѣтъ". Это правило воспроизведено и въ ст. 13 прил. къ ст. 1805 уст. гражд. суд. Подобнаго правила не устанавливаютъ ни французское, ни германское законодательства, оговаривающія лишь, что торгующіе обязаны хранить свои книги въ теченіе десяти лѣтъ (франц. торг. код. ст. 11 и герм. торг. улож. ст. 14). Австрійское же законодательство прямо постановляетъ, что доказательная сила торговыхъ книгъ зарегистрованныхъ купцовъ по дѣламъ между купцами не ограничивается никакимъ срокомъ (§§ 19 и 20 прав. 17 декабря 1862 г. о введ. торг. улож.; см. Neuman, Commentar zu den Civilprocessgesetzen v. 1 August 1895, стр. 653). Принимая во вниманіе, что давность, какъ матеріально-правовой институтъ, распространяется лишь на право требованія, на возможность осуществленія права посредствомъ иска, а не на доказательства, и что лишеніе торговыхъ книгъ, за истеченіемъ 10 или 5 лѣтъ, доказательной силы въ то время, когда самое право требованія не пога-

шено, противорѣчитъ какъ законамъ о давности, такъ и справедливости,—казалось бы правильнымъ приведенныхъ ограниченій относительно сроковъ сохраненія торговыми книгами доказательной силы въ уставъ гражд. суд. не включать.

II. Доказательная сила торговыхъ книгъ въ дѣлахъ между торгующими и лицами, къ торговому сословію не принадлежащими.

10) По ст. 466 и 467 уст. гражд. суд. въ искахъ противъ лицъ, не принадлежащихъ къ торговому сословію, купеческія книги могутъ быть принимаемы за доказательство въ спорахъ о поставкѣ товаровъ и займѣ денегъ, и тогда лишь, когда доказано, что товары дѣйствительно были поставляемы или деньги забираемы, а сомнѣніе или споръ относятся ко времени, количеству, качеству или цѣнѣ поставленныхъ или забранныхъ товаровъ или обѣщаннаго платежа, при чемъ, однако, книги имѣютъ силу доказательства только въ теченіе одного года, считая со времени поставки товара или отпуска денегъ. Аналогичныя правила содержатся и въ ст. 236, 237 и 239 уст. судопр. торг., т. XI ч. 2, изд. 1903 г., присвояющихъ и при выше указанныхъ условіяхъ торговымъ книгамъ силу лишь половиннаго доказательства, могущаго быть восполненнымъ дополнительною присягою. По справедливому замѣчанію Анненкова, ст. 466 устава, давая торговымъ книгамъ доказательную силу только относительно точно опредѣленныхъ и притомъ менѣе существенныхъ обстоятельствъ, приводитъ къ тому, что книги эти въ искахъ купцовъ противъ лицъ, къ торговому сословію не принадлежащихъ, не имѣютъ значенія самостоятельнаго доказательства и не могутъ служить доказательствомъ главныхъ фактовъ, дающихъ начало основному требованію (займу, поставкѣ), а являются развѣ только доказательствомъ вспомогательнымъ къ разъясненію фактовъ второстепенныхъ, когда главные факты, служащіе основаніемъ спору, уже удостовѣрены другими доказательствами (Опытъ комментарія, т. II, стр. 283 и 284). Въ этомъ отношеніи нашъ уставъ строже даже французскаго законодательства. Французскій гражданскій кодексъ хотя и про-

возглашаетъ общее правило, что купеческія книги не составляютъ противъ лицъ неторговаго званія доказательства въ отношеніи поставокъ товаровъ, въ эти книги внесенныхъ, но при этомъ оговариваетъ, что изъятія изъ сего правила указаны ниже относительно присяги („sauf ce qui sera dit à l'égard du serment“, ст. 1329); по поводу же присяги, предлагаемой самимъ судомъ (дополнительной, supplétoire), ст. 1367 опредѣляетъ, что эту присягу судъ назначаетъ лишь, когда искъ или возраженіе не вполнѣ доказаны, но и не вовсе бездоказательны. Такимъ образомъ, вопреки принципу „nul ne peut se faire de titre à lui même“, торговыя книги всетаки принимаются за доказательство въ пользу купца не только относительно второстепенныхъ, но и главныхъ фактовъ, но за доказательство неполное, подлежащее дополненію присягою (Bonnier, в. с., стр. 634—638). Аналогичныя постановленія содержатся и въ австрійскомъ законодательствѣ, дающемъ одинаковую доказательную силу торговымъ книгамъ какъ противъ купцовъ, такъ и противъ лицъ неторгующихъ и ограничивающемъ доказательную силу (хотя и не полную) торговыхъ книгъ противъ лицъ не торговыхъ $1^1/_2$ годами со времени возникновенія требованія (зак. 17 Дек. 1862 г. § 34 и прав. введ. § 19). Эти постановленія остались въ силѣ и по осуществленіи судебной реформы на основаніи уст. 1 Авг. 1895 г. (уст. гражд. суд., § 295). Германское же законодательство, подчинившее торговыя книги въ спорахъ между купцами свободной оцѣнкѣ суда, отмѣнило, вмѣстѣ съ тѣмъ, правило § 34 торговаго уложенія 1861 г. объ опредѣленіи доказательной силы сихъ книгъ въ отношеніи неторгующихъ по партикулярнымъ законамъ (Landesgesetzen; § 13 п. 2 прав. введ. 1877 г.) и въ настоящее время не устанавливаетъ какихъ либо изъятій и относительно доказательной силы книгъ въ спорахъ между лицами, торгующими и не торгующими (Cosack, стр. 61), почему ни въ торговомъ уложеніи 1897 г., ни въ уставѣ гражданскаго судопроизводства никакихъ особыхъ опредѣленій по сему предмету не содержится. Наша кассаціонная практика признавала полную доказательную силу за торговыми книгами противъ лицъ не торговаго званія,

если они совершали съ купцами торговыя сдѣлки (р. 68/512 по д. Никифорова), и, наоборотъ, подчиняла книги ограниченіямъ ст. 466 и 467 уст. гражд. суд., если лицо не торговаго званія не совершало съ купцомъ торговаго оборота (р. 75/642 по д. Гучкова; см. Башиловъ, Русское торговое право, вып. I, стр. 123 и 124; Мартенсъ, в. с. т. I, стр. 156).

Изложенное показываетъ, что иностранныя законодательства не отрицаютъ совершенно доказательной силы торговыхъ книгъ противъ лицъ, не принадлежащихъ къ торговому сословію. Равнымъ образомъ и наше законовательство признаетъ, хотя съ весьма значительными ограниченіями, доказательную силу торговыхъ книгъ противъ не торгующихъ. Подобныя ограниченія доказательной силы являются ничѣмъ инымъ, какъ изъятіями изъ общаго правила о свободной оцѣнкѣ доказатальствъ судомъ, стѣсненіемъ опредѣленными указаніями закона судейской совѣсти, не совмѣстимыми съ положенною въ основаніе реформированнаго процесса отмѣною теоріи формальныхъ доказательствъ. Австрійскій законъ 17 Декабря 1862 г. стремился примирить оба начала, постановляя, что купеческія книги составляютъ не полное доказательство, подлежащее восполненію присягою или другими доказательствами, при чемъ, однако, усмотрѣнію суда, основанному на соображеніи обстоятельствъ дѣла, предоставляется придать содержанію книгъ большую или меньшую степень доказательной силы (§ 34) [1]; но такая двойственность рѣзко другъ другу противорѣчащихъ началъ, сохраненная и въ новомъ уставѣ гражданскаго судопроизводства 1895 г. (§ 295 и оффиціальные мотивы, стр. 271), являются очевид-

---

[1]) „Ordnungsmässig geführte Handelsbücher liefern bei Streitigkeiten über Handelssachen unter Kaufleuten in der Regel einen unvollständigen Beweis, welcher durch den Eid oder durch andere Beweismittel ergänzt werden kann. Jedoch hat der Richter nach seinem durch die Erwägung der Umstände geleiteten Ermessen zu entscheiden, ob dem Inhalte der Bücher ein grösseres oder geringeres Mass der Beweiskraft beizulegen... sei“. Это постановленіе распространено § 19 прав. введ. въ дѣйствіе 17 дек. 1862 г. и на споры между купцами и лицами, къ торговому сословію не принадлежащими.

нымъ диссонансомъ въ австрійскомъ процессуальномъ кодексѣ, недовѣріемъ къ суду и пережиткомъ устарѣвшей теоріи формальныхъ доказательствъ. Поэтому гораздо послѣдовательнѣе поступило германское законодательство, совершенно отказавшись отъ нормированія доказательной силы торговыхъ книгъ въ дѣлахъ какъ между торгующими, такъ и между ними и неторгующими, предоставивъ опредѣленіе этой силы, на общемъ основаніи, свободному убѣжденію суда. Слѣдуя этому примѣру, казалось бы правильнымъ ст. 466 уст. гражд. суд. отмѣнить. Равнымъ образомъ, отмѣнѣ подлежитъ и ст. 467 устава о сохраненіи торговыми книгами доказательной силы противъ неторгующаго въ теченіе одного года, ибо какъ уже выше (№ 9) изложено, доказательства вообще давности не подчиняются, а истеченіемъ давностнаго срока погашается самое требованіе, въ подтвержденіе котораго должны быть представлены доказательства. Наши же гражданскіе законы, въ отличіе отъ французскаго гражданскаго кодекса, подчиняющаго *иски* купцовъ за товары, продаваемые ими лицамъ неторговаго званія, годичной давности (ст. 2272), никакой особой сокращенной давности для исковъ лицъ торгующихъ къ неторгующимъ не устанавливаетъ, а погашаетъ по истеченіи годичнаго срока не искъ, а доказательную силу подтверждающей этотъ искъ торговой книги.

По симъ соображеніямъ представлялось бы цѣлесообразнымъ вышеизложенныя предположенія о доказательной силѣ торговыхъ книгъ распространить на всѣ споры по торговлѣ какъ между торгующими взаимно, такъ и между торгующими и лицами, не производящими торговли, оговоривъ о семъ въ законѣ и исключивъ изъ устава гражданскаго судопроизводства ст. 466 и 467.

III. О доказательной силѣ маклерскихъ книгъ.

11) Биржевые маклеры занимаютъ у насъ оффиціальное положеніе. Они избираются биржевыми обществами, утверждаются въ должностяхъ правительствомъ, приводятся къ присягѣ, и книги ихъ подлежатъ ревизіи Министерства Финан-

совъ (ст. 692 — 697 уст. торг. т. XI ч. 2, изд. 1903 г.). Тѣмъ не менѣе, совершаемыя при ихъ посредствѣ сдѣлки, облекаемыя въ форму маклерскихъ записокъ, не соотвѣтствуютъ актамъ, совершеннымъ нотаріальнымъ порядкомъ, такъ какъ торговыя записки подписываются сторонами и получаютъ силу помимо книги, въ которую онѣ вносятся уже послѣ ихъ совершенія отъ слова до слова или даже лишь въ подробномъ извлеченіи сущности всѣхъ условій (ст. 698—701). Равнымъ образомъ, записки эти не могутъ пользоватся силою актовъ явочныхъ, ибо, съ одной стороны, посредничество въ сдѣлкѣ маклера, выражаемое въ маклерской запискѣ словами „по приказу вашему продано" или „куплено" (см. форму маклерской записки, прилож. къ ст. 2460 т. XI, ч. 2, изд. 1857 г.), а съ другой—возможность совершенія записокъ по письменнымъ приказамъ иногороднихъ купцовъ (ст. 95 прил. I къ ст. 592 т. XI, ч. 2, изд. 1887 г.), т. е. въ отсутствіи сторонъ и безъ удостовѣренія ихъ самоличности и правоспособности, лишаютъ торговыя записки той публичной достовѣрности, которая присуща актамъ, являемымъ у нотаріуса. Не смотря на это, законъ опредѣляетъ, что записки, установленнымъ порядкомъ совершенныя, признаются въ полной мѣрѣ дѣйствительными и законными (ст. 700 уст. торг. изд. 1903 г.), а если въ нихъ допущено какое либо отступленіе отъ предписанныхъ правилъ, то онѣ, въ случаѣ возникшаго спора, признаются вовсе недѣйствительными (ст. 702). Въ противность сему послѣднему строгому правилу, ст. 244 уст. судопр. торг. (т. XI, ч. 2, изд. 1903 г.) постановляетъ, что торговая записка, при посредствѣ биржеваго маклера заключенная и обоюдною подписью договаривающихся сторонъ утвержденная, служитъ между ними за неопровергаемый актъ, хотя бы, по нерадѣнію маклера или по другимъ причинамъ, и не была внесена въ маклерскую его книгу. Такимъ образомъ, съ одной стороны, законъ указываетъ, что какое либо отступленіе отъ предписанныхъ правилъ, къ числу коихъ относится и внесеніе записки или всѣхъ условій ея въ маклерскую книгу, дѣлаетъ ее, въ случаѣ спора, вовсе недѣйствительною, а съ другой—законъ признаетъ, что, не

смотря на невнесеніе записки въ книгу, она служитъ неопровергаемымъ актомъ. По мнѣнію профессора Шершеневича (Курсъ торг. права, изд. 2, стр. 355), несоблюденіе предписанныхъ формальностей лишаетъ маклерскую записку лишь силы оффиціальнаго акта, но она сохраняетъ силу акта домашняго. Это толкованіе, вполнѣ согласное съ ст. 460 уст. гражд. суд., едва ли, однако, находитъ подтвержденіе въ приведенныхъ постановленіяхъ закона о признаніи подобной записки въ одно и тоже время и недѣйствительною, и неопровергаемымъ актомъ. Подобныхъ постановленій не содержится ни во французскомъ торговомъ кодексѣ, по которому биржевые маклеры (courtiers) назначаются верховною властью (ст. 75), ни въ германскомъ торговомъ уложеніи 10 мая 1897 г., не присваивающемъ маклерамъ (Handelsmäkler, Sensale) должностнаго, оффиціальнаго значенія (§ 93; ср. Makower, в. с., стр. 155; Behrend, Lehrbuch des Handelsrechts, т. 1, 1886 г., стр. 379—400). Эти законодательства, слѣдовательно, подчиняютъ акты, совершаемые при посредствѣ маклеровъ, общимъ правиламъ о письменныхъ доказательствахъ и свободной оцѣнкѣ ихъ судомъ, что въ германскомъ законодательствѣ ясно, хотя не прямо, выражено отмѣною правилами о введеніи въ дѣйствіе устава гражданскаго судопроизводства 1877 г. (§ 13 п. 2) ст. 77 и 78 торг. улож. 1861 г. о доказательной силѣ маклерскихъ записокъ и книгъ. Съ своей стороны, австрійскій законъ 4 апрѣля 1875 г. постановляетъ, что правильно веденная маклерская книга (Tagebuch), а равно маклерскія записки (Schlussnoten) составляютъ доказательство заключенія сдѣлки и ея содержанія. Но судъ, по своему внутреннему убѣжденію, основанному на оцѣнкѣ всѣхъ данныхъ дѣла, опредѣляетъ степень достовѣрности означенныхъ актовъ и не должны ли они быть подкрѣплены присягою маклера или другими доказательствами, а также какое значеніе долженъ имѣть отказъ одной стороны принять или подписать маклерскую записку (ст. 77). Это правило сохранено и новымъ уставомъ гражданскаго судопроизводства 1895 г. именно въ виду того, что оно даетъ широкое право суду оцѣнки означенныхъ докумен-

товъ (ст. 295 и оффиціальный мотивъ къ ней). Такимъ образомъ, наше законодательство въ этомъ отношеніи стоитъ позади другихъ европейскихъ законодательствъ, нося на себѣ печать дореформенной теоріи формальныхъ доказательствъ. Въ виду сего и принимая во вниманіе, что, какъ уже выше упомянуто, акты биржевыхъ маклеровъ, совершенные при ихъ посредствѣ, не могутъ, по существу участія въ нихъ маклера, быть отождествляемы съ актами, совершенными или засвидѣтельствованными нотаріусомъ, казалось бы цѣлесообразнымъ подчинить маклерскія записки и приравниваемыя къ нимъ по доказательной силѣ выписки изъ маклерскихъ книгъ (ст. 245 уст. суд. торг.) свободной оцѣнкѣ суда, который, конечно, долженъ будетъ, въ каждомъ данномъ случаѣ, взвѣсить, насколько сила этихъ актовъ ослабляется несоблюденіемъ маклеромъ предписанныхъ для его дѣятельности формальностей. По этимъ соображеніямъ представлялось бы желательнымъ включить въ уст. гражд. суд. слѣдующее, примѣрно, постановленіе:

„Торговыя записки, при посредствѣ биржеваго маклера заключенныя, а также выданныя маклерами выписки изъ маклерскихъ книгъ могутъ служить доказательствомъ удостовѣряемыхъ ими сдѣлокъ, при чемъ судъ опредѣляетъ силу и значеніе этихъ документовъ, принимая въ соображеніе соблюденіе при совершеніи оныхъ установленныхъ закономъ формальностей“.

12) Ст. 707 уст. торг. (изд. 1903 г.), предписывая сохранять маклерскія книги въ теченіе 25 лѣтъ, въ видахъ полученія изъ нихъ необходимыхъ справокъ, оговариваетъ, что „сіи справки производятся по снятіи съ книгъ печатей тѣми маклерами, коими онѣ наложены, и при бытности ихъ самихъ, буде налицо находятся“. Это постановленіе закона, въ связи съ правиломъ ст. 245 уст. судопр. торг. (изд. 1903 г.) о томъ, что неопровергаемую доказательную силу имѣетъ „доставленная по требованію суда для справки по дѣлу, за подписью и печатью биржеваго маклера, выписка изъ его книги“, подало небезосновательный поводъ къ заключенію, что маклерскія книги составляютъ по закону ком-

мерческую тайну, недоступную даже для суда, который, въ случаѣ надобности, можетъ потребовать отъ маклера лишь справку или выписку изъ его книги (Башиловъ, в. с., стр. 265). Такое заключеніе едва ли, однако, заслуживаетъ уваженія, такъ какъ маклерскія книги, хотя и касаются торговли, не представлютъ собою, подобно торговымъ книгамъ, всей совокупности свѣдѣній о торговыхъ оборотахъ и объ имущественномъ положеніи торгующаго и посему ненарушимою тайною пользоваться не могутъ. Въ сихъ видахъ ст. 15 прилож. къ ст. 1805 уст. гражд. суд., по отношенію къ Прибалтійскимъ губерніямъ, оговорила, что судъ, по ссылкѣ тяжущихся, можетъ потребовать отъ маклера представленія его книгъ и это правило желательно сдѣлать общимъ для всей Имперіи. Германское торговое уложеніе (§ 102) и австрійскій законъ 4 апрѣля 1875 г. (ст. 79) предоставляютъ суду право, по собственной инициативѣ, безъ просьбы стороны, потребовать представленія маклерской книги для сличенія съ маклерскими записками или выписками. Но едва ли такое отступленіе отъ общаго начала 367 ст. нашего уст. гражд. суд. вызывается необходимостью, ибо тотъ же результатъ можетъ быть достигнутъ и безъ инициативы суда при правѣ суда указывать сторонамъ, что то или другое обстоятельство требуетъ разъясненія (ст. 368 устава). Само собою разумѣется, что если истребованіе маклерской книги представится неудобнымъ (какъ напр. въ случаѣ необходимости истребованія текущей книги, долженствующаго остановить дальнѣйшую дѣятельность маклера), судъ воспользуется правомъ ст. 450 устава объ обозрѣніи книги чрезъ отряженнаго судью.

Такимъ образомъ, въ уставъ гражданскаго судопроизводства полезно включить слѣдующее, приблизительно, правило:

„Судъ, въ случаѣ ссылки тяжущихся на книги биржевыхъ маклеровъ, можетъ потребовать отъ маклеровъ представленія сихъ книгъ, съ соблюденіемъ, въ подлежащихъ случаяхъ, правила ст. 450“.

13) При обозрѣніи маклерской книги легко можетъ обнаружиться веденіе ихъ съ нарушеніемъ установленныхъ пра-

вилъ, какъ напр. допущеніе въ нихъ поправокъ, подчистокъ, приписокъ, пропусковъ и т. п. Въ Регламентѣ Главнаго Магистрата Императора Петра I, въ главѣ XIX „о маклерахъ или торговыхъ сводчикахъ" было, между прочимъ, выражено: „журналъ или повседневная записка маклеровъ такую силу имѣетъ, какъ протоколъ въ судахъ" (ср. Цитовичъ, Очерки по теоріи торговаго права, вып. 1—2, стр. 155, выноска 3). Этотъ взглядъ на маклерскую книгу, однако, не удержался. Дѣйствующіе законы опредѣляютъ, что торговыя записки вносятся въ книгу отъ слова до слова или въ подробномъ изложеніи всѣхъ условій сдѣлки, съ отмѣткою, въ послѣднемъ случаѣ, внизу, что записки установленной формы доставлены маклеромъ какъ той, такъ и другой сторонѣ, и если въ запискѣ допущено какое либо отступленіе отъ изложенныхъ правилъ, то она признается вовсе недѣйствительною (ст. 700—702 уст. торг.). Съ другой стороны, ст. 247 уст. судопр. торг. постановляетъ, что „книги маклерскія теряютъ силу доказательства, когда маклеръ за упущеніе въ нихъ или за злоупотребленіе и обманъ отрѣшенъ отъ своей должности". Отрѣшенію же отъ должности, по ст. 1304 и 1306 улож. о наказ., маклеры подлежатъ за совершеніе торговой записки безъ соблюденія установленныхъ правилъ, когда отъ сего произойдетъ споръ между покупателемъ и продавцемъ, за неправильное веденіе своихъ книгъ, за внесеніе въ оныя актовъ, коихъ записка маклерамъ воспрещена, или, напротивъ, за невнесеніе актовъ, слѣдующихъ къ запискѣ; кромѣ того, еще болѣе строгому наказанію—заключенію въ тюрьмѣ отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ—маклеръ подвергается за оставленіе въ книгахъ большихъ между статьями мѣстъ или отрывныхъ страницъ или листовъ. Такимъ образомъ, какое либо упущеніе или неправильность въ веденіи книгъ, хотя бы вовсе не относящіяся къ тѣмъ статьямъ, по которымъ между сторонами возникъ споръ, могутъ лишить доказательной силы какъ самыя книги, такъ и выданныя изъ нихъ выписки или справки. Такія постановленія закона, связывающія съ соблюденіемъ внѣшнихъ формъ

въ веденіи книгъ, дѣйствительность и доказательную силу актовъ и документовъ, очевидно, несовмѣстимы съ свободною оцѣнкою доказательствъ судомъ и посему не только не могутъ быть воспроизведены въ уставѣ гражданскаго судопроизводства, но и, наоборотъ, подлежатъ совершенной отмѣнѣ, съ точною оговоркою въ законѣ, по примѣру ст. 78 австрійскаго закона 1875 г., что значеніе подобныхъ неправильностей въ веденіи книгъ опредѣляется судомъ по свободному убѣжденію.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что по ст. 246 уст. судопр. торг., изд. 1903 г., „въ случаѣ отсутствія или смерти маклера, при посредствѣ коего заключенъ торгъ или иное торговое обязательство, книги его и внесенныя въ нихъ маклерскія записки имѣютъ столько же силы въ доказательствахъ, какъ и сдѣланное подъ присягою показаніе посторонняго свидѣтеля". Это постановленіе закона, какъ явно относящееся къ предустановленной закономъ теоріи формальныхъ доказательствъ, не признано возможнымъ включить въ прил. къ ст. 1805 уст. гражд. суд. для Прибалтійскихъ губерній и едва ли, въ какомъ либо измѣненномъ видѣ, можетъ найти выраженіе въ уставѣ гражданскаго судопроизводства для всей Имперіи.

А. Гасманъ.

ЗЕМСКІЕ НАЧАЛЬНИКИ.

I. Власть и составъ института земскихъ начальниковъ.

Не будетъ ни малѣйшимъ преувеличеніемъ сказать, что въ губерніяхъ, гдѣ введены земскіе начальники, т. е. въ большинствѣ губерній Европейской Россіи, тонъ и направленіе общественной и даже частной жизни нашего многомилліоннаго сельскаго населенія по закону обязанъ и уполномоченъ давать земскій начальникъ. Онъ полный хозяинъ въ волости и селеніи. Онъ властный начальникъ—попечитель надъ всѣми крестьянскими учрежденіями и отдѣльными крестьянами.

По отношенію къ общественной жизни сельскаго населенія земскій начальникъ смотритъ за всѣми установленіями крестьянскаго общественнаго управленія и ревизуетъ ихъ (ст. 23 положенія о земскихъ начальникахъ по изд. 1902 г.). Онъ имѣетъ право чрезъ старшинъ и старостъ созывать сельскіе и волостные сходы и предлагать на ихъ обсужденіе, что признаетъ нужнымъ, если только это входитъ въ кругъ вѣдѣнія сходовъ (тамъ же ст. 25). Земскій начальникъ имѣетъ право разсматривать всѣ приговоры, постановленные въ его участкѣ, и представлять ихъ къ отмѣнѣ, если признаетъ нужнымъ (тамъ же ст. 30). Поэтому онъ *можетъ* пріостановить и опротестовать всякое постановленіе схода, напр., объ открытіи школы, объ арендованіи земли, о сдачѣ ямщины и проч., не говоря уже о постановленіяхъ должностныхъ лицъ сельскаго и волостного управленія. Земскій начальникъ *обязанъ* разсматривать и представлять со своимъ мнѣніемъ на утвер-

жденіе уѣзднаго съѣзда приговоры волостныхъ и сельскихъ сходовъ о порядкѣ взиманія и храненія всякихъ сборовъ съ крестьянъ и о порядкѣ учета волостныхъ правленій и должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія въ этихъ суммахъ (тамъ же ст. 32). Онъ обязанъ смотрѣть за состояніемъ мірскихъ капиталовъ и утверждаетъ приговоры сельскихъ сходовъ о расходахъ изъ нихъ (тамъ же ст. 37). На земскаго начальника возлагается надзоръ за находящимися въ участкѣ учрежденіями мелкаго кредита (тамъ же ст. 38), за опекунствами, учреждаемыми надъ личностью и имуществомъ малолѣтнихъ сиротъ сельскаго состоянія. Онъ обязанъ смотрѣть, чтобы, при занятіи подъ усадьбы земель, находящихся въ общемъ пользованіи крестьянъ и помѣщиковъ, крестьяне не заняли болѣе того, что полагается на ихъ долю (тамъ же ст. 44 и 45). Словомъ, въ участкѣ земскаго начальника нѣтъ ни крестьянскаго учрежденія, ни должностного лица, надъ которыми бы онъ не имѣлъ власти, и нѣтъ общественнаго дѣла, въ которое земскій начальникъ не могъ бы властно вмѣшиваться, одно запретить, другое предписать, того наказать, этого похвалить, представить къ наградѣ и проч.

Но земскій начальникъ, какъ мы сказали, имѣетъ право и обязанъ опекать, руководить, надзирать, запрещать и предписывать не только въ общественной жизни, общественномъ управленіи—сельскомъ и волостномъ. Онъ надзиратель-опекунъ, хозяинъ, распорядитель, словомъ русскій начальникъ и надъ отдѣльными крестьянами, мѣщанами, цеховыми и ремесленниками, живущими въ волости. Онъ печется „о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ ввѣреннаго ему участка“ (тамъ же ст. 40). Отсюда, земскій начальникъ имѣетъ большое вліяніе на разрѣшеніе или неразрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ крестьянъ. По жалобамъ недовольныхъ сторонъ на приговоры о нихъ сельскихъ обществъ, за исключеніемъ случаевъ отказа въ раздѣлѣ по несогласію родителя (такой отказъ считается окончательнымъ), земскій начальникъ разсматриваетъ дѣло по существу и рѣшаетъ окончательно, а въ порядкѣ надзора онъ мо-

жетъ пріостановить и представить къ отмѣнѣ въ уѣздный съѣздъ всякій приговоръ о семейномъ раздѣлѣ. Только земскій начальникъ можетъ разрѣшить выдачу паспорта крестьянину вопреки согласію старшаго члена двора (ст. 19 положенія о видахъ на жительство) и женѣ-крестьянкѣ вопреки согласію мужа (рѣшенія Сената 9 и 30 ноября 1900 г. по дѣламъ Гордѣевой и Головатой). А въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ можетъ даже запретить выдачу паспорта и отобрать уже выданный. Земскій начальникъ, главнымъ образомъ, распоряжается помощью крестьянамъ въ неурожайные годы и потому почти исключительно отъ него зависитъ возможность для крестьянина получить ссуду. Отъ земскаго начальника зависитъ даже возможность переселиться изъ даннаго мѣста въ Сибирь или вообще на окраину, такъ какъ учрежденія, разрѣшающія переселенія, въ своихъ рѣшеніяхъ по необходимости руководствуются, главнымъ образомъ, его заключеніями о необходимости и возможности такого переселенія. Наконецъ, отъ земскаго начальника зависитъ возможность для крестьянина отправиться искать себѣ мѣсто для переселенія: онъ выдаетъ ходаческія свидѣтельства. Какъ обязанный заботиться о благосостояніи и нравственности крестьянъ, земскій начальникъ можетъ потребовать отъ нихъ трудолюбія и нравственнаго поведенія. Онъ можетъ приказать крестьянамъ вывозить навозъ на поля, слушаться старшихъ, оказывать имъ почтеніе, ходить въ церковь и исповѣдываться и проч. и проч. (всему этому есть и примѣры). Словомъ, трудно представить себѣ требованіе или приказаніе, съ которымъ земскій начальникъ не могъ бы обратиться къ крестьянину, если оно только не противорѣчитъ явно закону и не явно безнравственно, какъ напр., требованіе убить или поджечь кого нибудь.

А чтобы его начальническія желанія, распоряженія и приказанія исполнялись, какъ слѣдуетъ, чтобы онъ не встрѣчалъ законныхъ возраженій, противодѣйствія и сопротивленія, земскому начальнику, вмѣстѣ съ обширными полномочіями, данными ему, и огромными обязанностями, возложенными на него, даны и большое вліяніе на составъ крестьянскихъ учрежденій, и большая власть и надъ крестьянами, должностными

лицами крестьянскаго управленія, въ томъ числѣ и надъ волостными судами и судьями, такъ что эти лица, а также и волостной судъ превращены въ безмолвныхъ исполнителей воли земскаго начальника.

Земскій начальникъ по закону утверждаетъ въ должности старшину и самъ назначаетъ и увольняетъ волостного писаря, т. е. главныхъ лицъ крестьянскаго управленія. Онъ назначаетъ изъ избранныхъ и представленныхъ ему не менѣе 8 кандидатовъ 4 волостныхъ судей (ст. 114 общ. полож. о крестьянахъ изд. 1902 г.). А предсѣдателемъ суда уѣзднымъ съѣздомъ, конечно, по представленію земскаго начальника, можетъ быть назначенъ даже волостной старшина (тамъ же ст. 113). Затѣмъ, имѣя право представлять къ отмѣнѣ всѣ приговоры сельскаго и волостного обществъ, земскій начальникъ можетъ представлять къ отмѣнѣ и приговоры о выборѣ прочихъ должностныхъ лицъ въ томъ числѣ и судей и такимъ путемъ вліять и на эти выборы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ можетъ производить сильное давленіе на самихъ избирателей, угрожая арестами, штрафами и проч. Такимъ образомъ, законъ даетъ земскому начальнику полную возможность окружить себя всѣми должностными лицами крестьянскаго управленія и даже волостными судьями, только угодными и послушными ему.

Вмѣстѣ съ тѣмъ земскій начальникъ можетъ сдѣлать крестьянскихъ должностныхъ лицъ и болѣе или менѣе независимыми отъ избравшихъ ихъ обществъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи жалованья: уѣздный съѣздъ, конечно, по представленіямъ земскаго начальника, можетъ, съ утвержденія губернскаго присутствія, опредѣлять обязательный для волостного и сельскаго обществъ размѣръ жалованья или иного денежнаго вознагражденія волостного старшины, волостного писаря, помощника волостного писаря и сельскаго старосты (тамъ же ст. 196).

Власть земскаго начальника надъ волостнымъ судомъ, не говоря о судьяхъ, простирается до того, что по большинству мелкихъ дѣлъ онъ рѣшаетъ, въ случаѣ жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ, заслуживаетъ ли жалоба представленія въ съѣздъ, или нѣтъ, а послѣдній имѣетъ право перерѣшать дѣла, представленныя ему земскимъ начальникомъ.

Что касается власти земскихъ начальниковъ надъ должностными лицами крестьянскаго управленія и отдѣльными крестьянами, то сельскій староста и волостной старшина обязанъ безпрекословно исполнять всѣ законныя требованія земскаго начальника (ст. 72 и 103 общ. полож. о крест. изд. 1902 г.). Но его права, какъ мы видѣли, такъ широки и неопредѣлены, что всѣ его требованія могутъ быть подведены или подъ 23 или подъ 40 ст. полож. о земск. нач. изд. 1902 г. и потому должны быть въ глазахъ старшины и старосты законны. Затѣмъ, земскій начальникъ принимаетъ на всѣхъ должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія жалобы въ томъ числѣ и волостныхъ судей. Въ результатѣ разсмотрѣнія ихъ, а также въ случаѣ непосредственно усмотрѣнныхъ земскимъ начальникомъ маловажныхъ проступковъ этихъ лицъ по должности, онъ имѣетъ право дѣлать имъ, безъ формальнаго производства, замѣчанія, выговоры и подвергать ихъ денежному взысканію до 5 р. или аресту до 7 дней. Наконецъ, земскій начальникъ можетъ временно удалять отъ должности всѣхъ этихъ лицъ и входить съ представленіями въ уѣздный съѣздъ объ увольненіи ихъ отъ службы или о преданіи суду. А уѣздный съѣздъ по своему составу и по соображеніямъ о престижѣ власти можетъ только утверждать такія представленія. Частныхъ лицъ, подвѣдомственныхъ крестьянскому общественному управленію, въ случаѣ неисполненія ими законныхъ распоряженій и требованій земскаго начальника, онъ имѣетъ право подвергать, тоже безъ всякаго формальнаго производства, аресту до 3 дней и денежному взысканію до 6 руб.

Но земскій начальникъ не только администраторъ, попечитель—начальникъ надъ крестьянскимъ управленіемъ и судомъ и вообще надъ сельскимъ простонародіемъ; онъ и *судья* и, такимъ образомъ, можетъ въ своихъ видахъ и интересахъ пользоваться, по своему усмотрѣнію, и своею судебною властью для своихъ административныхъ цѣлей, можетъ привлекать къ своему суду за неисполненіе своихъ требованій, являться судьей въ своихъ дѣлахъ. Онъ судья по гражданскимъ дѣламъ, возникающимъ изъ найма земельныхъ угодій и найма на сель-

скія работы, до 500, а по остальнымъ до 300 руб., не подсуднымъ волостнымъ судамъ, т. е. если хотя бы одной стороной является лицо, принадлежащее къ привиллегированнымъ сословіямъ,—и по уголовнымъ проступкамъ, не подсуднымъ волостному суду, т. е., главнымъ образомъ, проступкамъ, въ которыхъ замѣшаны такъ или иначе привиллегированныя сословія. Зная, какъ незначительно въ селеніяхъ число лицъ привиллегированныхъ и что это—преимущественно землевладѣльцы, можно положительно сказать, что земскіе начальники судьи главнымъ образомъ въ столкновеніяхъ между крестьянами и помѣщиками и въ проступкахъ, къ которымъ такъ или иначе прикосновенны эти послѣдніе.

Кто же земскіе начальники съ столь ненормально обширною, что бы не сказать, произвольною властью? Изъ кого и какъ набираются они? Земскіе начальники назначаются по закону изъ мѣстныхъ потомственныхъ дворянъ, если при этомъ они сами, жены или родители ихъ владѣютъ на правѣ собственности въ предѣлахъ уѣзда землею или другимъ недвижимымъ имуществомъ. Размѣры этого землевладѣнія или стоимость иного недвижимаго имущества колеблются: 1) лица, получившія высшее образованіе или служившія въ указанныхъ административныхъ или судебныхъ должностяхъ, обязаны имѣть не менѣе половины того количества земли, которое установлено для непосредственнаго избранія уѣздныхъ земскихъ гласныхъ, или другое недвижимое имущество, оцѣненное въ 7500 р. и болѣе; 2) получившіе среднее образованіе должны имѣть вдвое большій имущественный цензъ; 3) при недостаткѣ лицъ этихъ двухъ категорій земскими начальниками могутъ назначаться мѣстные потомственные дворяне, получившіе высшее образованіе, хотя и не владѣющіе землей, но сохранившіе усадьбу въ предѣлахъ подлежащаго уѣзда. Что касается порядка назначенія ихъ, то губернаторъ, по совѣщаніи съ губернскимъ и мѣстнымъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, представляетъ на каждое мѣсто одного кандидата Министру Внутреннихъ Дѣлъ, который и утверждаетъ въ должности земскаго начальника. По существу, слѣдовательно, земскіе начальники назначаются губернаторомъ изъ мѣстнаго владѣльческаго, вѣрнѣе землевладѣльческаго дворянства.

Приступая къ обсужденію института земскихъ начальниковъ—его полномочій и состава, съ точки зрѣнія основныхъ, общепризнанныхъ принциповъ права и справедливости и съ точки зрѣнія цѣлесообразности въ организаціи правительственныхъ учрежденій, не касаясь пока того, какъ въ дѣйствительности проявляется и какія формы принимаетъ этотъ институтъ, приходится прежде всего остановиться на бросающейся въ глаза, невѣроятно широкой административной власти земскаго начальника, который можетъ властно вмѣшиваться во всѣ стороны общественной и даже частной жизни населенія, который, по своему произволу, можетъ останавливать всякія постоновленія сходовъ, полновластно распоряжаться всѣми общественными дѣлами сельскаго населенія, который, можетъ, по усмотрѣнію, вмѣшиваться въ личныя, семейныя и имущественныя дѣла отдѣльныхъ крестьянъ, который, наконецъ, можетъ налагать очень тяжелыя наказанія на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, въ томъ числѣ и на судей, на цѣлые сходы и на отдѣльныхъ крестьянъ. Такая власть не можетъ не принимать уродливыхъ формъ и должна отражаться очень вредно на всѣхъ сторонахъ крестьянскаго самоуправленія и управленія.

Широкое административное право земскихъ начальниковъ вмѣшиваться во всѣ стороны общественной жизни крестьянъ должно подавлять всякую самостоятельность крестьянскаго самоуправленія, а широкое право приказывать органамъ крестьянскаго управленія и суда и строго взыскивать за неисполненіе приказаній должно принижать и подавлять самостоятельность и этихъ органовъ и волостныхъ судовъ. При столь широкой власти земскаго начальника неизбѣжно должно создаться въ дѣйствительности такое положеніе, что и сходы и волостное правленіе и прочіе органы крестьянскаго управленія должны дѣлать только то, что согласно или можетъ быть согласно съ взглядами и желаніями земскаго начальника; они должны постоянно имѣть предъ собою его фигуру и думать—угодно ли будетъ ей то или другое. Прежде, чѣмъ приступить къ обсужденію или выполненію чего либо, благоразумные крестьяне должны справиться со взглядами на

этотъ счетъ земскаго начальника, иначе не за чѣмъ и время тратить на обсужденіе и проч., такъ какъ, что бы крестьяне и ихъ органы не рѣшили и не сдѣлали, земскій начальникъ, если захочетъ, все перерѣшитъ, перевернетъ, передѣлаетъ и поставитъ на своемъ.

Но правильно ли это? Допустимо-ли это съ точки зрѣнія справедливости и цѣлесообразности и соотвѣтствуетъ ли это интересамъ населенія? Конечно, нѣтъ.

Прежде всего, никто не можетъ знать общественной жизни крестьянъ, ихъ общественныхъ пользъ и интересовъ лучше самихъ крестьянъ. Никто, поэтому, не можетъ лучше ихъ вести ихъ общественное дѣло, а, слѣдовательно, не долженъ и вмѣшиваться въ него: всякое такое вмѣшательство будетъ не полезнымъ, а вреднымъ, будетъ помѣхой общественному дѣлу. И земскій начальникъ, какъ бы просвѣщенъ и благожелателенъ онъ не былъ, не можетъ знать крестьянской жизни лучше крестьянъ и потому его вмѣшательство, его руководство должно быть признано вреднымъ для населенія и несправедливымъ. Но такое вмѣшательство земскихъ начальниковъ вредно и нецѣлесообразно еще и съ другой стороны: крестьянство, не чувствуя самостоятельности въ веденіи своего общественнаго дѣла, вынужденное на каждомъ шагу считаться и сообразоваться съ дѣйствительной или вымышленной волей начальства, встрѣчая постоянно властныя противодѣйствія, часто, безъ сомнѣнія, весьма неумѣстныя и вредныя для дѣла, со стороны земскаго начальника, должно охладѣвать къ своимъ общественнымъ дѣламъ, уклоняться отъ участія въ нихъ, и послѣднія должны приходить въ застой и упадокъ. И земскій начальникъ, со всей своей властью, при всемъ своемъ умѣ, знаніи, желаніи и энергіи ничего сдѣлать не сможетъ: штрафами и арестами крестьянъ на сходы не заставишь ходить и должностныхъ лицъ не заставишь усердно заниматься дѣломъ; своей энергіей не вольешь въ населеніе энергіи, убивая ее излишнимъ и неразумнымъ вмѣшательствомъ въ его общественную жизнь. Наконецъ, на свои общественныя дѣла крестьянство тратитъ, свои тяжкимъ трудомъ добытыя, деньги, земскій же начальникъ и правитель-

ство ничего не даютъ. И потому распоряжаться этими деньгами, вести свое общественное дѣло крестьянство имѣетъ право совершенно самостоятельно, и никто не долженъ вмѣшиваться въ его дѣла, насколько они не затрагиваютъ постороннихъ интересовъ, чужихъ правъ и проч.

Затѣмъ, огромная административная власть земскихъ начальниковъ должна, какъ мы сказали, совершенно подавлять самостоятельность органовъ крестьянскаго управленія въ томъ числѣ и крестьянскихъ волостныхъ судовъ: они на дѣлѣ должны превратиться въ простыхъ исполнителей приказаній земскаго начальника подъ страхомъ штрафовъ и арестовъ, въ простыхъ его слугъ. А это должно прежде всего вредно отразиться на умственномъ и нравственномъ уровнѣ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія и суда. Честные, дѣльные, уважающіе себя крестьяне всячески должны уклоняться отъ выборныхъ должностей. Послѣдніе должны замѣщаться, при такихъ условіяхъ, худшими крестьянами, не высоко ставящими свою честь, часто склонными погрѣться у общественнаго дѣла въ награду за униженія предъ земскимъ начальникомъ, а не вести его за честь и совѣсть. Такой персоналъ уже не можетъ правильно и успѣшно завѣдывать общественнымъ дѣломъ, не можетъ справедливо и безпристрастно судить. И его недостатковъ уже не исправить земскому начальнику съ его надзоромъ, вмѣшательствомъ, штрафами и арестами. Мы отнюдь не думаемъ, что должностныя лица крестъянскаго управленія не должны имѣть надъ собой контроля и власти. Но этотъ контроль, наблюденіе и вообще руководство органами сельскаго самоуправленія и управленія должны принадлежать только общественнымъ собраніямъ—сходамъ, которые ихъ избираютъ, дѣла которыхъ они ведутъ и деньги которыхъ тратятъ. Что касается наказаній за преступленія, то они должны налагаться только независимымъ судомъ по удостовѣреніи въ виновноси, а не усмотреніемъ административныхъ органовъ.

Обращаясь къ широкой административной власти земскихъ начальниковъ надъ отдѣльными крестьянами, мѣщанами, цѣховыми и ремесленниками, живущими въ селеніи, необходимо

указать, что право земскихъ начальниковъ, по своему усмотрѣнію, дѣлать имъ выговоры и замѣчанія и налагать на нихъ аресты и штрафы противорѣчитъ основнымъ правовымъ принципамъ, выработаннымъ теоріей и жизнью и принятымъ всѣми культурными народами—принципамъ, что человѣкъ можетъ быть наказываемъ только по суду и только за преступленія, предусмотрѣнныя закономъ и доказанныя установленнымъ судебнымъ порядкомъ, а не по усмотрѣнію и произволу административныхъ органовъ. Право земскихъ начальниковъ, безъ соблюденія какихъ либо формальностей налагать на простое населеніе упомянутые виды наказаній лишаетъ послѣднее самыхъ необходимыхъ, самыхъ естественныхъ правовыхъ гарантій, которыя должно обезпечивать своему населенію всякое государство; населеніе отдается на произволъ и усмотрѣніе чиновниковъ и которые при томъ, какъ увидимъ ниже, не могутъ быть безпристрасными. Это ни въ какомъ случаѣ не должно быть допускаемо въ правовомъ государствѣ, т. е. въ государствѣ, управленіе котораго основано на законѣ, а не на произволѣ правящихъ. Въ видѣ исключенія административныя взысканія могутъ быть допускаемы, но только при томъ непремѣнномъ условіи, что онѣ должны быть незначительны, что ихъ можно обжаловать, но не по начальству постановившихъ, а въ самостоятельный и независимый судъ, который имѣетъ право ихъ отмѣнять, и что желаніе обжаловать останавливаетъ исполненіе административнаго наказанія. Между тѣмъ, постановленія земскихъ начальниковъ о наложеніи на крестьянъ и должностныхъ лицъ ихъ управленія взысканій признаются даже окончательными, и жаловаться на нихъ можно только начальству въ порядкѣ надзора.

Наконецъ, административная власть земскихъ начальниковъ такъ широка и неопредѣленна, ея полномочія выражены въ такихъ общихъ и неопредѣленныхъ словахъ въ родѣ „благосостояніе“ и т. п. и формамъ ея проявленія постановлено такъ мало болѣе или менѣе точныхъ границъ, что на дѣлѣ земскіе начальники и сами часто могутъ не знать, на что при разнообразныхъ обстоятельствахъ ихъ

дѣятельности, они имѣютъ право и на что не имѣютъ: мы глубоко убѣждены, что два земскіе начальника, одинаково знающіе свои права и обязанности могутъ на столько различно понимать ихъ, что одному и въ голову не придетъ присваивать себѣ такія полномочія, какія другой и не задумается признать принадлежащими ему. А общая постановка власти земскихъ начальниковъ должна говорить имъ, что они подвергаются очень малой опасносности злоупотреблять ею, что она такъ широка, что можетъ все прикрыть и покрыть. Естественно, поэтому, что, какъ бы хорошъ не былъ составъ института земскихъ начальниковъ, они не могли бы не злоупотреблять властью и притомъ гораздо чаще, чѣмъ какіе бы то ни было другіе органы и учрежденія.

Говоря объ обширной административной власти земскихъ начальниковъ надъ простымъ населеніемъ и крестьянскимъ самоуправленіемъ, о правѣ ихъ вмѣшиваться во всѣ стороны общественной и частной жизни крестьянъ, нельзя умолчать объ одной очень важной чертѣ этого института, именно, объ опекѣ и попечительствѣ надъ населеніемъ, о заботахъ о благостояніи и нравственномъ преуспѣяніи его, которыя возлагаются на земскихъ начальниковъ. Можетъ даже казаться, а сторонники института прямо говорятъ, что и вся то власть земскимъ начальникамъ дана только для пользы простого же населенія. для того, что бы земскіе начальники лучше, успѣшнѣе, безпрепятственнѣе могли заботиться о благѣ населенія. Но опека надъ взрослымъ населеніемъ должна быть признана совершенно излишней. Самый простой и невѣжественный крестьянинъ лучше всякаго начальства знаетъ свои пользы, нужды и интересы, только далеко не всегда можетъ отстоять и защитить ихъ. Вотъ въ этой защитѣ государство обязано придти на помощь слабому, но только закономъ, а не усмотрѣніемъ. Если же признается необходимымъ руководить населеніемъ въ его общественной и частной жизни, наставлять его и проч., то лицамъ, назначеннымъ для этого, вовсе не нужно власти—арестовъ, штрафовъ и т. д. Для этого нужно только знаніе и умѣнье съ ихъ стороны придти на помощь населенію совѣтомъ и проч., когда оно, чувствуя

свою некомпетентность, пожелало бы обратиться къ такой помощи свѣдущаго лица. Такого рода лица, конечно, нужны нашей деревнѣ, но не земскіе начальники съ широкой карательной властью.

Властная начальническая опека надъ населеніемъ приноситъ только одинъ вредъ и населенію и правительству. Постоянное вмѣшательство въ жизнь населенія, не принося ему пользы, убиваетъ въ немъ духъ предпріимчивости и энергію. Населеніе привыкаетъ получать точки къ дѣятельности извнѣ, привыкаетъ къ тому, что о немъ думаютъ, заботятся другіе, теряетъ самостоятельность мысли, теряетъ увѣренность въ собственныхъ силахъ, и, при малѣйшихъ, неизбѣжныхъ неудачахъ и жизненныхъ невзгодахъ, опускаетъ руки, обращаетъ взоры къ Богу и начальству, которое въ сущности помочь не можетъ, вмѣсто того, чтобы самостоятельно вступить въ борьбу съ этими невзгодами. Еще при освобожденіи редакціонныя коммисіи говорили, что „присвоеніе помѣщику права вмѣшиваться въ дѣла общества имѣло бы вредное вліяніе на самый бытъ крестьянъ. Оно служило бы только къ тому, чтобы поддержать въ крестьянахъ привычку безпечнаго разсчивыванія на предусмотрительность вотчиннаго начальства, ожиданія во всѣхъ случаяхъ его приказаній и распоряженій и равнодушія къ успѣхамъ управленія“ [1]).

Съ другой стороны, власть, взявшая на себя опеку надъ населеніемъ, рувоводство его жизнью, и ничего существеннаго не могущая сдѣлать, должна превратиться въ грубое, неумѣлое и неумѣстное вмѣшательство въ жизнь населенія, должна терять свой авторитетъ.

Впрочемъ, нужно признать, что опека и попечительство надъ населеніемъ въ Положеніи о земскихъ начальникахъ играетъ незначительную, болѣе декоративную роль, ихъ сильная власть—не опекающая, а устрашающая, предназначенная, какъ увидимъ ниже, для того, чтобы „подтянуть“ крестьянина, внушить ему страхъ предъ властью, пріучить его

---

[1]) Скребицкій А. Крестьянское дѣло въ царствованіе Алексанра II, т. I, стр. 634.

уважать договоры и владѣльческую собственность и т. д. Задачи опеки служатъ только оправданіемъ всесторонняго вмѣшательства въ жизнь населенія для лучшаго достиженія цѣлей „подтягиванія“ его и проч.

Весьма существенной отрицательной чертой и особенностью этого института является далѣе соединеніе въ лицѣ земскихъ начальниковъ судебной и административной власти. Вотъ какъ мотивировалось отклоненіе такого соединенія, предложеннаго частью членовъ извѣстной Кахановской коммисіи, большинствомъ ея [1]): совмѣщеніе судебныхъ и административныхъ функцій невозможно потому, что судъ въ своей дѣятельности долженъ руководствоваться принципомъ законосообразности, администрація—соображеніями цѣлесообразности. Судья долженъ быть независимъ, независимость административнаго органа рождаетъ произволъ. Подчиненіе, въ порядкѣ отвѣтственности судьи-администратора министерству внутреннихъ дѣлъ отразится чрезвычайно вредно на отправленіи правосудія, подчиненіе его судебнымъ мѣстамъ поведетъ къ невозможности вліянія на мѣстное управленіе со стороны управленія центральнаго.

Всякая дѣятельность требуетъ опредѣленныхъ навыковъ; одни навыки—у судьи, другіе—у администратора. Судья-администраторъ явился бы судьею закономѣрности собственныхъ своихъ распоряженій. Для обезпеченія населенія противъ произвола властей безспорно необходимо, чтобы взысканія за неисполненіе законныхъ требованій этихъ властей налагались не ими самими, а судомъ, стоящимъ внѣ всякой зависимости отъ органовъ администраціи, непосредственно заинтересованныхъ въ томъ или иномъ исходѣ дѣла.

Простота мѣстнаго управленія, достигаемая объединеніемъ судебной и административной власти, была бы куплена слишкомъ дорогой цѣной. Нельзя разсчитывать, что большинство лицъ, занимающихъ столь могущественное положеніе, будетъ пользоваться имъ въ предѣлахъ закона; въ результатѣ реформы (предлагавшейся, которая и была осуществлена въ

---

[1]) Мелкая земская единица, изд. 2, стр. 409—10.

институтѣ земскихъ начальниковъ) оказался бы такой произволъ на мѣстахъ, отъ котораго только оставалось бы бѣжать изъ уѣзда и тѣмъ, кто въ немъ еще остается, не говоря о положеніи, въ которомъ могли бы оказаться крестьяне.

Принципъ раздѣленія власти не является книжнымъ принципомъ. Какъ выводъ изъ фактовъ дѣйствительной жизни, онъ подсказанъ многовѣковымъ опытомъ самой жизни. Принципъ этотъ и у насъ въ свое время былъ признанъ за коренное начало, положенное въ основу преобразованія судебной части: на немъ зиждутся Судебные Уставы Императора Александра II.

Вмѣстѣ съ тѣмъ доказывается, что такое соединеніе не можетъ имѣть и выгодъ дешевизны мѣстнаго управленія.

Всѣ эти отрицательныя стороны института земскихъ начальниковъ только удесятиряются способомъ ихъ назначенія. Земскіе начальники, какъ мы указывали, назначаются изъ мѣстнаго уѣзднаго, а при недостаткѣ послѣдняго, губернскаго-владѣльческаго дворянства, при содѣйствіи представителей этого сословія. При томъ не требуется безусловно даже образовательный цензъ.

Назначеніе земскихъ начальниковъ изъ мѣстнаго владѣльческаго дворянства и при содѣйствіи представителей этого сословія не гарантируетъ населеніе, надъ которымъ они призваны начальствовать, даже ихъ безпристрастія и незаинтересованности—личной, сословной и классовой—въ дѣлахъ, подлежащихъ ихъ вѣдѣнію. Напротивъ, оно даетъ основанія предполагать, что административная и судебная дѣятельность земскихъ начальниковъ очень часто должна отличаться односторонностью, даже пристрастіемъ не въ пользу крестьянъ.

Земскіе начальники—крупные владѣльцы, преимущественно землевладѣльцы. Они, поэтому, принимаютъ непосредственное участіе въ той экономической борьбѣ, которую ведетъ землевладѣльческій классъ съ сельскимъ населеніемъ, обрабатывающимъ на разныхъ основаніяхъ ихъ землю, доставляющимъ имъ рабочія руки, какъ хозяева съ съемщиками, наниматели съ рабочими и т. д. Эти отношенія землевладѣльцевъ къ сельскому населенію еще усложняются и обостря-

ются постоянными столкновеніями на почвѣ неопредѣленности границъ, потравъ, порубокъ и проч.

Экономическій антагонизмъ и борьба землевладѣльцевъ и крестьянъ окрашиваютъ въ свой особый цвѣтъ и всѣ взаимныя отношенія этихъ двухъ классовъ населенія и правовыя понятія, и желанія, и стремленія, касающіяся этихъ отношеній и, наконецъ, взгляды каждаго класса на положеніе, права и духовныя свойства другого. Землевладѣльческому классу хотѣлось бы имѣть въ селѣ тихаго, смирнаго, покорнаго, послушнаго и недалекаго мужика, безропотно обрабатывающаго землю на тѣхъ условіяхъ, какія ему предложатъ, принимающаго ту плату, которую ему поставятъ, и ту пищу, которую ему дадутъ и т. д. Желаніямъ землевладѣльцевъ въ этомъ направленіи едва ли есть границы. Но поэтому самому они никогда не удовлетворяются, и помѣщикъ всегда считаетъ крестьянъ и непослушными, и дерзкими, и буйными, и лѣнтяями, и пьяницами, и мошениками и т. д. Точно также помѣщикъ всегда считаетъ, что крестьянину дано слишкомъ много правъ и преимуществъ, что онъ—помѣщикъ со своей землей беззащитенъ, отданъ на произволъ невѣжественной массы и т. д., и т. д. безъ конца.

Не слѣдуетъ думать также, что землевладѣлецъ не заинтересованъ въ крестьянскомъ управленіи и судѣ. Выдача паспортовъ, семейные раздѣлы, переселенія, тотъ или иной старшина и староста, къ которому онъ очень часто обращается, тотъ или иной составъ крестьянскаго суда, къ которому онъ также можетъ обращаться, наконецъ, дѣятельность крестьянскихъ сходовъ—по выбору должностныхъ лицъ, по вопросу о школахъ, о земельныхъ границахъ и т. д. очень близко касается помѣщика. И весьма естественно и понятно его желаніе забрать въ свои руки все крестьянское управленіе и руководить имъ въ своихъ интересахъ.

Какъ дворянинъ—помѣщикъ, земскій начальникъ, по общему правилу, долженъ быть болѣе или менѣе солидаренъ во взглядахъ, желаніяхъ и стремленіяхъ съ классомъ—сословіемъ, къ которому онъ принадлежитъ и съ которымъ поставленъ въ одинаковыя экономическія и соціальныя условія жизни.

Поэтому необходимо признать, что земскіе начальники, какъ члены дворянскаго землевладѣльческаго класса—сословія, не могутъ быть справедливыми, безпристрастными и незаинтересованными, напротивъ, они неизбѣжно должны быть весьма односторонними и заинтересованными администраторами и судьями. Земскимъ начальникамъ должны быть всегда понятнѣе и ближе взгляды, нужды и желанія дворянства, чѣмъ крестьянства. На крестьянское управленіе, и крестьянскія нужды и потребности—на всю крестьянскую жизнь они должны смотрѣть глазами дворянства, для котораго истина закрыта ихъ классовыми и сословными интересами.

Дворянская владѣльческая окраска земскихъ начальниковъ обезпечивается и усиливается той значительной ролью, какую играютъ въ назначеніи ихъ предводители дворянства, т. е. представители интересовъ этого сословія,—и тѣмъ, что земскіе начальники назначаются, именно, изъ мѣстнаго дворянства, такъ какъ при этомъ на нихъ должны оказывать большее вліяніе и сосѣдскія отношенія, и родственныя связи и сословныя организаціи: дворянскія собранія и проч.

Вмѣстѣ съ тѣмъ способъ назначенія земскихъ начальниковъ не гарантируетъ и знаніе ими мѣстныхъ условій и способность разбираться въ тѣхъ сложныхъ административныхъ и юридическихъ вопросахъ, которые имъ приходится рѣшать. Большинство дворянъ—помѣщиковъ въ настоящее время не живетъ въ деревнѣ: молодые годы въ школѣ, затѣмъ на службѣ преимущественно въ войскахъ, а отсюда нѣкоторые, большей частью неудачники, идутъ въ деревню въ земскіе начальники. Трудно при такихъ условіяхъ допустить, чтобы помѣстное дворянство, поставляющее земскихъ начальниковъ, а слѣдовательно и эти послѣдніе знали деревню, бытъ и нужды сельскаго населенія.

Затѣмъ, требованія, предъявляемыя къ нимъ, не гарантируютъ также и ихъ достаточную образовательную подготовку, особенно, юридическую для того, чтобы разбираться, какъ слѣдуетъ, часто въ очень сложныхъ дѣлахъ суда и крестьянской общественной и частной жизни, руководить которой призваны земскіе начальники.

Необходимо, поэтому, признать, что, при существующей постановкѣ института земскихъ начальниковъ, вмѣсто защиты, которую должны находить у государства слабѣйшіе его члены въ неравной жизненной борьбѣ съ экономически болѣе сильными элементами, Положеніемъ о земскихъ начальникахъ многомилліонная масса бѣднаго земледѣльческаго населенія отдана не только на экономическую эксплоатацію, но и на политико-соціальное угнетеніе землевладѣльческому дворянству, которое призвано контролировать и руководить крестьянской жизнью согласно своимъ и правительственнымъ видамъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, что даже безусловно умѣренное и осторожное большинство Кахановской коммисіи было противъ сословнаго устройства единоличной власти въ деревнѣ, указывало, что вопросы, касающіеся исключительно устройства мѣстнаго управленія, не могутъ получить сколько нибудь удовлетворительнаго разрѣшенія на сословной почвѣ, что созданіе исключительныхъ привиллегій для дворянства въ дѣлѣ, затрогивающимъ интересы всѣхъ сословій, нисколько не будетъ способствовать успѣху этого дѣла и не послужитъ въ пользу самаго дворянства. Создавать новыя привиллегіи для невѣжественныхъ дворянъ, значило, по мнѣнію этой коммисіи, способствовать пониженію образовательнаго уровня дворянства.

Дѣятельность земскихъ начальниковъ восполняется, а отчасти и провѣряется уѣзднымъ съѣздомъ. Уѣздный съѣздъ отмѣняетъ или утверждаетъ приговоры сельскихъ и волостныхъ сходовъ, опротестованные земскими начальниками. Онъ рѣшаетъ дѣла объ увольненіи отъ службы должностныхъ лицъ сельскаго и волостнаго управленія и о преданіи ихъ суду. Уѣздный съѣздъ назначаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ размѣры жалованья главнымъ должностнымъ лицамъ крестьянскаго управленія, обязательные для сельскихъ и волостныхъ обществъ. По дѣламъ судебнымъ онъ является второй инстанціей для дѣлъ, подвѣдомственныхъ суду земскихъ начальниковъ и волостнымъ судамъ и проч. Но уѣздный съѣздъ по своему составу является такимъ же дворянскимъ учрежденіемъ, какъ и земскіе начальники, и потому не можетъ измѣ-

нять существенныя черты института, исправлять недостатки ихъ дѣятельности.

Уѣздный съѣздъ состоитъ изъ двухъ присутствій—административнаго и судебнаго. Административное присутствіе состоитъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ всѣхъ земскихъ начальниковъ, уѣзда, исправника, предсѣдателя уѣздной земской управы и податныхъ инспекторовъ, участки которыхъ не ограничиваются предѣлами городовъ. Судебное присутствіе состоитъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ уѣзднаго члена окружнаго суда, почетныхъ мировыхъ судей, городскихъ судей и земскихъ начальниковъ. Принимая во вниманіе, что и предводитель дворянства и предсѣдатель уѣздной земской управы и почетные мировые судьи—тѣ же мѣстные дворяне-землевладѣльцы и что исправники и податные инспектора заняты своей работой и едва ли участвуютъ въ съѣздахъ, мы придемъ къ выводу, что административное присутствіе состоитъ изъ однимъ мѣстныхъ дворянъ землевладѣльцевъ, а судебное—съ присоединеніемъ къ нимъ уѣзднаго члена окружнаго суда и городского судьи, если онъ есть; но большинство и здѣсь всегда въ случаѣ надобности можетъ быть дворянскимъ.

Такимъ образомъ, въ уѣздномъ съѣздѣ земскіе начальники должны находить не противодѣйствіе и исправленіе, а поддержку и восполненіе своей по необходимости проникнутой классовыми и сословными, дворянскими интересами и духомъ дѣятельности.

Итакъ, земскіе начальники и восполняющіе ихъ власть и дѣятельность уѣздные съѣзды надѣлены огромными полномочіями и властью, которыя даютъ имъ возможность вмѣшиваться во всѣ стороны крестьянской общественной и частной жизни и подавлять ту и другую, которыя предоставляютъ широкое поприще усмотрѣнію этихъ должностныхъ лицъ. Вдобавокъ еще и земскіе начальники, и уѣздные съѣзды суть ограны, по своему составу, односторонніе—классовые и сословные—дворянскіе и притомъ не гарантирующіе ни достаточнаго знанія мѣстной жизни, ни достаточной умствен-

ной подготовленности для выполненія столь сложныхъ задачъ, какія возложены на нихъ. И такимъ образомъ одинъ изъ двухъ классовъ—сословій, находящихся въ постоянной экономической борьбѣ и соціальномъ и политическомъ антагонизмѣ, имѣетъ власть начальствовать надъ другимъ, судить его и направлять, по своему усмотрѣнію, и, конечно согласно своимъ взглядамъ, видамъ, желаніямъ и интересамъ, его общественную и частную, хозяйственную и духовную жизнь. Можно напередъ сказать, что дѣятельность такихъ органовъ и учрежденій не можетъ протекать нормально, что она должна часто принимать характеръ односторонней дѣятельности въ интересахъ получившаго такія привиллегіи сословія и уродливыя формы. Отсюда понятнымъ становится интересъ изученія дѣятельности земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ какъ съ научной, такъ и съ общественно-политической точекъ зрѣнія, чтобы ознакомиться съ тѣмъ, какъ дѣйствуютъ въ жизни органы мѣстнаго управленія, устроенные на такихъ одностороннихъ и узкихъ началахъ и чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли и часто ли случаются нарушенія справедливыхъ интересовъ населенія въ пользу землевладѣльческаго дворянства.

Съ другой стороны, не менѣе интереснымъ является изученіе той общественной и политической обстановки и тѣхъ вліяній, которыми вызванъ къ жизни столь своеобразный, противорѣчащій задачамъ государства, институтъ, и тѣхъ задачъ, которыя ставились ему, и цѣлей, которыхъ надѣялись достичь его введеніемъ. Изученіе этой исторической обстановки появленія этого замѣчательнаго института, осмыслитъ и объяснитъ намъ его, укажетъ намъ его мѣсто, роль и значеніе въ процессѣ развитія русской общественной и государственной жизни. И оно должно предшествовать изученію дѣятельности земскихъ начальниковъ, такъ какъ тогда намъ легко выяснится и другая сторона въ изученіи института—каковы были задачи и цѣли, поставленныя ему, и выполнены ли и достигнуты ли тѣ и другія и каковы вообще результаты его 15 лѣтняго существованія. Поэтому мы сперва разсмотримъ исторію введенія земскихъ начальниковъ и за-

дачи и цѣли, имъ поставленныя, а затѣмъ перейдемъ къ разсмотрѣнію ихъ дѣятельности.

2. Исторія введенія института земскихъ начальниковъ.

Когда приступили къ освобожденію и устройству крестьянъ на новыхъ началахъ, дворянство легко соглашалось отказаться отъ всего того, что имѣло въ крѣпостныхъ отношеніяхъ характеръ права собственности на крестьянъ, конечно, съ условіемъ освободиться вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ отвѣтственности за крестьянъ по платежамъ налоговъ и отъ обязанности кормить ихъ во время голода и проч. и съ условіемъ получить приличное вознагражденіе за отходившую отъ нихъ рабочую силу и землю. Но громадное большинство дворянства и не думало отказываться отъ судебной и административно-полицейской власти надъ сельскимъ населеніемъ. Оно хотѣло только измѣнить характеръ этой власти, не измѣняя ея объема, получить ее отъ правительства, какъ власть государственную, делегированную, соединенную съ нѣкоторой отвѣтственностью передъ послѣднимъ.

Въ первый періодъ работъ по освобожденію и устройству новыхъ гражданъ и правительство было за такое разрѣшеніе крестьянскаго вопроса. Въ этомъ духѣ было составлена и программа работъ тогдашнихъ губернскихъ комитетовъ. И послѣдніе въ подавляющемъ большинствѣ высказались за сохраненіе подъ различными видами большей части прежней власти помѣщиковъ только съ измѣненнымъ въ указанномъ выше смыслѣ характеромъ ея $^2/_3$, именно, 30 губернскихъ комитетовъ предлагали назначить помѣщиковъ начальниками сельскихъ обществъ; другіе, проектируя соединить по нѣсколько обществъ въ волости, приходы, округа, предлагали назначить надъ ними изъ мѣстныхъ помѣщиковъ волостного начальника, волостного попечителя, волостного предводителя, мирового судью, приходскаго судью и т. д.

Этимъ начальникамъ—попечителямъ, мировымъ судьямъ и проч. дворянскіе губернскіе комитеты предлагали дать весьма значительную власть, по существу очень близкую къ

отмѣнявшейся власти помѣщиковъ при крѣпостномъ правѣ. Начальникъ общества, по предложеніямъ нѣкоторыхъ комитетовъ, долженъ былъ имѣть непосредственное вліяніе на личный составъ общества и сельскаго управленія. Онъ наблюдаетъ за исправнымъ веденіемъ всѣхъ дѣлъ, относящихся къ общественному управленію утверждаетъ приговоры, созываетъ сходы и проч. Должностныхъ лицъ въ случаѣ превратныхъ ихъ дѣйствій, по однимъ проектамъ, удаляетъ самъ, доводя о томъ до свѣдѣнія высшихъ властей, по другимъ, представляетъ къ увольненію и т. д. Начальникъ общества, по предложенію нѣкоторыхъ комитетовъ, завѣдуетъ выдачей паспортовъ. Онъ наблюдаетъ за поведеніемъ крестьянъ и вообще за благоустройствомъ и порядкомъ, за тишиною и спокойствіемъ въ селеніи; онъ прекращаетъ пьянства, буйства, распутства и преступленія. Начальникъ общества, по многимъ проектамъ, могъ взять подъ стражу всякаго нарушителя общественнаго спокойствія и порядка и выслать его изъ общества или передать въ распоряженіе полиціи, а до того времени держать подъ арестомъ до трехъ дней. Онъ заботится о благосостояніи крестьянъ. Крестьяне, проживающіе въ селеніе, по мнѣнію многихъ проектовъ, должны были безпрекословно повиноваться начальнику общества и исполнять всѣ его законныя требованія. Уконяющихся отъ исполненія религіозныхъ обязанностей, нарушающихъ нравственныя правила, предающихся праздности и пьянству, съ невыполненіемъ опредѣленныхъ повинностей, нарушающихъ общественный порядокъ, также виновныхъ въ грубости, безчинствѣ, ослушаніи, пьянствѣ и тому подобныхъ проступкахъ,—онъ имѣлъ, по нѣкоторымъ проектамъ, даже право подвергать наказанію до 20 ударовъ розгами, до 3 дней ареста и до 3 руб. штрафа. Въ начальникѣ общества сосредоточивались всѣ полицейскія распоряженія въ обществѣ, и ему непосредственно подчинялись всѣ должностныя лица по исполненію полицейскихъ обязанностей: онъ назначалъ и увольнялъ сотскихъ и десятскихъ.

Но во второй періодъ работъ по освобожденію правительство рѣшило не оставлять крестьянъ „подъ властью по-

мѣщиковъ, хотя бы и переименованныхъ въ вотчинныхъ или волостныхъ начальниковъ, ибо власть эта, въ сущности неизмѣнившаяся, при новыхъ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, могла бы, въ рукахъ послѣднихъ, легко превратиться въ одностороннее орудіе землевладѣльческаго интереса" [1]). Придя къ такимъ выводамъ, правительство, несмотря на всѣ жалобы, требованія и угрозы большинства представителей дворянъ, участвовавшихъ въ работахъ по устройству выходившихъ на волю крестьянъ, отклонило непосредственное начальствованіе—судебную, административную и полицейскую власть помѣщиковъ надъ селеніями и волостями.

Однако, уничтоживъ крѣпостное право и вообще непосредственную зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ, и правительство 60-хъ годовъ далеко не уравняло ихъ правовое положеніе: сила исторіи, традиціи и политическое значеніе дворянства были еще очень велики. За дворянствомъ были сохранены значительныя, ни на чемъ неоснованныя преимущества, оно было поставлено въ очень выгодное положеніе въ дѣлѣ урегулированія поземельныхъ и иныхъ отношеній его къ крестьянамъ и при разрѣшеніи различныхъ столкновеній между ними; и кромѣ того дворянству была дана возможность вліять на ходъ крестьянскаго самоуправленія, на составъ должностныхъ лицъ его и проч. Для поземельнаго устройства крестьянъ, для разсмотрѣнія и разрѣшенія исковъ, споровъ и жалобъ, возникающихъ изъ поземезьныхъ отношеній между ними помѣщиками, жалобъ послѣднихъ на дѣйствія органовъ крестьянскаго управленія, жалобъ крестьянъ на помѣщика, жалобъ постороннихъ лицъ на крестьянъ и ихъ общества и проч. были введены мировые посредники, которые назначались обязательно изъ мѣстныхъ потомственныхъ дворянъ—помѣщиковъ и при близкомъ участіи предводителей дворянства. Эти же мировые посредники утверждали въ должности волостныхъ старшинъ и вообще вѣдали дѣла по выбору должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, дѣла

[1]) Скребицкій, Крестьянское дѣло въ царствованіе Александра II, т. I, стр. 838.

по жалобамъ на нихъ, по взысканію съ нихъ въ случаяхъ нарушеній ими своихъ обязанностей и т. д. Мировой посредникъ приэтомъ могъ дѣлать должностнымъ лицамъ крестьянскаго управленія замѣчанія и выговоры и подвергать ихъ арестамъ до 7 дней и штрафамъ до 5 р.; сельскаго старосту и помощниковъ волостного старшины онъ имѣлъ право удалять отъ должности временно или совсѣмъ, а волостного старшину временно, а съ утвержденія губернатора и окончательно. Въ обществахъ, неисправныхъ предъ помѣщикомъ, мировой посредникъ могъ смѣнять должностныхъ лицъ и назначать другихъ по своему усмотрѣнію. На мировыхъ посредниковъ были возложены также дѣла судебно-полицейскаго разбирательства по найму землевладѣльцами лицъ въ услуженіе, по отдачѣ въ наемъ земель, по потравамъ и порубкамъ. По этимъ дѣламъ онъ могъ лицъ всѣхъ сословій присуждать къ денежному штрафу до 5 р., лицъ же податнаго сословія къ общественнымъ работамъ до 6 дней, или аресту до 7 дней или даже къ наказанію розгами до 20 ударовъ. И въ отношеніи порядка дѣйствія мировой посреникъ, какъ говоритъ Дружининъ, „былъ освобожденъ отъ многихъ формъ и обрядовъ, признававшихся и тогда необходимыми для огражденія личныхъ и имущественныхъ интересовъ гражданъ въ судебныхъ установленіяхъ“. Такимъ образомъ, дворянство было призвано руководить крестьянскимъ управленіемъ, контролировать его и разрѣшать, главнымъ образомъ, столкновенія и споры между крестьянами и помѣщиками.

Но, сравнивая власть мировыхъ посредниковъ и земскихъ начальниковъ, мы находимъ, что, при всей родственности этихъ институтовъ, при всемъ односторонне классовомъ и сословномъ характерѣ ихъ, между ними существуетъ значительная разница. Мировые посредники утверждались Сенатомъ, были несмѣняемы и потому сравнительно независимы, тогда какъ земскіе начальники вполнѣ зависятъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Затѣмъ во власти и отношеніяхъ мировыхъ посредниковъ къ крестьянамъ было сравнительно мало или даже совсѣмъ не было элемента опеки и попечительства надъ населеніемъ, и соотвѣтственно этому у нихъ не было

столько права вмѣшиваться въ общественную и частную жизнь крестьянъ и налагать на нихъ административныя взысканія— штрафы и аресты; между тѣмъ какъ широкая административная власть надъ населеніемъ составляетъ существо института земскихъ начальниковъ. Главнымъ содержаніемъ дѣятельности мировыхъ посредниковъ была ликвидація имущественныхъ отношеній между помѣщиками и ихъ бывшими крѣпостными. Судебныя дѣла скоро перешли отъ нихъ къ мировымъ судьямъ. И потому по мѣрѣ того, какъ крестьяне и помѣщики раздѣлывались, ликвидировали взаимныя отношенія и временно-обязанное состояніе прекращалось, институтъ мировыхъ посредниковъ терялъ свое главное содержаніе и наконецъ уступилъ мѣсто коллегіальному учрежденію уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію. Непремѣнный членъ этого присутствія былъ также представителемъ дворянства и также былъ надѣленъ значительной административной властью надъ крестьянскими должностными лицами, но, будучи однимъ на уѣздъ, онъ мало могъ ею пользоваться, и надзоръ за крестьянской общественной жизнью былъ формальнымъ, бумажнымъ.

Однако ни институтъ мировыхъ посредниковъ, ни тѣмъ болѣе смѣнившія ихъ уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія не могли удовлетворить дворянства, которое не забывало крѣпостного права и желало и стремилось вернуть себѣ власть надъ деревней. Мужикъ ускользнулъ изъ-подъ власти помѣщика, сталъ болѣе или менѣе самостоятельно завѣдывать своимъ общественнымъ и частнымъ хозяйствомъ, пересталъ безъ надобности ломать шапку и гнуть спину. А помѣщикъ почувствовалъ себя одинокимъ и обдѣленнымъ. Невозможно было, чтобы дворянство безропотно примирилось со своимъ новымъ положеніемъ, чтобы оно не пыталось вернуть себѣ власть надъ крестьянствомъ и не пользовалось для этого всякимъ благопріятнымъ случаемъ.

Поэтому уже скоро послѣ новаго устройства крестьянъ со стороны дворянскихъ реакціонныхъ круговъ и органовъ печати стали раздаваться жалобы на непорядки въ крестьянскомъ управленіи, отъ ближайшаго и непосредственнаго участія въ которомъ дворянство было отстранено, на распущенность

крестьянъ, на поведеніе которыхъ теперь не могло оказать вліянія то же дворянство—вообще на непорядки въ деревнѣ. Въ Высоч. учрежд. коммисіи 1871 г. для изслѣдованія сельскаго хозяйства въ Россіи землевладѣльцами Воронежской, Полтавской (Зеньковскаго у.), С.-Петербургской и Минской губерній и предсѣдателями Полтавской и Смоленской губернскихъ земскихъ управъ, вѣроятно, тоже землевладѣльцами указывалось, что „при теперешнемъ крестьянскомъ самоуправленіи власть не является нравственною силой, а грубымъ произволомъ. Представители власти стремятся болѣе къ удовлетворенію страстей, чѣмъ чувства справедливости. При такихъ условіяхъ крестьянинъ теряетъ сознаніе нравственнаго начала власти; для него дѣлаются чужды: уваженіе къ чужому праву и понятіе о необходимости обязательнаго и производительнаго труда. Власть утратила всякое значеніе въ глазахъ крестьянъ, сами крестьяне выражаются: „что страху нѣтъ, такая вольница стала, что скоро съ народомъ и вовсе сладу не будетъ; страхъ нуженъ, а то пропадемъ отъ безначалія. Во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи можно слышать о самомъ безобразномъ самовластіи міра“. „Въ упадкѣ матеріальнаго благосостоянія крестьянъ и пониженіи нравственнаго ихъ уровня въ Воронежской губ., добавляли Воронежскіе помѣщики, виноваты не обременительность платежей, каковой тамъ нѣтъ, а произволъ и невѣжество крестьянскаго самоуправленія“ [1]) Пензенскій губернаторъ, навѣрное, тоже помѣщикъ, землевладѣльцы Петербургской, Симбирской, Могилевской, Ярославской и Харьковской губерній писали въ ту же коммисію: „крестьяне много терпятъ отъ отсутствія контроля въ ихъ самоуправленіи. Сельскимъ и волостнымъ сборамъ нѣтъ конца, нѣтъ надъ ними и контроля. Старшины и писаря злоупотребляютъ властью, безобразія въ крестьянскихъ учрежденіяхъ сдѣлались обыденнымъ явленіемъ, вслѣдствіе бездѣйствія мировыхъ посредниковъ, которые, бывъ одни призваны руководить крестьянствомъ и влiять на него, доказали

---

[1]) Докладъ Высочайше учрежденной коммисіи для изслѣдованія нынѣшняго (1871 г.) положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи. Приложеніе II, отдѣлъ IX, стр. 8.

свою несостоятельность и, надѣливъ крестьянъ землею, теперь почиваютъ отъ трудовъ своихъ, пользуясь своею несмѣняемостью и безотвѣтственностью“ [1]). Черниговскій губернаторъ писалъ въ приказѣ волостнымъ старшинамъ въ 1886 г.: „при обозрѣніи мною нѣкоторыхъ уѣздовъ въ прошломъ году, я обращалъ вниманіе волостныхъ старшинъ на цѣлый рядъ самыхъ грубыхъ нарушеній со стороны крестьянъ правъ собственности, выражающихся въ потравѣ экономическихъ полей и луговъ, самовольныхъ порубкахъ лѣса, кражахъ фруктовъ въ садахъ, захватываніи чужихъ полей и т. п. Посягательства на неприкосновенность чужого достоянія повторяются съ каждымъ годомъ все больше и больше“... О томъ же доносили многіе губернаторы во всеподданнѣйшихъ отчетахъ.

Еще горячѣе и энергичнѣе нападали на крестьянъ и ихъ общественную жизнь органы дворянской, реакціонной печати— Гражданинъ и компанія. „Отъ воли, писалъ онъ въ 1886 г., лѣнь, пьянство, воровство, мщеніе пожаромъ; нѣтъ у нихъ (т. е. у крестьянъ) ни стыда, ни совѣсти, ни страху Божьяго: ищутъ легкую работу, для чего, кто только можетъ, отправляется въ городъ на разгулъ“ [2]). „Плоды реформъ недавнихъ—есть обѣдненіе общее, колоссальное развитіе пьянства и разнузданности всяческой, страшный упадокъ религіозности и нравственности и безпомощность народа для обузданія въ себѣ всѣхъ этихъ золъ, приведшихъ чуть не къ удесятиренію количества всяческихъ преступленій... Въ этомъ удостовѣряютъ насъ и статистическія данныя (?) и наша вся пресса и еще болѣе внутреннее искреннее сознаніе каждаго“ [3]). „Лѣсокрадство, конокрадство, хлѣбокрадство и множество другихъ крадствъ, пьянство, грубость и насиліе цѣлыми общинами... драки въ самой деревнѣ, драки въ ночномъ, драки у кабака, драки на мірскомъ сходѣ... вотъ тѣ данныя, которыя свидѣтельствуютъ объ упадкѣ власти въ уѣздѣ, въ деревнѣ, и въ силу которыхъ раздаются голоса о необходи-

---

[1]) Ib., стр. 10.
[2]) Гражданинъ 1886 г., № 50.
[3]) Ib., № 43.

мости удержа или власти, настолько сильной и всюду проникающей, чтобы была возможность какъ защитить престарѣлаго крестьянина—отца отъ наносимыхъ побоевъ сыномъ въ самомъ дворѣ, такъ и оберечь помѣщика отъ наѣзда далекихъ крестьянъ съ цѣлью грабежа его конюшенъ или съ цѣлью поджога его усадьбы“ [1]).

Мы не думаемъ восхвалять тогдашній общественно-правовой строй деревни. И безъ дворянскихъ преувеличеній въ немъ было много отрицательныхъ сторонъ. Но виной этому были не крестьяне, не міръ, которыхъ винило дворянство, а условія развитія нашей пореформенной общественно-политической жизни. Съ самаго возникновенія крестьянскихъ учрежденій идетъ быстрое увеличеніе и усложненіе ихъ работы, но не вслѣдствіе естественнаго развитія ихъ дѣятельности, а вслѣдствіе возложенія на нихъ дѣлъ общаго управленія. Учрежденіе земствъ и развитіе ихъ дѣятельности, введеніе земскаго страхованія отъ огня еще значительно увеличили и усложнили ихъ работу. Вслѣдствіе этого на волостныя правленія, сельскихъ старостъ и писарей оказались возложенными такія функціи, для которыхъ они не предназначались и которыя они могли выполнять только очень неудовлетворительно. Вмѣстѣ съ тѣмъ это повело къ развитію канцелярщины, къ расширенію дѣятельности и власти старшины и уменьшенію значенія сходовъ и къ усиленію, при малограмотности или безграмотности старшинъ, вліянія волостныхъ писарей. Отъ всего этого не могли не страдать и крестьянское самоуправленіе и крестьяне, такъ какъ заваленные посторонней работой, органы крестьянскаго управленія не могли удовлетворять потребностей въ нихъ отдѣльныхъ крестьянъ и ихъ общественно-хозяйственной жизни. Это неизбѣжно должно было задержать развитіе этой жизни и отбить у лучшихъ крестьянъ охоту заниматься общественными дѣлами. Наконецъ, множество властей, частью съ опредѣленными, частью съ неопредѣленными правами—мировой посредникъ, непремѣнный членъ присут-

---

[1]) Ib., № 31—32.

ствія, исправникъ, членъ земской управы и проч. съ разныхъ сторонъ приказываютъ и въ то же время даютъ возможность, а частью ставятъ въ необходимость лавировать между ними, обманывать ихъ и подчасъ дѣйствительно ничего не дѣлать. Это должно было принизить выборныя сельскія власти въ глазахъ самаго населенія и отбить охоту у лучшихъ крестьянъ занимать эти должности. А разъ ихъ мѣсто заняли худшіе элементы крестьянства, то уже конечно хорошаго могло выйти мало. Крестьянскія учрежденія, поэтому, нуждались въ радикальныхъ реформахъ. Необходимо было уничтожить ихъ сословный характеръ; необходимо было соединить всѣхъ жителей въ сельскомъ и волостномъ самоуправленіи,—отъ чего поднялся бы и уровень сходовъ и уровень должностныхъ лицъ, которыя бы могли справиться съ дѣлами сельскаго и волостного самоуправленія и съ возлагавшимися на нихъ дѣлами общегосударственнаго управленія. Наконецъ, необходимо было точно опредѣлить ихъ обязанности.

Что же касается испорченности крестьянъ, ихъ распущенности, ихъ жажды власти надъ собою, розги, и т. п., все это были, конечно, вымыслы незабывавшаго крѣпостного права, жаждавшаго власти надъ деревней дворянства; вымыслы, строившіеся на естественномъ развитіи личности въ пореформенное время. О томъ, какъ создавалось пользовавшееся въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго вѣка популярностью мнѣніе о распущенности крестьянства, можетъ дать представленіе слѣдующая жалоба К. Кавелина на условія печати того времени: „говорить въ печати съ сочувствіемъ о крестьянахъ считалось неблаговиднымъ... Доказывать, что крестьянскіе земельные надѣлы недостаточны, что лежащіе на крестьянахъ подати и повиности обременительны, что необходимо допустить и организовать переселеніе крестьянъ изъ малоземельныхъ губерній—значило заявлять себя политически неблагонадежнымъ!.. И напротивъ, совершенно свободно высказывался и точно будто поощрялся въ печати взглядъ, что крестьне непробудные пьяницы, лѣнтяи, плуты и воры, съ которыми нельзя имѣть никакого дѣла; что помѣщичьи хозяйства пришли въ упадокъ отъ крайней недобросовѣстности нашихъ рабочихъ, съ

которыми нисколько не мыслимо сколько нибудь правильное хозяйство" [1]).

Параллельно съ этими нападками и осужденіями крестьянъ—ихъ пореформенной общественной и частной жизни, параллельно съ изображеніями ужасовъ деревенской жизни культурнаго, помѣстнаго дворянства, его безвыходнаго положенія, параллельно съ общими требованіями усиленія власти въ деревнѣ, спасанія крестьянства отъ безначалія,—идетъ работа дворянской, реакціонной мысли по организаціи этого усиленія власти, въ направленіи отысканія путей и средствъ, которыми можно было бы вернуть дворянству власть надъ мужикомъ, отбившимся отъ рукъ послѣ освобожденія, въ направленіи отысканія „прибора для уменьшенія зловреднаго вліянія крестьянскихъ пороковъ на помѣщичье хозяйство [2]), въ направленіи такого урегулированія функцій мѣстныхъ учрежденій и ихъ взаимныхъ отношеній, „чтобы крестьяне имѣли постояннаго начальника, чтобы помѣщики имѣли дѣйствительную, а не фиктивную охрану и защиту въ полиціи и судѣ" [3]). Мы остановимся на нѣсколькихъ важнѣйшихъ этапахъ развивавшейся въ этомъ направленіи дворянской мысли. Въ упомянутую выше Высоч. учрежд. коммисію 1871 г., такъ называемую Валуевскую, землевладѣлецъ Могилевской губ. писалъ: „слѣдуетъ преобразовать институтъ мировыхъ посредниковъ. Они должны участвовать въ сходѣ" [4]). Землевладѣльцы Харьковской губ. писали: „безъ мировыхъ посредниковъ обойтись нельзя, безъ надзора не было бы порядка... Необходимо только дать этому учрежденію болѣе *опредѣленный характеръ.* Въ случаѣ неисполненія старшинами и старостами своихъ обязанностей по сбору податей, по охраненію заключенныхъ съ рабочими договоровъ и т. п., посредникъ долженъ имѣть право смѣнять ихъ и назначать дру-

---

[1]) Крестьянскій вопросъ. Спб. 1882 г., стр. 1—2.

[2]) Гражданинъ 1886 г., № 73, стр. 14 дневникъ.

[3]) ib., № 75, дневникъ.

[4]) Докладъ Высоч. учрежд. коммисіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи. Приложеніе II, стр. 13.

гихъ по своему усмотрѣнію“ [1]). „Для устраненія всякой зависимости сельскаго начальства отъ избирателей, говорили тѣ же землевладѣльцы, слѣдовало бы опредѣлить самый низшій размѣръ содержанія старшинъ, старостъ и т. п. [2])“ Вмѣстѣ съ тѣмъ высказывается и очень характерное неудовольствіе институтомъ мировыхъ судей: „Мировые судьи, пишутъ, напр., землевладѣльцы Могилевской, Гродненской и Минской губ., люди чужіе,—не ознакомленные ни съ мѣстными жителями, ни съ мѣстными нравами. Только серьезные землевладѣльцы, назначенные въ мировые судьи, ограждаютъ собственность, придерживаются закона и справедливости. Большинство же мировыхъ судей не владѣетъ вовсе поземельной собственностью, или только для формы какими нибудь клочками земли, не обезпечивающими ихъ существованія“ [3]).

Въ 1873 г. въ Петербургское дворянское собраніе были представлены два очень характерные, хотя и оставшіеся безъ результата, проекта всесословной волости Савельева и Платонова. По проекту Савельева волостной сходъ, образовывался изъ равнаго числа депутатовъ отъ трехъ группъ: крупныхъ собственниковъ, мелкихъ собственниковъ и крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ *всѣмъ лицамъ волости, подходящимъ подъ земскій избирательный цензъ*, т. е. владѣвшимъ въ Петербургской губ. 200 дес. земли, или другимъ недвижимымъ имуществомъ цѣною не ниже 15 т. р., или же промышленнымъ заведеніемъ съ оборотомъ производства не менѣе 6 т. р., проектировалось дать права сельскаго старосты съ правомъ штрафа и ареста. Проектъ Платонова предлагалъ уничтожить уѣздныя учрежденія въ томъ видѣ, какъ они существовали тогда, т. е. отмѣнить земскій и судебный уѣздъ, оставивъ только исправника; затѣмъ земскую и судебную власть раздѣлить по волостямъ, соединивъ ту и другую власть въ каждой волости въ лицѣ *волостного головы*, который долженъ былъ имѣть условія, соотвѣтствующія званію мирового судьи и быть выборнымъ. При головѣ проектировалась управа и для кон-

---

[1]) Ib.
[2]) Ib., стр. 11.
[3]) Ib., стр. 14.

троля дума, но дума эта собиралась бы только два раза въ годъ. Центральной фигурой волости являлся голова изъ помѣщиковъ и человѣкъ достаточный. Дворянское собраніе отвергло эти проекты и избрало коммисію для выработки проекта всесословной волости на слѣдующихъ основаніяхъ: всесословная волость прежде всего не должна имѣть хозяйственнаго характера, не должна установлять повинностей. Коммисія должна разрабатывать вопросъ объ учрежденіи только административныхъ и судебно-полицейскихъ волостныхъ старшинъ, между прочимъ, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) чтобы во главѣ волости поставленъ былъ старшина *образованный, по выбору уѣзднаго земства*; 2) чтобы этому старшинѣ присвоены были права *мирового посредника, становаго, а* частью *мирового судьи и судебнаго слѣдователя*; 4) что-бы поземельное имущество, соотвѣтствующее земскому цензу, давало владѣльцамъ *право полицейскихъ старостъ.* Но составленный на этихъ основаніяхъ проектъ не обсуждался собраніемъ.

Въ проектахъ Платонова и Савельева и въ основаніяхъ, данныхъ петербургскимъ дворянствомъ своей коммисіи, нельзя не видѣть открыто проявленнаго стремленія Петербургскаго дворянства прибрать въ свои руки волость, воспользоваться ею для возврата себѣ власти надъ деревней, а частью вернуть себѣ эту власть, получивъ полномочія старосты. Вѣдь, власть въ волости должна сосредоточиться и по основаніямъ въ рукахъ одного старшины—*образованнаго*, стало быть во всякомъ случаѣ не крестьянина, а скорѣе всего помѣщика. Какъ недалеко ушли эти проекты и основанія отъ отвергнутыхъ желаній дворянства при освобожденіи крестьянъ!

Вновь дворянскія желанія и стремленія рѣзко проявились въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка, когда, по предложенію министерства внутреннихъ дѣлъ, земствами обсуждался вопросъ, между прочимъ, о преобразованіи крестьянскихъ учрежденій. Среди проектовъ, которые были вызваны запросомъ гр. Лорисъ-Меликова, въ которыхъ можно видѣть дворянскія стремленія, особенной извѣстностью пользуются два: проектъ Д. Самарина, представленный въ Московскую губернскую земскую коммисію и проектъ Симбирской „общей

коммисіи“. Оба проекта давали лицу, поставленному во главѣ мелкой территоріальной единицы, судебную и административную власть. По проекту Д. Самарина волость должна имѣть только административное значеніе: „она не имѣетъ ни права выборовъ, ни права самообложенія“. Крестьянская волость, съ ея административной организаціей упраздняется. Во главѣ волости ставится избираемый земскимъ собраніемъ (въ порядкѣ, установленномъ для выбора мировыхъ судей) „волостной мировой судья“. Пользуясь въ судебномъ отношеніи, правами мировыхъ судей, волостной мировой судья, какъ органъ административной власти, состоитъ членомъ уѣздной управы и завѣдуетъ административной частью волости. Сверхъ того на волостного мирового судью возлагается надзоръ за сельскимъ общественнымъ управленіемъ, разсмотрѣніе жалобъ на сельскихъ должностныхъ лицъ, всѣ дѣла по воинской повинности, лежащія на волостныхъ правленіяхъ, собираніе статистическихъ свѣдѣній и т. д. По проекту Симбирской коммисіи крестьянскія волости съ ихъ сходами сохраняются. Но 2—3 такія волости соединяются въ земскія волости. Во главѣ такихъ волостей ставится „земскій судья“, избранный земствомъ по преимуществу изъ мѣстныхъ лицъ, владѣющихъ цензомъ, установленнымъ для мировыхъ судей. Ему присваиваются права волостного старшины, права бывшаго мирового посредника и мирового судьи и сверхъ того земско-полицейская власть. Земскій судья предсѣдательствуетъ также на волостномъ крестьянскомъ сходѣ, который и созываетъ по мѣрѣ надобности. Въ помощь земскому судьѣ даются волостные старшины, которые избираются крестьянами и которыхъ полагается не менѣе 2-хъ на волость. Они дѣйствуютъ подъ руководствомъ земскаго судьи, который можетъ подвергать ихъ замѣчаніямъ, выговорамъ и штрафамъ до 10 р. Наконецъ, при волостномъ правленіи проектировался земскій праставъ для наблюденія за благоустройствомъ и благочиніемъ въ уѣздѣ. Онъ исполняетъ всѣ законныя требованія земскаго судьи, которому онъ подчиняется во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ.

Дворянскія стремленія нашли, наконецъ, яркое выраженіе

въ извѣстной Кохановской Коммисіи, которая должна была выработать проекты реформъ мѣстнаго самоуправленія и управленія на основаніи матеріала, доставленнаго земствами и собраннаго сенаторскими ревизіями начала 80 годовъ прошлаго вѣка. Меньшинство ея предложило ввести мѣстныхъ начальниковъ также съ судебной и административной властью, на тѣхъ же главныхъ основаніяхъ, какія предлагались Сибирской коммисіей. Крестьянская волость должна была остаться по прежнему, а надъ нѣсколькими волостями, соединенными въ участокъ, ставился единоличный органъ, участковый или участковый начальникъ, главной функціей котораго былъ надзоръ надъ спеціально крестьянскимъ управленіемъ. Въ рукахъ участковыхъ начальниковъ, кромѣ административной, сосредоточивалась и судебная власть, принадлежавшая тогда мировымъ судьямъ. Должность участковаго по этому предложенію уже прямо должна была замѣщаться по преимуществу дворянствомъ.

Въ виду того, что этотъ проектъ и былъ въ главныхъ чертахъ осуществленъ въ институтѣ земскихъ начальниковъ и главные мотивы и основанія его, безъ сомнѣнія, раздѣлялись и правительствомъ, мы приведемъ ихъ: включеніе въ составъ участка нѣсколькихъ волостей мотивировалось, во-1-хъ, отсутствіемъ *людей* и, во-2-хъ, финансовыми затрудненіями. Но для того, чтобы участковый могъ въ предѣлахъ увеличеннаго участка успѣшно выполнять возложенныя на него административныя и судебныя функціи, эти функціи должны быть по возможности сокращены. А въ помощники ему должны быть даны волостные старшины.

Далѣе, главная и самая существенная причина неустройства на мѣстахъ заключалась, по мнѣнію меньшинства Кахановской коммисіи, въ отсутствіи близкой къ населенію власти. Поэтому первѣйшія обязанности участковаго должны заключаться въ наблюденіи за крестьянскимъ управленіемъ. Но кромѣ того, участковый долженъ заботиться о нуждахъ крестьянъ. Онъ долженъ представить изъ себя такую силу, которая могла бы защитить крестьянъ и вывесть изъ того ужаснаго положенія, при которомъ крестьянское начальство—безотвѣтственно, а сами крестьяне—беззащитны.

Такая реформа явилась бы вѣрнымъ шагомъ на пути возврата къ оставившему свѣтлыя воспоминанія институту мировыхъ посредниковъ перваго призыва. Этотъ институтъ палъ только потому, что ему стало трудно и даже невозможно дѣйствовать при новыхъ условіяхъ среди мировыхъ судей и земскихъ установленій. Между тѣмъ, именно, мировые посредники представляютъ тотъ желательный типъ начальника въ участкѣ, при наличности котораго исчезнетъ существующая теперь неурядица и путаница отъ многоначалія и постоянныхъ пререканій между властями. Для возсозданія такого типа необходимо соединеніе въ рукахъ начальника участка судебной и административной власти.

Соединеніе судебной и административной власти будетъ обходиться населенію дешевле и устранитъ важнѣйшіе недостатки мѣстнаго управленія, многочисленность органовъ, отсутствіе руководящей и надзирающей надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ власти, беззащитность крестьянства отъ разныхъ эксплоататоровъ и хищниковъ, постоянныя пререканія отдѣльныхъ органовъ и т. д. Опасаться произвола со стороны участковыхъ начальниковъ, въ случаѣ соединенія судебной и административной власти, нѣтъ основаній; если теперешнихъ судей никто не обвиняетъ въ произволѣ, то почему бы тѣ же судьи стали допускать произвольное превышеніе власти при возложеніи на нихъ нѣкоторыхъ административныхъ функцій.

Одновременно съ этой, такъ сказать, оффиціальной разработкой реакціоннымъ дворянствомъ вопроса объ усиленіи власти на мѣстѣ, о соединеніи административной и судебной власти въ одномъ лицѣ и о врученіи этой власти представителямъ одного сословія, дворянства, основныя черты такой же реформы вырабатывали и мѣстное дворянство и особенно реакціонная печать. Въ 1885 г., напр., коммисія, избранная Тамбовскимъ дворянскимъ собраніемъ, постановила ходатайствовать о скорѣйшемъ установленіи, по дѣламъ сельскаго управленія, сильной единоличной, мѣстной власти [1]). Въ № 36

[1]) Гражданинъ 1856 г., № 62, стр. 16.

„Гражданина“ за 1885 г. предлагается учредить должности волостныхъ попечителей безъ содержанія. Эти попечители, между прочимъ, должны были имѣть право присутствовать на волостныхъ и сельскихъ сходахъ и не допускать послѣдніе злоупотреблять своею властью. Имъ предлагалось предоставить право полицейской власти для прекращенія всякихъ безпорядковъ, буйства и проч., а потому сельскіе старосты, сельскіе десятскіе должны исполнять всѣ ихъ законныя требованія. Попечители не избираются, а назначаются. Они участвуютъ въ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же высказывается мнѣніе, что многіе помѣщики пожелаютъ быть попечителями. Въ № 48 того „Гражданина“ за тотъ же годъ въ письмѣ изъ деревни говорится, что волостныхъ попечителей, проектируемыхъ этой газетой, „жаждетъ масса какъ дворянства, такъ и крестьянства—лучшіе ея люди“. Не оставляетъ безъ вниманія реакціонная печать и вопросъ о составѣ лицъ, которымъ должна быть дана власть для умиротворенія деревни, желая разомъ и получить власть надъ деревней и пристроиться у правительственнаго пирога: „дворяне, говорится въ томъ же „Гражданинѣ“ за 1886 г., вѣковые столпы монархической власти въ Россіи... Только они одни и могли бы теперь поднять значеніе административной и земской власти, подъ главенствомъ губернаторовъ... Мѣстнымъ дворянамъ, говорится тамъ же, теперь en masse почти и дѣлать нечего, и они вмѣсто исконнаго служенія порядку и правительству, volens—nolrens, служатъ лишь къ столь нежелательному увеличенію недовольныхъ и пролетаріата. Для обѣднѣвшихъ и нигдѣ не пристроившихся (а пристроиться гдѣ нибудь для нихъ теперь всего труднѣе) это неутѣшительное положеніе теперь почти неизбѣжно. Есть много дворянъ, которые съ удовольствіемъ пошли бы въ становые пристава“ [1]).

Такъ землевладѣльческое дворянство съ самаго освобожденія не переставало добиваться всѣми средствами власти надъ сельскимъ населеніемъ, съ которымъ оно находится въ постоянной экономической и соціальной борьбѣ и ростъ лич-

[1]) Гражданинъ 1886 г., № 18.

ности, правосознанія котораго оно очень болѣзненно чувствуетъ. Но до средины 80-хъ годовъ прошлаго вѣка на желанія, просьбы и вообще поползновенія этого дворянства обращалось мало вниманія. Съ этого же времени начинается глубокій поворотъ во всей внутренней политикѣ нашего государства, поворотъ назадъ, въ направленіи возстановленія строго сословнаго государственнаго строя, который уже отжилъ свое время и которому былъ нанесенъ весьма существенный ударъ освобожденіемъ крестьянъ, введеніемъ безсословнаго земства и всеобщей воинской повинности, реформами городского устройства и судебными и проч. Главенство въ этомъ искусственно возстановляемомъ сословномъ государствѣ вновь пытаются вернуть падающему послѣ всѣхъ упомянутыхъ реформъ дворянству. Въ Высочайшемъ рескриптѣ по случаю столѣтія жалованной грамоты дворянству отъ 21 апрѣля 1885 г. признавалось за благо, „чтобы россійскіе дворяне и нынѣ, какъ и въ прежнее время, сохраняли первенствующее мѣсто въ предводительствѣ ратномъ, въ дѣлахъ мѣстнаго управленія и суда". Вмѣстѣ съ тѣмъ предпринимается рядъ реформъ, направленныхъ къ тому, чтобы возстановить, по возможности, сословія и дать желанное „первенствующее мѣсто" въ управленіи и судѣ дворянству, т. е. увеличить его привиллегіи, поднять его престижъ и дать исключительную защиту его классовымъ и сословнымъ интересамъ. Сюда относятся: учрежденіе дворянскаго поземельнаго банка для поддержанія землевладѣнія дворянъ, Положеніе о наймѣ на сельско-хозяйственныя работы, реформа земскаго устройства 1890 г. и городского 1892 г. и др. Одно изъ наиболѣе выдающихся и важныхъ по своему значенію и послѣдствіямъ законоположеній этого курса направленій должно занять положеніе о земскихъ начальникахъ.

Въ 1887 г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ внесъ въ Государственный Совѣтъ проектъ института земскихъ начальниковъ и ихъ съѣздовъ, „которые сосредоточивали бы въ своемъ вѣдѣніи всѣ важнѣйшіе интересы сельскаго населенія и были бы снабжены необходимыми полномочіями для огражденія порядка и спокойствія въ предѣлахъ подвѣдомственной каждому

изъ нихъ территоріи". Основаніемъ проекта, какъ и слѣдовало ожидать на основаніи предыдущаго, выставлялось засвидѣтельствованное мѣстными властями „ослабленіе значенія и авторитета правительственной власти на мѣстахъ" и то, что „главная причина безурядицы въ крестьянской средѣ заключалась въ фактическомъ безвластіи въ сельскихъ мѣстностяхъ и въ отсутствіи надлежащаго надзора за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ". Но никакихъ фактическихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ объ упадкѣ авторитета власти, представлено не было; весь проектъ былъ построенъ на голословныхъ заявленіяхъ.

Въ Государственномъ Совѣтѣ проектъ прошелъ довольно гладко, если не считать того, что большинство его предлагало сдѣлать земскихъ начальниковъ не спеціально крестьянскими органами, а общими мѣстными, такъ какъ, по отзыву самаго Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, „неустройство ощущалось. . . не въ одной только крестьянской средѣ, но и во всѣхъ вообще слояхъ населенія". Меньшинство ссылалось на неотложность установленія надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ: „со времени сокращенія состава и объема власти мировыхъ посредниковъ, говорило оно, а въ особенности со времени упраздненія самой должности посредниковъ и замѣны ихъ уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ надзоръ за крестьянскимъ управленіемъ превратился изъ близкаго и живого въ формальный и отдаленный. . . Крестьянскія общественныя учрежденія и выборныя власти оказались въ сущности предоставленными самимъ себѣ. Результаты такой самостоятельной и безконтрольной ихъ дѣятельности оказались весьма неутѣшительными. Произволъ и вопіющія несправедливости на волостныхъ и сельскихъ сходахъ и въ волостныхъ судахъ, злоупотребленіе и лихоимство волостныхъ старшинъ, писарей и сельскихъ старостъ стали наиболѣе характерными чертами крестьянскаго управленія. Отъ такого положенія вещей. . . страдаютъ какъ интересы государственнаго порядка, такъ и частные интересы. . . большинства сельскаго населенія. . . Въ крестьянской средѣ легко пріобрѣли господствующее положеніе люди, преслѣдующіе

исключительно свои матеріальныя выгоды и съ этой цѣлью вліяющіе какъ на приговоры сходовъ, такъ и на рѣшенія волостныхъ судовъ, а интересы большинства крестьянъ остались беззащитными, не менѣе печальную картину представляетъ составъ и дѣятельность и единоличныхъ органовъ крестьянскаго управленія. Избираемые далеко не изъ лучшихъ домохозяевъ, они, при исполненіи своихъ обязанностей, руководствуются большею частью только личными цѣлями и потому не пользуются уваженіемъ населенія"... Крестьянское общественное управленіе „пришло въ полное разстройство" и „неурядица въ немъ растетъ съ каждымъ днемъ". „По единогласному удостовѣренію многихъ губернаторовъ, говорило меньшинство, сами крестьяне потеряли вѣру въ свое самоуправленіе и ожидаютъ его улучшенія отъ одного лишь правительства. Дисциплина и чувство законности сильно поколеблены въ крестьянской средѣ". Поэтому оно думало, что слѣдуетъ возможно скорѣе, не дожидаясь общей реформы мѣстныхъ учрежденій, создать органъ для необходимаго надзора надъ крестьянскими установленіями, которымъ слѣдуетъ поручить и опеку надъ крестьянами и заботу объ ихъ экономическомъ и духовномъ преуспѣяніи.

Высочайшее утвержденіе получило мнѣніе меньшинства и въ 1889 г. явились на свѣтъ нынѣшніе земскіе начальники.

Исторія дворянской агитаціи, разработки и введенія института земскихъ начальниковъ, а также его историческая связь съ другими законодательствами показываютъ, во 1-хъ, что послѣ реформъ 60-хъ годовъ дворянство не забыло своихъ прежнихъ привиллегій, своей былой власти надъ деревней, чувствовало себя обиженнымъ, ненавидѣло и ругало новые порядки и стремилось вернуть себѣ власть надъ деревней, чтобы лучше отстаивать свои хозяйственные и прочіе интересы при новыхъ условіяхъ жизни, и для этого пользовалось всѣми доступными средствами; во 2-хъ, что благопріятное для осуществленія этихъ желаній время настало съ половины 80-хъ годовъ прошлаго вѣка, когда правительство, встревоженное обѣдненіемъ народа, подъ тяжестью непосильныхъ выкупныхъ платежей и нераціональной налоговой системы и

нѣкоторыми признаками развивавшагося народнаго правосознанія и соціально-политическаго движенія, задумало излечить страну отъ этихъ недуговъ возвратомъ, по возможности, къ прежнимъ формамъ общественно-политической жизни — къ сословному государственному строю, а вмѣстѣ съ тѣмъ—къ сословнымъ привиллегіямъ, къ господству однихъ сословій надъ другими и проч.,—задумало пріостановить, подавить ростъ общественнаго самосознанія; въ 3-хъ, что земскіе начальники созданы для удовлетворенія не истинныхъ общегосударственныхъ потребностей и не потребностей многомилліоннаго крестьянскаго населенія, а узкихъ, эгоистическихъ желаній и стремленій правящаго меньшинства подавить развитіе массъ,—и одностороннихъ сословно-классовыхъ интересовъ и желаній дворянства при новыхъ условіяхъ жизни.

Соотвѣтственно этому, какъ видно изъ той же исторіи введенія земскихъ начальниковъ и изъ характера и содержанія жалобъ и желаній дворянства, имѣвшихъ отношеніе къ этому институту, задачи, возложенныя на земскихъ начальниковъ, сводились по существу къ слѣдующимъ: 1. Крестьянинъ распустился и разлѣнился на волѣ, не уважаетъ власти, сталъ грубъ, непочтителенъ и дерзокъ, не выполняетъ обязательствъ и не уважаетъ чужой собственности. Такой крестьянинъ не способенъ устраивать и свою общественную жизнь: въ ней царятъ безпорядки и злоупотребленія; міромъ правятъ кулаки и міроѣды. Земскіе начальники должны стать близкой къ населенію и сильной правительственной властью: они должны обуздать и подтянуть крестьянина, выбить изъ него лѣнь, внушить ему почтительность, устранить грубость, заставить бояться власти и уважать ее и частную собственность и тѣмъ умиротворить деревню, успокоить чиновниковъ и помѣщиковъ, сдѣлать возможными жизнь и веденіе хозяйства послѣднихъ, сильно пошатнувшагося послѣ освобожденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ земскіе начальники должны руководить и общественной жизнью крестьянъ и направлять ее согласно правительственнымъ и владѣльческимъ видамъ и интересамъ. Вотъ главныя задачи, возложенныя на земскихъ начальниковъ—цѣль ихъ введенія. Правда, вмѣстѣ съ этимъ всегда добавля-

лось и теперь добавляется, что крестьянинъ неразвитъ, не умѣетъ вести хозяйства, личнаго и общественнаго, что его со всѣхъ сторонъ эксплоатируютъ, что ему нуженъ защитникъ, руководитель какъ въ общественной, такъ и частной жизни и что такимъ защитникомъ и руководителемъ является земскій начальникъ. Но это говорится только для красоты рѣчи, чтобы усладить горькую пилюлю дѣйствительности. Существо, природа института въ сильной, давящей правительственной власти надъ крестьянами, врученной дворянину—помѣщику. Къ этому можно прибавить развѣ желаніе дать возможность пристроиться и улучшить свое хозяйственное положеніе разорявшимся дворянамъ.

Такимъ образомъ, институтъ земскихъ начальниковъ явился въ періодъ реакціоннаго поворота въ нашей политической жизни. И на него были возложены тяжелыя, неблагодарныя и неосуществимыя задачи задержать естественное и неизбѣжное развитіе народной жизни, народняго правосознанія и возстановить, по возможности, отжившія и сошедшія со сцены сословныя привиллегіи. Теперь намъ становятся понятными и обширная, произвольная власть земскихъ начальниковъ и односторонній составъ института. Зная задачи, которыя ему были поставлены, и время, когда онъ былъ введенъ, мы должны признать, что такой институтъ иначе и не могъ быть организованъ. Напротивъ, мы должны признать, что творцы института прекрасно понимали всю трудность выполненія возложенныхъ на него задачъ и съ своей стороны сдѣлали все, чтобы онъ хоть на время достигъ намѣченныхъ ему цѣлей. Историческій опытъ говоритъ, что такого рода учрежденія не только никогда не выполняютъ поставленныхъ имъ задачъ, но часто достигаютъ какъ разъ обратнаго тому, что имѣлось въ виду при ихъ введеніи. Далѣе мы посмотримъ, какъ въ дѣйствительности проявляется обширная власть земскихъ начальниковъ и какихъ результатовъ она достигаетъ, изъ чего видно будетъ и то—осуществилъ-ли этотъ институтъ свое назначеніе.

К. Кожухаръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О НѢКОТОРЫХЪ УСТРАНИМЫХЪ ПРИЧИНАХЪ ПРОСТИТУЦІИ.

„Проституція—продуктъ соціальныхъ отношеній. Отсюда выводъ, подтверждаемый исторіей: проституція неизбѣжна, пока существенно не измѣнятся всѣ соціальныя отношенія, а потому всѣ направленныя противъ нея мѣры безполезны“.

Такъ говоритъ Handwörterbuch der staatswissenschaften—последнее слово германскаго государствовѣдѣнія. Это почти для всѣхъ несомнѣнная истина. Съ этимъ согласны и мы, но лишь до извѣстной степени. Если нельзя совершенно уничтожить проституцію (какъ и остальные пороки, несчастія и преступленія), то все таки *можно воздѣйствовать на нее законодательствомъ*, ослабляя причины, ее порождающія, *даже и сейчасъ*, не прибѣгая при этомъ „къ измѣненію всѣхъ соціальныхъ отношеній“.

Мы сознаемъ, что проституція—продуктъ такихъ причинъ, радикально уничтожить которыя, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, не во власти людей; къ такимъ причинамъ слѣдуетъ отнести: массу холостыхъ мущинъ, контрастъ роскоши и нищеты, общую всѣмъ людямъ страсть легкой наживы.... На всѣ перечисленныя причины дѣйствовать „однимъ почеркомъ пера“ и притомъ немедленно—нельзя. Тѣмъ не менѣе мы утверждаемъ, что есть не мало причинъ, толкающихъ женщину въ проституцію, и такихъ, ослабить коп —и при томъ весьма замѣтно—*можно даже „однимъ почеркомъ пера“*.

Цѣль настоящаго очерка и заключается въ выясненіи этихъ сравнительно легко устранимыхъ причинъ, которыя тѣмъ не менѣе существуютъ и въ союзѣ съ причинами перваго рода даютъ столь плодородную почву для пышнаго разцвѣта проституціи, проституціи—которая считается многими за спутницу цивилизаціи и за предвѣстницу грядущей ея гибели.

Обольщеніе.

Почти всякая проститутка была обольщена еще въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. По XIII т. Статистики Россійской Имперіи $^4/_5$ всѣхъ проститутокъ (80, 5%) идутъ въ ряды проституціи до гражданскаго совершеннолѣтія. Каноническое право обольстителя принуждало бракомъ искупить свой поступокъ; отголоски каноническаго права кой гдѣ остаются и теперь, но въ общемъ, не говоря уже о французскомъ правѣ, примѣняемомъ и въ округѣ Варшавской Судебной Палаты, законы весьма легко относятся къ соблазнителямъ, даже къ соблазнителямъ дѣтей.

Недавно отмѣненная 994 ст. улож. о наказ. обязывала отца приличнымъ образомъ обезпечить ребенка и мать его, разъ ребенокъ былъ прижитъ „въ противозаконномъ сожитіи неженатаго съ незамужней"; но для примѣненія этой статьи необходимо было по жалобѣ матери осудить обоихъ родителей; на подобную явку съ повинной рѣшалась рѣдкая женщина—на всю Россію лишь около 1000 матерей—и въ огромномъ большинствѣ случаевъ внѣбрачныя матери принуждены были сами содержать не только себя, но и своего ребенка, что нерѣдко оказывалось имъ не подъ силу, и онѣ, толкаемыя голодомъ, принуждены были стать проститутками; гуманная цѣль закона, состоящаго по разъясненію Правительствующаго Сената (р. у. к. д. 1875, № 484)—въ томъ, чтобы „во всякомъ случаѣ поддержать обольщенную женщину, ставшую матерью, и обезпечить существованіе ея съ младенцемъ"—на практикѣ являлась почти для всѣхъ матерей Имперіи неосуществимой, благодаря процессуальнымъ особенностямъ 994 ст. улож., такимъ особенностямъ, которыя обу-

словили самыя невѣроятныя юридическія положенія (обвиняемая-гражданская истица къ другому обвиняемому-гражданскому отвѣтчику и т. п.) и породили богатую комментаторскую практикту.

Новый законъ 3 іюня 1902 года „Объ улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ дѣтей“, отмѣнившій 994 ст. улож. о наказ. и перенесшій въ гражданскій судъ дѣла о взысканіи алиментовъ въ пользу внѣбрачныхъ матерей и дѣтей ихъ—несомнѣнно улучшилъ положеніе внѣбрачной матери —но права ея уменьшились; прежнее безусловное право ея требовать себѣ алиментовъ отъ отца ея ребенка замѣнилось нынѣ условнымъ правомъ: „если уходъ за ребенкомъ лишаетъ возможности мать снискивать себѣ средства къ жизни“ (132[5] ст. I ч. X т.); что же касается округа Варшавской судебной палаты, то тамъ новый законъ не улучшилъ положенія матери и ребенка, а сдѣлалъ его прямо таки невозможнымъ: по гражданскому кодексу розыски отца запрещены, спеціальная же 994 ст. улож. отмѣнена и ничѣмъ не замѣнена.

Перейдемъ къ дальнѣйшему разсмотрѣнію внѣбрачныхъ связей по русскому праву.

Современный нашъ законъ (1524 ст. улож. о наказ.) считаетъ женщину со дня достиженія ею 14-ти лѣтняго возраста умственно зрѣлой для вступленія во внѣбрачныя половыя связи; Сенатъ же этотъ возрастъ понизилъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ на 4 года; по дѣлу Веделина Уголовный Кассаціонный Департаментъ (1876 № 96) разъяснилъ, что при обвиненіи кого либо по 1524 ст. улож. о нак. въ добровольномъ совокупленіи съ дѣвушкой отъ 10—14 лѣтъ „Судъ каждый разъ разрѣшаетъ вопросъ о томъ, воспользовался ли обвиняемый невинностью и невѣдѣніемъ пострадавшей, или она участвовала сознательно“ и въ послѣднемъ случаѣ дѣяніе обольстителя будетъ не наказуемо. Правда, въ уложеніи имѣется 1531 ст., трактующая объ обольщеніи дѣвицъ и вдовъ, даже достигшихъ престарѣлаго возраста—но законъ имѣетъ въ виду не всякое обольщеніе, а лишь обольщеніе „торжественнымъ обѣщаніемъ жениться“; такъ какъ весьма трудно доказать, что обольститель далъ это

„торжественное обѣщаніе“,—то и статья эта не имѣетъ вовсе практическаго значенія. Слѣдующая 1532 ст. улож. о наказ. караетъ серьезно обольстителей несовершеннолѣтней—но не всякихъ, а только: опекуна ея, учителя ея, слугу ея и слугу ея родителей, опекуновъ или родственниковъ и вообще лишь лицъ, имѣющихъ „по званію своему или особымъ обстоятельствамъ надзоръ за нею и большую или меньшую степень власти“. Можетъ ли быть субъектомъ 1532 ст. улож. о наказ. хозяинъ по отношенію къ обольщенной имъ прислугѣ—предоставляется на рѣшеніе криминалистовъ; думаю, что можетъ. Другихъ узаконеній—нѣтъ. Такимъ образомъ, по дѣйствующему законодательству совокупленіе съ женщиной моложе 10 лѣтъ запрещено уголовнымъ закономъ безусловно, съ женщиной отъ 10—14 лѣтъ—условно: буде она обладаетъ достаточнымъ „невѣдѣніемъ“; совокупленіе же съ женщиною отъ 14—21 года съ ея согласія безусловно предоставлено на волю желающему, лишь бы только обольститель не давалъ „торжественнаго обѣщанія жениться“ и лишь бы онъ не былъ опекуномъ, учителемъ или вообще власть имущимъ надъ обольщаемой, а также и слугою этихъ лицъ. Ясно, что дѣйствующее законодательство слишкомъ благопріятствуетъ обольстителямъ, по крайней мѣрѣ обольстителямъ подростковъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что подростки—сироты изъ бѣднѣйшихъ классовъ лишены даже этой защиты, благодаря главнымъ образомъ примѣчанію къ 1532 ст. улож. о наказ. и вполнѣ предоставлены игрѣ случая, а потому нерѣдко еще дѣтьми пополняютъ собою ряды отечественной проституціи не только тайной, но—къ стыду нашему—и поднадзорной. Если и признать полную равноправность половъ и, стало быть, отвергнуть въ принципѣ наказаніе за обольщеніе женщинъ, то все-таки это соображеніе никоимъ образомъ не можетъ оправдать ненаказуемости обольщенія дѣтей. Ant. Menger весьма рѣзко указалъ на странную непослѣдовательность закона, запрещающаго несовершеннолѣтней самостоятельно распорядиться десятью талерами изъ своего капитала и въ то же время признающаго волю несовершеннолѣтней (какъ мы видимъ съ 14 лѣтъ, а то и съ 10-ти)

вполнѣ зрѣлой для отчужденія своей женской „чести“. Если до 21 года женщина ни въ гражданскомъ, ни въ уголовномъ отношеніи не признается вполнѣ зрѣлой и отвѣтственной, то отчего же она считается вполнѣ зрѣлой для вступленія въ внѣбрачную половую связь, столь чреватую пагубными для обольщенной послѣдствіями?! Если я куплю у 14-ти лѣтней, даже 16-ти лѣтней дѣвушки, вопреки разрѣшенія ея опекуна, старыя ея ботинки—то меня ex officio посадятъ въ тюрьму, предъявивъ обвиненіе по 1703 ст. улож. о наказ.,—но если я за фунтъ конфектъ или иначе (лишь бы не торжественнымъ обѣщаніемъ жениться) уговорю 14-ти лѣтнюю, а то и 10-ти лѣтнюю на половое сношеніе со мною—то я по дѣйствующему въ Россійской Имперіи праву не наказуемъ!

Обольщеніе дѣтей и подростковъ рѣдко происходятъ въ пылу страсти, а являются обыкновенно результатомъ эгоистическаго взвѣшиванія всѣхъ обстоятельствъ pro и contra; такъ какъ contra—нѣтъ ничего: ни уголовной ни гражданской отвѣтственности, то и принимается положительное рѣшеніе; въ Америкѣ суды очень щедро присуждаютъ штрафы въ пользу обольщенныхъ не только подростковъ, но и взрослыхъ женщинъ; думаю, что уголовная защита половой сферы женщины, повышенная новымъ уложеніемъ, безусловно съ 10 до 14, и условно съ 14 до 16 лѣтъ (520 и 521 ст.) должна быть доведена до 17 лѣтъ, согласно съ закономъ 2 іюня 1897 г., признавшимъ, подобно гражданскому кодексу, 17-ти лѣтній возрастъ гранью, дѣлящей отрочество на два періода [1]).

Сверхъ уголовныхъ каръ крупные штрафы за обольщеніе всѣхъ вообще недостигшихъ 17-ти лѣтъ, уплачиваемые—по примѣру Америки—въ пользу несовершеннолѣтнихъ—цѣлесообразны: штрафы эти не столько возбудятъ желаніе у несовершеннолѣтнихъ женщинъ быть обольщенными, сколько охладятъ обольстительный натискъ мужщинъ, а гдѣ это не удастся—матеріально поддержатъ несовершеннолѣтнюю и не дадутъ ей опуститься на илистое дно проституціи.

---

[1]) Тоже и В. Д. Набоковъ въ Вѣстникѣ Права за 1902 г., № 9—10, 143—144 стр.

Сводничество.

При всякой торговлѣ извѣстную роль играютъ коммисіонеры; въ мірѣ проституціи роль коммисіонеровъ несравненно значительнѣе, чѣмъ во всякой иной торговлѣ: они являются вдохновителями и создателями современныхъ формъ проституціи. Кому неизвѣстно, что по всей Европѣ раскинута обширная и организованная система коммерціи развратомъ съ многочисленными агентами, со множествомъ уловокъ, даже газетными объявленіями—такая система, для борьбы съ которой потребовалась международная коалиція [1])? Кому неизвѣстно, что въ Россіи дѣвушки сманиваются либо въ Одессу, откуда ихъ везутъ въ Турцію, либо въ Привислянскій край, откуда ихъ везутъ въ главный центръ торговли женщинами—въ Гамбургъ, а оттуда развозятъ по всему свѣту? Въ крошечной Голландіи ревизія публичныхъ домовъ открыла въ нихъ 400 дѣвушекъ, завезенныхъ туда изъ заграницы обманомъ..... Голландія, конечно не исключеніе; то же и въ домахъ остальной Европы и не Европы. Въ публичныхъ домахъ каждаго большого города томится не мало женщинъ, рвущихся на волю и достигающихъ ея обыкновенно тогда, когда онѣ потеряли жажду ея. Кто въ этомъ сомнѣвается—пусть провѣритъ.

Сводничество сводничеству—рознь; отъ невиннаго благопріятствованія свиданіямъ влюбленныхъ до заманиванія дѣтей въ дома терпимости и продажи ихъ въ Бразилію—цѣлая пропасть. Я и займусь здѣсь разсмотрѣніемъ различныхъ видовъ сводничества, столь разнообразныхъ по своей сущности и по той опасности, которую они собой представляютъ.

Сводничество можно раздѣлить на два вида: тяжкое сводничество, переходящее въ участіе въ изнасилованіи, и на сводничество не столь тяжкое.

Начну съ перваго.

Опаснѣйшею формою тяжкаго сводничества является не-

---

[1]) Въ іюлѣ 1902 года въ Парижѣ состоялась международная конференція для борьбы съ торгомъ женщинами.

сомнѣнно *международный торгъ женщинами, какъ невольницами*. Относительно этого торга замѣчу, что онъ существуетъ даже въ самыхъ культурныхъ государствахъ, положительное право коихъ издавна не знаетъ рабства; тѣмъ не менѣе фактическое положеніе женщинъ, коими торгуютъ въ цѣляхъ разврата, таково, что въ сущности этотъ торгъ ничѣмъ не отличается отъ работорговли; борьба съ этимъ торгомъ мнѣ представляется простой: такой торгъ есть въ сущности международный торгъ невольницами и какъ таковой долженъ подводиться подъ 1410 статью уложенія о наказ.; такое толкованіе освящено Сенатомъ, подведшимъ (1874 № 395) подъ дѣйствіе 1410 ст. улож. о нак. продажу женщинъ въ Турцію для помѣщенія ихъ въ дома разврата. Уголовное уложеніе дѣлаетъ шагъ назадъ, ослабляя репрессію; по 526 ст. этого уложенія карается только исправительнымъ домомъ обманное и даже „насильственное склоненіе" женщины къ выѣзду изъ Россіи съ цѣлью обратить такое лицо на промыселъ развратомъ, между тѣмъ такое дѣяніе есть видъ торга невольницами и должно было бы быть подведено подъ 1 п. 501 ст. угол. улож.

Что касается *отечественнаго торга женщинами*, содержимыми вопреки ихъ волѣ въ публичныхъ домахъ Имперіи — то такое содержаніе обыкновенно ненаказуемо, ибо не доходитъ до Суда; въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ когда съ нимъ имѣетъ дѣло Судъ, то оно квалифицируется по 1540—1542 ст. улож. о нак.; мнѣ кажется, впрочемъ, что половое сношеніе съ такою, лишенною свободы женщиной, если она отдается мущинѣ, хотя и безъ сопротивленія, то исключительно вслѣдствіе того, что она предварительно была запугана разнаго рода угрозами—является изнасилованіемъ женщины, а дѣятельность остальныхъ лицъ, способствовавшихъ такому изнасилованію, составляетъ то, что извѣстно на западѣ подъ именемъ насильственнаго сводничества, а у насъ участія въ изнасилованіи; конечно, изнасилователь такой, заключенной въ публичномъ домѣ женщины и предварительно запуганной угрозами, и не догадывается, отчего женщина ему отдается; онъ въ силу 99 ст. улож. о нак. и не подле-

житъ карѣ за изнасилованіе: онъ добросовѣстно заблуждался, не зная того, что женщина отдается ему не по своему непринужденному желанію, а оттого, что она предварительно запугана хозяиномъ публичнаго дома; но все же.... это—изнасилованіе и хозяинъ публичнаго дома долженъ отвѣчать по существующему нынѣ уголовному законодательству—какъ участникъ изнасилованія; одно удержаніе женщины вопреки ея волѣ съ цѣлью угрозами принудить ее къ половымъ сношеніямъ съ кліентами публичнаго дома, одно такое удержаніе предусмотрѣно 1529 ст. улож. о нак., а потому должно квалифицироваться по этой статьѣ, а не по 1540—1544 ст. улож., какъ практикуется нынѣ.

Уголовное уложеніе содержитъ спеціальное постановленіе о задержаніи въ притонѣ разврата женщины, не внесенной въ списокъ публичныхъ, (500 ст.) и задержаніе въ немъ промышляющей непотребствомъ женщины, если она изъявила желаніе оставить свой промыселъ, (2 ч. 529 ст.); первое карается строже обыкновеннаго лишенія свободы (498 ст.), второе—значительно легче.

Такое отношеніе новаго кодекса къ публичнымъ женщинамъ является возвращеніемъ къ духу суровыхъ, старинныхъ западно-европейскихъ кодексовъ, вовсе не каравшихъ изнасилованія публичныхъ женщинъ и всячески умалявшихъ ихъ правоспособность; приходится признать, что уголовное уложеніе дѣлаетъ опять шагъ назадъ сравнительно съ уложеніемъ о наказаніяхъ и при томъ—шагъ большой; мало того: уголовное уложеніе разрываетъ съ гуманнымъ, стариннымъ нашимъ правосознаніемъ, такъ выгодно отличавшимъ его отъ правосознанія западныхъ кодексовъ и нашедшимъ свое воплощеніе въ знаменитомъ Петровскомъ изреченіи: „изнасилованіе блудницы—все же изнасилованіе“ и создаетъ, безъ всякой нужды, классъ лицъ сравнительно безправныхъ, новыхъ паріевъ—публичныхъ женщинъ, фактически ужасное положеніе коихъ санкціонироваться будетъ новымъ кодексомъ, однимъ изъ редакторовъ коего въ своей диссертаціи сорокъ лѣтъ назадъ, исполненный благородныхъ порывовъ молодости, съ такой симпатіей останавливается на бракахъ съ погибшими созданіями.

Текстъ 2 части 529 статью уголовн. улож. приводитъ меня даже къ слѣдующимъ опасеніямъ: 2 ч. 529 ст. угол. улож. караетъ за удержаніе въ притонѣ разврата промышляющей непотребствомъ женщины, если она изъявила желаніе оставить свой промыселъ, ну а если она изъявила желаніе оставить не свой промыселъ, а только тотъ притонъ разврата, въ которомъ она содержится, хотя бы только для того, чтобы промѣнять его на другой, сосѣдній? Конечно, удержаніе такой женщины не подойдетъ подъ 2 ч. 529 ст. угол. улож., тѣмъ болѣе не подойдетъ подъ 498 ст. угол. улож. и я незнаю, куда подойдетъ такое задержаніе; боюсь, что такое задержаніе не подойдетъ ни подъ одно изъ постановленій уголовнаго уложенія, боюсь, что уголовное уложеніе прикрѣпитъ „промышляющихъ развратомъ" къ тѣмъ притонамъ, гдѣ ихъ застигнетъ введеніе уголовнаго уложенія, и создастъ для этихъ женщинъ новый Юрьевъ день, а для Россіи новыхъ крѣпостныхъ, настоящихъ рабынь веселья, рабынь не вслѣдствіе фактическаго ихъ положенія, вызваннаго всякаго рода злоупотребленіями, а рабынь на точномъ основаніи закона!... Можетъ быть всѣ эти страхи не болѣе, какъ плодъ разгоряченнаго излишней ревностью воображенія, можетъ быть разгадка въ словѣ „заключеніи" 498 ст. угол. улож., можетъ быть „задержаніе" публичной женщины, не выразившей желанія оставить свой промыселъ, въ притонѣ разврата и въ самомъ дѣлѣ не будетъ караться, но „заключеніе" такой женщины подойдетъ подъ общую норму 498 ст. угол. улож. . . . Можетъ быть. Во всякомъ случаѣ 2 ч. 529 ст. угол. улож. можетъ дать поводъ ко всякаго рода толкованіямъ, опаснымъ для гражданской свободы, и я спѣшу отмѣтить тѣ грустныя послѣдствія, кои могутъ быть сопряжены съ редакціей 2 ч. 529 ст. уст. улож.; а думаю, что отъ исключенія ея изъ кодекса—кодексъ только выиграетъ [1]).

Сверхъ 2 ч. 529 ст. уголовное уложеніе содержитъ въ себѣ еще одну загадочную статью, относящуюся къ разби-

[1]) О непонятномъ соотношеніи 2 ч. 529 ст. 498 ст. говоритъ и Набоковъ въ Вѣст. Права 1902, № 9—10, 186—187 стр.

раемому вопросу. 526 ст. караетъ тюрьмою отъ 3 мѣсяцевъ того, кто склонитъ женщину промышлять непотребствомъ путемъ: 1) насилія надъ личностью или угрозъ, 2) обмана, 3) злоупотребленія властью и 4) пользуясь безпомощностью и зависимостью жертвы. Полагаю, что „склонить“ къ промыслу „насиліемъ— contradictio in adjecto; склонить—значитъ понудить склоняемаго къ извѣстному дѣйствію, не лишая его воли и желаній, склоняемый дѣйствуетъ хотя и подъ вліяніемъ склоняющаго, но все же сознательно, не теряя собственой воли; поэтому, согласно русскому языку склонить кого либо можно убѣжденіями, обольщеніями, но отнюдь не насиліемъ; гдѣ пущено въ ходъ насиліе—тамъ нѣтъ склоненія, а есть принужденіе; уложеніе о наказаніяхъ это отлично понимаетъ и говоритъ въ 1686—1687 статьяхъ „о принужденіи къ дачѣ обязательствъ“, а въ 1688—1689 о „побужденіи къ дачѣ обязательствъ“; „онъ склонилъ меня подписать этотъ вексель тѣмъ, что приставилъ дуло револьвера къ моему виску“— русскій не скажетъ; тутъ надо поставить не „склонилъ“, а принудилъ“, „заставилъ“, „склонить угрозами“ — нельзя, угрозами можно „заставить“, „принудить“, а склонить можно просьбами, мольбами, слезами, обольщеніями, хитростью. Тѣмъ не менѣе новый кодексъ говоритъ о „склоненіи путемъ насилія надъ личностью и угрозъ“, искажая родную рѣчь до неузнаваемости; но не филологическія розысканія заставили меня остановиться на 526 статьѣ уголовнаго уложенія; эта статья интересна своимъ содержаніемъ и тѣмъ новаторствомъ, которое она вводитъ—не только формою языка—но по существу въ наше законодательство. По существующему законодательству „склоненіе“ къ непотребству путемъ насилія и угрозъ, спеціально не предусмотренное, подойдетъ, конечно подъ общія нормы о изнасилованіи и участія въ немъ; за такое „склоненіе“ полагается каторга (1525 ст. улож. о нак.); по новому кодексу за то же „склоненіе“ полагается только... тюрьма; между тѣмъ такое „склоненіе“ ближе всего подходитъ подъ 2 п. 522 ст. угол. улож. и непонятно, что побудило выдѣлять въ особую мягкую рубрику дѣянія тѣхъ лицъ, кои употребляютъ насиліе и угрозы для того, чтобы прину-

дить несчастную женщину постоянно подвергаться изнасилованіямъ, кои для этой цѣли употребляютъ „угрозы убійствомъ, весьма тяжкимъ и тяжкимъ тѣлеснымъ поврежденіемъ". Казалось бы, что такія лица менѣе всего заслуживаютъ смягченія каръ и мягкость законовъ въ этомъ случаѣ неумѣстна... Западные кодексы обманное склоненіе къ непотребству приравниваютъ къ „насильственному склоненію" и караютъ даже за обманное склоненіе къ непотребству, какъ за изнасилованіе (§ 181 Герм.), уголовное же уложеніе обратно: насильственное принужденіе къ непотребству, т. е. участіе въ изнасилованіи приравниваютъ къ обманному склоненію къ непотребству и караетъ этотъ видъ участія въ изнасилованіи, видъ наиболѣе гнусный, почти какъ обыкновенное сводничество: только тюрьмою. Такимъ образомъ, то, что карается нынѣ каторгою, будетъ караться новымъ кодексомъ только тюрьмою. Въ этомъ смягченіи я усматриваю еще одинъ шагъ назадъ нашего законодательства сравнительно съ уложеніемъ о наказаніяхъ и шагъ—исполинскій.

Таковы мягкія, слишкомъ мягкія постановленія новаго уголовнаго уложенія относительно квалифицированныхъ формъ сводничества, кои переходятъ въ изнасилованіе. Отъ этой мягкости къ преступникамъ и ожидаю массу вопіющей жестокости для обыкновенныхъ гражданъ.

Перехожу къ разсмотрѣнію болѣе мягкихъ формъ сводничества.

Обманное сводничество, приравниваемое западными кодексами къ насильственному сводничеству, т. е. къ изнасилованію, (§ 181 Герм., § 118 Проэкта Швейцарскаго уложенія Stoos'а—караютъ за обманное сводничество каторгою), неизвѣстно современному русскому законодательству. Въ практикѣ Сената былъ такой случай: дѣвушекъ обманомъ отдали въ публичный домъ; Сенатъ (1873 № 11) усмотрѣлъ здѣсь простое сводничество 44-ой ст. уст. о наказ.; это рѣшеніе развязываетъ руки сводникамъ: одно и то же наказаніе грозитъ имъ и за простой уговоръ къ любодѣянію и за обманную отдачу дѣвушекъ безъ ихъ согласія въ дома терпимости; хотя наше законодательство и не знаетъ обманнаго сводни-

чества, все же квалификація Сената представляется мнѣ явно неправильной; отдать дѣвушекъ въ домъ терпимости безъ ихъ согласія путемъ обмана—это не 44 ст. устава о нак., а 1530 ст. улож. о нак.—похищеніе женщины противъ ея воли въ надеждѣ обольстить ее.

Уголовное уложеніе уже знаетъ, по примѣру запада, обманное сводничество, какъ особый видъ квалифицированнаго сводничества (526 ст.); это безусловно шагъ впередъ, но небольшой: кара слишкомъ слаба.

Сводничество несовершеннолѣтнихъ — тоже неизвѣстно нашему современному законодательству; сводничество дѣвочекъ до 10 лѣтъ—всѣхъ, а отъ 10—14 лѣтъ лишь тѣхъ, коихъ „невинность и невѣденіе употреблены во зло", карается серіозно и соотвѣтственно гнусности преступленія—каторгою по 1524 ст. улож. о нак.; но сводничество дѣвушекъ свыше 14 лѣтъ всѣхъ и даже отъ 10—14 лѣтъ тѣхъ, употребленія во зло невинности и невѣденія коихъ установить не удалось, карается нынѣ какъ обыкновенное сводничество по 44 ст. уст. о нак.; такимъ образомъ, для современнаго закона все равно: сводничать ли 10 лѣтняго ребенка, „невинности и невѣденія" коего установить не удалось, или сорокалѣтнюю женщину—наказаніе одно и то же по 44 ст. уст. о нак.

Уголовное уложеніе содержитъ особое постановленіе о сводничествѣ дѣвицъ 14—16 лѣтъ и дѣвственницъ до 21 года (524 ст.); наказаніе—тюрьма. Относительно сводничанья дѣвственницъ до 21 года замѣчу, что это постановленіе не будетъ имѣть особаго значенія: какъ доказать, что сводику извѣстна была дѣвственность сводничаемой?; относительно же ненаказуемости сводничанья всѣхъ подростковъ, едва достигшихъ 16 лѣтъ, невольно напрашивается сопоставленіе новаго уложенія, плода многолѣтнихъ работъ коммисій, съ Французскимъ кодексомъ; въ „легкомысленной и развратной" Франціи карается тюрьмою до трехъ лѣтъ по § 324 Code pénal [1]) сводничанье всякаго недостигшаго совершенно-

[1]) Законъ 3 апрѣля 1903 г.

лѣтія, т. е. сводничанье всякаго, кому меньше 21 года. Если кому и покажется законъ Франціи черезмѣрно пуританскимъ, все же надо признать, что возрастъ половой охраны слѣдуетъ повысить, по крайней мѣрѣ, до 17 лѣтъ и повысить безусловно.

Кромѣ 524 ст. уг. ул. въ немъ имѣется еще новинка—529 статья; по этой статьѣ карается тюрьмою принятіе въ притонъ разврата женщины, которая завѣдомо для сводника моложе 21 года; опять таки и эту завѣдомость будетъ почти невозможно доказать и сводни станутъ принимать въ свои притоны дѣвушекъ съ 16-ти лѣтъ, всегда готовыя возразить своимъ обвинителямъ, что онѣ добросовѣстно заблуждались относительно возраста сводничаемыхъ.

Сводничанье по ремеслу, извѣстное еще уложенію 1857 года (1337—1339 и 1355 ст.), въ высшей степени цѣлесообразно отличавшему его отъ простого сводничества (1337 ст.), неизвѣстно современному праву, которое является въ этомъ отношеніи шагомъ назадъ сравнительно съ уложеніемъ 1857 года. Нынѣ одна и таже 44 ст. устава о нак. охватываетъ своею слабой, безсильной карой одинаково: и неумѣстнаго добряка, который отъ чистаго сердца, сочувствуя влюбленной парѣ, устроилъ ей любовное свиданіе, и сводню, открывшую притонъ разврата изъ 14 лѣтнихъ, а то и 10-ти лѣтнихъ ребятъ.

Уголовное уложеніе отличаетъ сводничество по ремеслу, какъ отягчающее обстоятельство, разъ объектомъ сводничанья окажутся подростки 14—16 лѣтъ или дѣвственницы моложе 21 года (послѣдняя часть 524 статьи).

Мнѣ кажется, что *сводничеству по ремеслу* надо отвести болѣе широкое значеніе въ современныхъ кодексахъ: соціальное зло заключается не въ спорадическомъ сводничаньи любителей, а исключительно въ сводничествѣ по ремеслу; если бы какимъ либо чудомъ изчесли изъ нашей жизни случаи сводничества не по ремеслу—особаго эффекта это исчезновеніе не вызвало бы; почти все осталось бы по старому; но исчезни сводничество по ремеслу—и многія, очень многія

женщины не стали бы проституировать въ столь нѣжномъ возрастѣ, какъ мы это видимъ нынѣ.

Что касается *своднichанья квалифицированными субъектами:* мужемъ, отцомъ, опекуномъ и вообще лицами, имѣющими надзоръ за сводничаемыми—то и современное законодательство (998—1000 ст. улож. о нак.) и уголовное уложеніе (2 ч. 524 ст.) караютъ соотвѣтственно тяжести пресупленія. Даже простое *потворство непотребству* со стороны этихъ лицъ карается *теоретически* вполнѣ достаточно (993 ст. улож. о нак. и 525 ст. угол. улож.); жаль только, что ни одному практику содержаніе 993 ст. улож. о нак. неизвѣстно и статья эта—на горе обездоленнымъ—вовсе не примѣняется на всемъ обширномъ пространствѣ Имперіи. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же объяснить, что этотъ дивный законъ (993 ст. улож. о нак.), не примѣняется вовсе на практикѣ? Мнѣ кажется, что секретъ вотъ въ чемъ: нѣтъ потерпѣвшаго, умѣющаго постоять за себя и потребовать примѣненія спасительнаго закона—а при отсутствіи сильныхъ потерпѣвшихъ законы, установленные въ защиту слабыхъ и безгласныхъ—остаются въ современномъ обществѣ такими же слабыми и безгласными, какъ и тѣ лица, въ защиту коихъ они написаны. . . . Дѣло государственной науки выяснить причины столь всеобщаго явленія и найти лекарства противъ него—моя роль скромнѣе: ограничусь констатированіемъ мрачнаго факта.

Одиночество и безпомощность сиротъ.

> . . . . Не прилагалъ никто старанья,
> чтобъ ободрить, чтобъ научить, тебя, забытое созданье. . . . .
>
> А. К. Шеллеръ. Падшія.

Представимъ себѣ такой случай: бѣдные родители, за коими не числится ни недвижимости, ни движимости, умерли, оставивъ шестилѣтнюю дочь; ни близкихъ, ни дальнихъ родственниковъ у этой сироты нѣтъ—кто о ней позаботится, особенно, если она живетъ въ большомъ городѣ? Никто не заинтересованъ въ назначеніи ей опекуна—никто, ровно ни-

кто. Государство, съ одной стороны, установившее спасительный институтъ опеки, съ другой стороны, не принимаетъ мѣръ къ тому, чтобы опека дѣйствительно была назначена, и нашъ законъ не знаетъ лицъ, кои юридически обязаны позаботиться о немедленномъ учрежденіи опеки надъ сиротою и коихъ можно было бы казнить за неисполненіе сей важной обязанности. 250 ст. 1 ч. X т. даетъ перечень случаевъ, когда дворянская опека и сиротскій судъ вступаютъ въ введеніе и управленіе сиротскихъ дѣлъ: увѣдомленіе дворянскаго предводителя или городского головы, ближнихъ (но не дальнихъ) родственниковъ и свойственниковъ, свидѣтельство двухъ постороннихъ лицъ и приходскаго священника (непонятно: достаточны ли одно свидѣтельство двухъ постороннихъ безъ священника и одно свидѣтельство священника или необходима одновременная наличность всѣхъ трехъ свидѣтельствующихъ), наконецъ, увѣдомленіе высшаго или равнаго (но не низшаго!) присутственнаго мѣста (а не должностнаго лица!)—такимъ образомъ, 250 ст., перечисляя случаи, когда опекунскія учрежденія „вступаютъ въ вѣдѣніе и управленіе сиротскихъ дѣлъ“ точно боится, какъ бы они не вступили въ такое „вѣдѣніе и управленіе“ въ другихъ случаяхъ, въ ней не перечисленныхъ, точь въ точь какъ 297 ст. уст. угол. суд., перечисляющая поводы начатія предварительнаго слѣдствія и запрещающая приступать къ предварительному слѣдствію внѣ этихъ поводовъ.

250 ст. 1 ч. X т. перечисляетъ тѣхъ лицъ, кои *могутъ* увѣдомить опекунскія учрежденія объ открывшихся сиротахъ, но нѣтъ, повторяю, указаній на тѣхъ лицъ, *кои обязаны* сдѣлать такое увѣдомленіе, и такого указанія нѣтъ не только въ разсмотрѣнной нами 250 ст. 1 ч. X т., но нѣтъ указаній этихъ и въ другихъ статьяхъ нашего обширнаго свода.

Мнѣ кажется, что эту обязанность слѣдуетъ возложить на полицію, а также на лицъ, ведущихъ метрическія записи: эти лица должны бы доносить объ открывшихся сиротахъ немедленно и не позже 24 часовъ и за неисполненіе сей священной обязанности должны караться серьезно. 413 ст. 2-ой книги нашего проекта гражданскаго уложенія перечисляетъ

тѣхъ лицъ, кои о поводахъ къ учрежденію опеки извѣщаютъ опекунскаго начальника, но не устанавливаетъ отвѣтственности за неисполненіе сей обязанности. Отказъ отъ опеки долженъ тоже влечь невыгодныя бы для отказывающагося отъ сей повинности послѣдствія, аналогично римскому праву и современному германскому (1787—1788 ст. гражд. улож. германск. имперіи).

Что касается внѣбрачныхъ дѣтей, то обязательное и немедленное послѣ ихъ рожденія назначеніе всѣмъ имъ ex officio опекуновъ—представляется острою необходимостью, доказанною съ такою очевидностью проф. Загоровскимъ (Жур. Мин. Юст., 1898 г., № 3—5).

Хотя по нашимъ законамъ *всѣ* сироты должны имѣть опекуновъ, но это справедливое и гуманное требованіе закона въ жизни выполняется своеобразно: опекуны бываютъ, обыкновенно, только у тѣхъ, коимъ досталось по наслѣдству имущество; неимущіе же сироты, кои болѣе всего нуждаются въ опекѣ, обыкновенно, почти всегда не имѣютъ опекуновъ: *некому* позаботиться, чтобы законъ, оберегающій интересы безсильныхъ и слабыхъ, былъ исполненъ; современное общество до сихъ поръ не съумѣло организовать управленіе такъ, чтобы великія гуманныя начала, провозглашенныя въ законѣ, примѣнялись и къ тѣмъ безгласнымъ существамъ, кои постоять за себя не умѣютъ и не умѣютъ укрыться подъ спасительную сѣнь закона. Комитету Министровъ въ 1861 году пришлось разъяснять о необходимости назначенія опекуновъ и тогда, когда у сиротъ нѣтъ никакого имущества (прим. къ 251 ст. X т. 1 ч.).—Эта необходимость разъясненія и безъ того яснаго закона лишній разъ подтверждаетъ, посколько въ современной жизни имущество играетъ видную роль по сравненію съ личностью и что не совсѣмъ ошибаются тѣ, кои наблюдаютъ странную метаморфозу въ отношеніяхъ личности и имущества: часто не имущество является придаткомъ личности, а обратно—личность придаткомъ имущества! Во всякомъ случаѣ эта метаморфоза по вопросу о назначеніи опекуновъ хотя и наблюдается въ жизни, но все же осуждается положительнымъ правомъ; положительное право на

сей разъ впереди жизни, являясь для нея идеаломъ и свѣточемъ.

Сколь ужасны послѣдствія массоваго несоблюденія требованій положительнаго законодательства (225 ст. и прим. къ 251 ст. 1 ч. X т.) относительно обязательнаго назначенія опекуновъ несовершеннолѣтнимъ сиротамъ—сейчасъ увидимъ.

Если мы станемъ внимательно читать XIII т. Статистики Россійской Имперіи, то мы замѣтимъ грандіозно-чудовищный фактъ, впервые подмѣченный мною еще въ 1897 году въ докладѣ моемъ съѣзду по обсужденію мѣръ противъ сифилиса въ Россіи. Фактъ этотъ заключается въ томъ, что *почти всѣ поднадзорныя проститутки Имперіи—сироты*, а именно: по этой оффиціальной статистикѣ *при 23-хъ лѣтнемъ среднемъ возрастѣ* поднадзорной проститутки только 3,6% имѣютъ родителей, 9% полусиротъ и 87,4% *круглыхъ* сиротъ; эти статистическія данныя даютъ драгоцѣнное указаніе на то, что въ положеніи сиротъ есть нѣчто роковое, что толкаетъ ихъ въ проституцію; этимъ „нѣчто" въ значительной степени является массовое несоблюденіе 225 ст. и прим. къ 251 ст. 1 ч. X т.; отмѣченный фактъ даетъ дивную иллюстрацію къ пониманію той связи, которая существуетъ между сухими статьями закона и *соціальными* явленіями—той связи, которая существуетъ между правомъ и жизнью.

Въ дополненіе къ сказанному иллюстрирую послѣдствія нарушенія той же 225 ст. 1 ч. X т. слѣдующей картиной.

Прокуроръ гуляетъ за городомъ и слышитъ дѣтскій крикъ; кричитъ ребенокъ и прокуроръ видитъ убѣгающаго преступника, только что изнасиловавшаго грудного подкидыша. Что можетъ сдѣлать прокуроръ въ данномъ случаѣ? Распорядиться о подачѣ медицинской помощи ребенку—и только; сверхъ сего прокуроръ, этотъ представитель законности въ современномъ государствѣ, ничего, ровно ничего сдѣлать не можетъ: въ силу примѣчанія къ 1532 ст. улож. о нак. преслѣдованіе изнасилователей, растлителей, похитителей и обольстителей дѣвицъ и женщинъ, не исключая и грудныхъ, вчинается не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшей или ея родителей и опекуновъ; конечно, грудной ребенокъ подать жалобы не

можетъ (если только его крикъ и плачъ не толковать какъ жалобу въ смыслѣ 301 и 302 ст. уст. угол. суд.), а родителей у него нѣтъ, нѣтъ и опекуновъ. Едва ли законодатель имѣлъ въ виду оставить подобный случай безъ кары—законодатель не предполагалъ, что законъ о назначеніи опекуновъ не будетъ исполняться; однако, жизнь, стоящая позади идеальныхъ законовъ, подобно искусному крючкотворцу, уклоняется отъ исполненія передового закона; уклоненія этого законодатель не предвидѣлъ—и въ результатѣ *полная безнаказанность растлителей подкидышей.* Еще индивидуалистъ Лохвицкій (Курсъ уголовнаго права, 596) требовалъ, чтобы изнасилователи дѣтей преслѣдовались ex officio; тоже говорятъ и чины судебнаго вѣдомства въ своихъ замѣчаніяхъ на уложеніе (291—292 стр.), о томъ же вопятъ всѣмъ и каждому извѣстные факты проституированія 8—9 лѣтнихъ дѣвочекъ въ нашихъ городахъ; вспомнимъ небольшой переполохъ въ газетахъ, когда заговорили о 8-ми лѣтнихъ проституткахъ Одессы—но переполохъ этотъ такъ ничѣмъ и окончился; между тѣмъ радикально излѣчить общество отъ дѣтской проституціи весьма легко и просто: стоитъ только поскорѣе измѣнить редакцію примѣчанія къ 1532 ст. улож. о нак. въ томъ смыслѣ, что изнасилованіе и растлѣніе дѣтей преслѣдуется ex officio. Не будь примѣчанія къ 1532 ст. улож. о нак., не дѣлающаго исключенія и для насилуемыхъ и растлѣваемыхъ дѣтей—всѣ тѣ, кои занимаются этимъ—а ихъ въ большихъ городахъ не мало, разъ тамъ существуетъ дѣтская проституція, всѣ они рисковали бы попасть на Сахалинъ, а подобный рискъ навѣрное удержалъ бы ихъ отъ преступленія, какъ удерживаетъ ихъ этотъ рискъ отъ разбоевъ и убійствъ; не было бы, конечно, тогда и содержательницъ 8-лѣтнихъ проститутокъ, которыя нынѣ ровно ничѣмъ не рискуютъ: подъ 44 ст. уст. о нак. дѣянія ихъ подвести нельзя, а по 1523—1524 ст. улож. о наказ. въ силу примѣчанія къ 1532 ст. улож. о нак. онѣ отвѣчать могутъ только послѣ подачи частной жалобы, подать то коей некому.

Итакъ, измѣненіе редакціи примѣчанія къ 1532 ст. улож. о нак. въ томъ смыслѣ, что изнасилованіе, растлѣніе, похи-

щеніе и обольщеніе всѣхъ недостигшихъ 14-лѣтъ и сиротъ отъ 14—17 лѣтъ должно преслѣдоваться ex officio—неотложная необходимость, о коей вопитъ столько уже лѣтъ страшный фактъ существованія дѣтской проституціи въ большихъ городахъ Имперіи.

Шаткое положеніе прислуги.

Четвертая причина, играющая видную роль въ пополненіи рядовъ проституціи—это неустойчивое положеніе прислуги и вообще лицъ, проживающихъ по договору личнаго найма у своихъ „хозяевъ". Какъ остатки крѣпостничества и рабства еще твердо держатся въ массахъ такія понятія, что работодатель—благодѣтель, а рабочій — благодѣтельствуемый, что рабочій ѣстъ хлѣбъ не свой, а хозяйскій, рабочій живетъ не у себя, а у хозяина... Послѣдній взглядъ раздѣляется даже Сенатомъ, признавшимъ (1875 г., № 176) за барыней право выгнать ночью кухарку на улицу: барыня только обороняла свое жилище отъ грубостей кухарки. Пора твердо установить—и посредствомъ надлежащей интерпретаціи существующаго законодательства провести въ массы тотъ взглядъ, что прислуга и вообще лица, получающія въ обмѣнъ за свои услуги по договору личнаго найма плату натурою (пища, жилище),—ѣдятъ не господскій хлѣбъ, а свой, живутъ не у господъ, а у себя—въ своей комнатѣ или углу—стало быть и выгнать ихъ изъ этого угла то же, что выгнать хозяина изъ его комнатъ: можно только по вошедшему въ законную силу рѣшенію мирового судьи о выселеніи изъ квартиры (угла); стало быть, хозяинъ можетъ выгнать нагрубившаго лакея только изъ своихъ комнатъ, но не изъ комнаты (или угла) лакея, такъ какъ это помѣщеніе хозяинъ отдалъ въ пользованіе лакею какъ натуральную плату за его услуги. Если же придерживаться толкованія Сената, то выйдетъ, что огромное множество гражданъ—всѣ служащіе по договору личнаго найма и получающіе въ обмѣнъ за свои услуги помѣщеніе для жилья въ натурѣ—ежеминутно могутъ очутиться на улицѣ... Подобная шаткость положенія нѣсколькихъ мил-

ліоновъ населенія по истинѣ ужасна и, по моему мнѣнію, противорѣчитъ не только чувству справедливости и интересамъ политики гражданскаго права, но и смыслу положительнаго закона. Если я въ обмѣнъ за квартиру плачу деньгами, то я несомнѣнно живу въ своей квартирѣ (углу) и меня нельзя выкинуть на улицу иначе, какъ по судебному рѣшенію; если же я плачу за помѣщеніе трудомъ—то меня можно выкинуть на улицу даже ночью!...

Подобные взгляды, освященные авторитетомъ Сената, и въ вопросѣ о пополненіи рядовъ проститутокъ—ведутъ къ весьма печальнымъ и нежелательнымъ послѣдствіямъ. Наша статистика показываетъ, что легче всего попасть въ проститутки—женской прислугѣ; по XIII т. Статистики Россійской Имперіи 46,3% всѣхъ проститутокъ раньше были прислугою; почти такой же процентъ (43,3) прислуги и среди обитательницъ Хитрова рынка (*Курникъ*, о нѣкоторыхъ условіяхъ жизни поселенія Хитрова рынка); изъ массы проститутокъ, стремящихся на Нижегородскую ярмарку, 45% служили раньше по договору личнаго найма (Врачъ 1895 г., № 16—17)... Эти нелицепріятныя цифры съ несомнѣнностью устанавливаютъ тотъ грустный фактъ, что и въ положеніи прислуги, какъ и въ положеніи сиротъ есть нѣчто роковое, подготовляющее ее и затѣмъ толкающее въ ряды проститутокъ или, что тоже, на знаменитый Хитровъ рынокъ.

Извѣстна также незавидная доля фабричной женщины, обреченной съ самаго нѣжнаго возраста не только на тяжелый, изнуряющій трудъ, но и на всѣ случайности совмѣстной работы—въ результатѣ чрезмѣрная свобода нравовъ и, нерѣдко, проституція.

Тѣснота помѣщеній, гдѣ бѣднымъ людямъ приходится лежать на землѣ безъ раздѣленія возраста и пола—тоже вноситъ извѣстную лепту въ ряды проститутокъ—и это вопросъ уже не новый.

Наконецъ, надо сознаться, нѣкоторыя идутъ въ проститутки не по крайней нуждѣ, а по *легкомыслію*, прельщаемыя мишурнымъ блескомъ, столь заманчивымъ для *психически-неуравновѣшенныхъ* женщинъ.

Но довольно. Послѣдніе причины (фабричный трудъ, тѣснота помѣщеній, склонность къ блеску и къ нарядамъ) относятся уже къ тѣмъ условіямъ, порождающимъ проституцію, на которыя однимъ почеркомъ пера дѣйствовать нельзя; ни народной бѣдности, ни легкомыслія психически-неуравновѣшенныхъ женщинъ, ни ужасныхъ условій фабричной жизни, ведущихъ къ одичанію населенія (Verwilderung der Siffen)—сразу уничтожить нельзя—нельзя сразу и замѣтно ихъ ослабить, а потому здѣсь я и не стану останавливаться на нихъ подробнѣе.

Сводя все вышеизложенное воедино, мы находимъ необходимымъ для уменьшенія проституціи:

1) Повысить безусловную охрану дѣвушекъ съ 10 лѣтъ—до 14 лѣтъ и условную съ 14 лѣтъ до 17 лѣтъ и въ такомъ смыслѣ редактировать 1524 ст. улож. о наказ.

2) Примѣчаніе къ 1532 ст. улож. о нак. измѣнить въ томъ смыслѣ, что изнасилованія, растлѣнія и обольщенія не достигшихъ 17 лѣтъ и всѣхъ несовершеннолѣтнихъ сиротъ (до 21 года) преслѣдуются ex officio.

3) Всѣмъ незаконнымъ дѣтямъ назначить опекуновъ ex officio по примѣру Запада.

4) Организованную торговлю несовершеннолѣтними и сводничество карать сообразно 924 ст. улож. о нак., говорящей о составленіи шаекъ.

5) Позаботиться о томъ, чтобы всѣмъ сиротамъ назначены были—какъ того требуетъ законъ—опекуны и указать въ законѣ тѣхъ лицъ, кои подъ страхомъ каръ обязаны доносить объ открывшихся сиротахъ опекунскимъ установленіямъ.

Что же касается редакціи тѣхъ статей уголовнаго уложенія, кои относятся къ интересующему насъ вопросу, то въ нихъ настоятельными представляются слѣдующія измѣненія:

1) 2—3 части 526 ст. угол. улож. исключить вовсе, оставивъ, такимъ образомъ, описанныя въ нихъ дѣянія подъ дѣйствіемъ 1 п. 501 ст.

2) 2 ч. 529 ст. угол. улож. исключить вовсе, оставивъ,

такимъ образомъ, дѣяніе, въ ней описанное, подъ дѣйствіемъ 498 ст., разъ по системѣ новаго кодекса нельзя разсматривать какъ покушеніе къ изнасилованію (2 п. 592 ст.) и разъ изъ 2 п. 500 ст. не исключать оговорки „не внесеннаго въ списки публичныхъ", оговорки, дѣлающей *впервые* различіе въ нашемъ законодательствѣ между потерпѣвшими женщинами Имперіи, различіе, дѣлящее женщинъ на два разряда: внесенныхъ въ административные „списки публичныхъ" и не внесенныхъ въ эти списки.

3) Въ 526 ст. угол. улож. исключить ту часть ея, которая говоритъ о „*склоненіи* къ промыслу непотребствомъ посредствомъ *насилія*", оставя, такимъ образомъ, описанное дѣяніе предусмотрѣннымъ 2 п. 522 ст.

4) Во 2 п. 524 ст. угол. улож. исключить слова „завѣдомо дѣвственною".

5) 1 ч. 529 ст. угол. улож. исключить, оставивъ дѣяніе, въ ней описанное, подъ дѣйствіемъ измѣненнаго 2 п. 524 ст.

6) 16-ти лѣтній возрастъ замѣнить 17-ти лѣтнимъ въ 505, 2 п. 513, 514, 1 п. 515, 1 п. 520, 521 и 524 ст. угол. улож.

А. Рубиновскій.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИЗМѢНЕНІИ ПОЛОЖЕНІЯ О ГОСУДАРСТВЕННОМЪ ПРОМЫСЛОВОМЪ НАЛОГѢ 8 ІЮНЯ 1898 ГОДА.

Прошло пять лѣтъ со дня введенія положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ 8 іюня 1898 года и уже поднятъ вопросъ объ его измѣненіи и дополненіи. Позволю себѣ высказать нѣсколько мыслей по этому предмету и взглядовъ, основанныхъ на наблюденіи.

По новому проекту, обсуждавшемуся на совѣщаніяхъ въ Министерствѣ, предполагается, между прочимъ, исключить изъ положенія роспись товарамъ, которыми не дозволяется торговать по промысловымъ свидѣтельствамъ 3 разряда. Исключеніе это есть прямое послѣдствіе принимаемыхъ по этому проекту для раздѣленія торговли на разряды слѣдующихъ признаковъ: оборота, числа служащихъ въ заведеніи и наемной платы за помѣщеніе. Какъ указываетъ опытъ, признаки эти чисто внѣшніе, могутъ быть использованы лишь тогда, когда торговля продолжается нѣсколько лѣтъ, до того же времени совершенно гадательные, какъ неимѣющіе подъ собою никакихъ основаній.

Скромная, не бьющая въ глаза обстановка торговаго заведенія не поддается опредѣленію по этимъ признакамъ, хотя оно имѣетъ обширную торговлю; вновь открытое торговое заведеніе можно опредѣлить по оборотамъ лишь во второй годъ. При настоящемъ положеніи торговли необходимо, по нашему мнѣнію, установить для разрядовъ торговли какой либо внѣшній, видимый признакъ, а для этого придержаться

въ этомъ случаѣ положенія 8 іюня 1898 г.; отмѣняемая по проекту роспись товарамъ, которыми нельзя торговать по свидѣтельствамъ 3 разр., должна остаться и въ новомъ положеніи. Роспись эта удовлетворяетъ самому существенному требованію, какое можно предъявить при состояніи нашей торговли, къ предпріятіямъ торговаго характера. По ней сразу можно судить, войдя въ торговое заведеніе, какого разряда должно быть свидѣтельство для данной торговли: и самому торговцу понятно и очевидно, какое промысловое свидѣтельство онъ долженъ имѣть, если пожелаетъ, по своимъ вкусамъ, открыть ту или иную торговлю. Все, что можно сказать противъ распубликованной 12 декабря 1898 г. № 155 росписи,—это относительно § 26, который слѣдовало бы изложить такъ: „недозволяется торговать всякаго рода матеріями и тканями, кромѣ русскаго простонароднаго ситца, бумазеи, каленкора, холста ручной работы, миткаля, нанки, китайки, сарпинки, кумача, кушаковъ, лентъ и тесьмы“. Изъ сравненія текста съ прежней редакціей видно, что тутъ вопросъ идетъ о ситцѣ, который можно бы разрѣшить въ продажѣ по свидѣтельствамъ 3 разряда для распространенія его среди народа.

Исключеніе этой росписи изъ положенія о налогѣ приведетъ къ большимъ недоразумѣніямъ на практикѣ: всякій торговецъ ищетъ случая взять какъ можно дешевле свидѣтельство и податному надзору трудно и почти невозможно доказывать этому торговцу на долгое время его обороты. Можно требовать веденія книгъ, но опытъ доказываетъ за частую, что книги ведутся или фальшиво, или вдвойнѣ,—однѣ для себя, а другія для надзора. Составители проекта новаго положенія, по всей вѣроятности, имѣли въ виду устройство налога въ городахъ Германіи, Франціи и—даже Италіи. Но дѣло въ томъ, что тамъ налогъ существуетъ на другихъ началахъ: во-1-хъ, налогъ этотъ предоставленъ собирать городамъ, а городскіе заправители и жители города, какъ люди заинтересованные, сами наблюдаютъ за каждымъ торговцемъ и, приблизительно зная ихъ обороты, требуютъ веденія книгъ. Тамъ трудно что-либо скрывать, гдѣ вмѣсто

одного податнаго инспектора, слѣдитъ за вашею торговлею сотня и даже больше глазъ. Налоги тамъ существуютъ больше нашихъ, но за то городъ даетъ своему жителю такія выгоды, о которыхъ у насъ и помышлять преждевременно. Канализація, больницы, школы и др.—все это лежитъ на обязанности города: во-2-хъ, городъ, распоряжаясь собираніемъ налога и зная каждую торговлю, дѣлаетъ этой торговлѣ возможныя послабленія: одни торговцы не платятъ налога вовсе, какъ, наприм., базарныя будки или вообще торгующіе только для пропитанія себя; другіе платятъ налогъ по срокамъ, что значительно облегчаетъ взносы, и третьи, наконецъ, какъ, напримѣръ, открывающіе торговлю, имѣютъ два мѣсяца льготныхъ, т. е. не платятъ ничего, пока не убѣдятся въ выгодности открытаго ими предпріятія. При такомъ порядкѣ едва-ли найдутся такіе, которые будутъ скрывать свои обороты, или будутъ сводить свои торговыя книги на нѣтъ, т. е. на безприбыльность и невозможность нести налоги.

Относительно торговыхъ предпріятій 4 разряда также необходимо установить внѣшній признакъ. Такимъ признакомъ легко признать помѣщеніе, ограничивъ его для этого разряда будкой, подваломъ, досчатой лавкой или просто темной комнатой извѣстнаго размѣра, съ запрещеніемъ торговли какимъ либо мануфактурнымъ товаромъ.

Что касается внѣшняго признака для предпріятій 1-го разряда, то для нихъ существуетъ очень наглядный признакъ по прежнему положенію, это—торговля оптомъ. Этотъ признакъ замѣтный и чрезвычайно наглядный и его не слѣдовало бы измѣнять. Иное дѣло—полуоптовая торговля, т. е. частію оптомъ, а частію въ розницу. Ее нельзя отнести ни къ оптовой торговлѣ по ея размѣрамъ ни къ спеціально розничной. Для этого рода торговли необходимо установить особый разрядъ съ уменьшенными ставками противъ оптовой торговли. Признаки этой торговли также трудно скрыть отъ надзора: при обревизованіи мелкихъ торговыхъ предпріятій всегда съ точностію можно узнать, откуда получается товаръ: мелкіе торговцы большею частью берутъ товаръ отъ полуоптовиковъ.

Перейду теперь къ разсмотрѣнію вопросовъ: какія предпріятія не слѣдуетъ освобождать отъ налога и на какія предпріятія необходимо повысить этотъ налогъ. Обо всѣхъ этихъ предпріятіяхъ необходимо говорить для того, чтобы налогъ сдѣлать болѣе равномѣрнымъ для всѣхъ предпріятій. Равномѣрность налога, съ одной стороны, справедлива, а съ другой, значительно облегчаетъ этотъ налогъ для плательщиковъ его. Касательно перваго вопроса, т. е. какія предпріятія не слѣдуетъ освобождать отъ налога, то изъ положенія 1898 г. видно, что сельскохозяйственныя мельницы съ извѣстнымъ числомъ поставовъ, а также крестьянскія освобождались отъ налога, хотя тѣ и другія принимаютъ для перемола чужое зерно. Но это не совсѣмъ справедливо. Если почти всѣ промыслы подлежатъ обложенію, то не найдется основаній освобождать указанныя мельницы, тѣмъ болѣе, что близъ лежащія мельницы, платящія налогъ, не могутъ конкурировать съ ними, и, съ другой стороны, другіе промыслы не такъ прибыльны, какъ сельскохозяйственныя мельницы, однако, платятъ налогъ. Слѣдовало бы привлечь къ налогу также и сельскохозяйственные винокуренные заводы: заводы эти даютъ значительную прибыль ихъ хозяевамъ и не могутъ по этой прибыли приравниваться ко многимъ промысламъ. Нашъ взглядъ вообще таковъ, что каждый промыселъ и ремесло слѣдовало бы привлечь къ налогу; конечно, мы здѣсь разумѣемъ такой промыселъ, гдѣ сосредоточивается сила человѣка и не распространяемъ его на тотъ промыселъ, гдѣ работаетъ одинъ работникъ, или гдѣ вопросъ идетъ только о пропитаніи семьи.

По второму вопросу: на какія предпріятія слѣдовало бы повысить ставки налога, то по этому предмету необходимо сказать, что въ прежнемъ положеніи нѣкоторыя промышленныя предпріятія не совсѣмъ удачно сгруппированы и оттого ускользали не только отъ налога, но и отъ дополнительнаго сбора. Сюда относятся заводы мыловаренные, кожевенные, стеариновые для выдѣлки различнаго рода водъ, типографіи, красильныя заведенія. Всѣ эти заведенія облагались по числу рабочихъ, отчего на дѣлѣ выходило такъ: мыловаренный за-

водъ при двухъ—четырехъ рабочихъ выдѣлываетъ до 250 пудовъ мыла въ мѣсяцъ, а выбираетъ промысловое свидѣтельство 8 разряда цѣною въ 2 руб.; оборотъ такого завода около 16—20 т. руб. и, не смотря на такой оборотъ, заводъ этотъ не привлекается къ дополнительной раскладкѣ, тогда какъ для мелочной лавки съ оборотомъ до 1500 руб. не только выбирается торговое свидѣтельство въ 15 руб. (по 3-му классу мѣстности), но владѣлецъ ея привлекается и къ дополнительной раскладкѣ. Типографія съ числомъ рабочихъ до 9 выбираетъ свидѣтельство 7 разряда, въ 5 руб., а оборотъ имѣетъ до 10 т. руб.; тоже не платитъ никакихъ сборовъ. На выдѣлку водъ при одномъ рабочемъ не выбирается промысловаго свидѣтельства, а оборотъ такого заведенія выше многихъ мелочныхъ лавокъ.

Вотъ почему справедливо было бы всѣ подобныя заведенія и заводы привлекать къ налогу, какъ пивоваренные заводы: т. е. къ платежу не ниже 6 разряда предпріятій и по 1-му классу мѣстности (см. прим. 3 къ § 2 разр. 8-го промышл. предпріятій).

Въ нынѣ дѣйствующемъ положеніи о промысловомъ налогѣ установлена слишкомъ сложная процедура дѣлопроизводства по раскладкѣ дополнительнаго раскладочнаго сбора; новымъ проектомъ это дѣлопроизводство значительно сокращается, но, по нашему мнѣнію, это производство еще больше можно сократить. Такъ называемымъ раскладочнымъ присутствіямъ можно было бы поручить устанавливать обороты и процентъ прибыльности каждаго предпріятія, соображаясь при томъ съ требованіемъ классификаціи, утвержденной палатою, и затѣмъ дальнѣйшее производство представлять палатѣ. Такимъ путемъ переписка у податныхъ инспекторовъ сократилась бы и они были бы свободны лѣтомъ, т. е. въ очень удобное время, изучать экономическое положеніе своего участка, знакомиться на мѣстѣ съ состояніемъ сельскаго хозяйства, промышленности и торговли. При существующемъ же порядкѣ, податные инспектора изъ за раскладки не могутъ въ лѣтнее время выѣзжать въ участокъ; въ особенности это чувствуется въ губернскихъ городахъ, съ раз-

витою торговлею. Если же передать канцелярскую работу по раскладкѣ въ палату, то преимущество такого порядка веденія дѣлъ прежде всего отразится на правильности въ процентѣ обложенія всѣхъ предпріятій, колеблющемся въ настоящее время по губерніи отъ 9 до 17 руб. на 1000 руб. прибыли. Между тѣмъ какъ въ губерніи можно и слѣдовало бы устанавливать одинъ процентъ обложенія.

Не излишнимъ было бы, при перемѣнѣ положенія о торговлѣ, остановиться на разсмотрѣніи совершенно новаго вопроса: пора бы, кажется, установить промысловыя свидѣтельства не только годовыя и полугодовыя, но и такъ называемыя сезонныя и полугодовыя на первое полугодіе, это существуетъ уже за границею и значительно облегчаетъ взносы промысловаго налога.

Для сезонныхъ билетовъ можно назначить срокъ съ 1 апрѣля по 1 октября или смотря потому, когда начинается сезонное время, а для полугодовыхъ свидѣтельствъ опредѣлить время шестью мѣсяцами. До сего времени на сезонъ выбирались годовыя свидѣтельства, но во многихъ мѣстностяхъ такое требованіе является крайне затруднительнымъ въ особенности, если сезонъ бываетъ неудачный: въ послѣднемъ случаѣ бываетъ такая масса злоупотребленій, что за ними и услѣдить нельзя. Были, говорю изъ достовѣрнаго источника, примѣры, что на одномъ изъ лечебныхъ курортовъ закрывали большую половину лавокъ, зная о пріѣздѣ для провѣрки торговли податнаго надзора, и въ такихъ случаяхъ податной надзоръ находится въ совершенно безвыходномъ положеніи: съ одной стороны, производство раскладки да и другой работы требуетъ усидчивости на мѣстѣ жительства, съ другой, злоупотребленія по торговлѣ въ курортныхъ мѣстахъ требуютъ также извѣстной усидчивости на курортномъ мѣстѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы были такъ называемыя сезонныя или мѣсячныя свидѣтельства, злоупотребленія исчезли бы, или, по крайней мѣрѣ, сократились на большую половину и предоставили тѣмъ возможность скорѣе услѣдить за ними. Единственное возраженіе, можетъ быть, относительно введенія такой системы по выдачѣ свидѣтельствъ заключается въ томъ,

что она доставила бы казначействамъ и податному надзору больше работы; вмѣсто одного пріема денегъ по свидѣтельствамъ приходилось бы дѣлать два—три; вмѣсто одной ревизіи торговыхъ предпріятій необходимо ихъ было дѣлать также двѣ—три. Но это возраженіе не можетъ выдержать критики, гдѣ, во-первыхъ, идетъ вопросъ о сотняхъ лицъ, нуждающихся въ такой разсрочкѣ, и, во-вторыхъ, гдѣ будетъ значительно поднятъ интересъ казны. Наконецъ, это возраженіе можетъ исходить скорѣе отъ лицъ, не знакомыхъ съ дѣломъ: можно установить такіе пріемы дѣлопроизводства, что работа эта почти не увеличится по казначействамъ. Что касается податнаго надзора, то его слѣдуетъ только увеличить торговыми депутатами.

При введеніи такого рода свидѣтельствъ слѣдовало бы отмѣнить существующее нынѣ правило о перемѣнѣ свидѣтельствъ однихъ на другія: необходимо допустить право широкаго обмѣна этихъ свидѣтельствъ съ зачетомъ какъ суммы, такъ и времени, на какое выбирается свидѣтельство, а чтобы не портить бланокъ,—взимать ихъ стоимость. Я не останавливаюсь дальше на этомъ вопросѣ, потомучто его можно разработать въ инструкціяхъ. Всѣ эти льготы по торговлѣ принесли бы значительный интересъ казнѣ и были бы не безполезны для промышленниковъ и торговцевъ.

Въ совѣщаніяхъ, бывшихъ въ Министерствѣ Финансовъ въ прошломъ году, много было высказано возраженій относительно намѣренія Министерства увеличить налогъ для торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. Считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ и по этому предмету. Въ самомъ дѣлѣ, слѣдуетъ ли увеличивать этотъ налогъ? Нужды государства велики, и ихъ нужно такъ или иначе удовлетворять. Удовлетворяются эти налоги частью землевладѣльцами, и налоги эти такъ значительны, что они во многихъ случаяхъ не по силамъ землевладѣльцамъ, тѣмъ болѣе, что раціональныхъ хозяйствъ у насъ въ Россіи мало и имъ не справиться съ своими неотложными издержками. Гдѣ хозяйства находятся въ болѣе развитомъ состояніи, тамъ налоги не тяжелы, и уплачиваются безнедоимочно. Крестьянскія же хозяйства край-

не неудовлетворительны, ихъ бы слѣдовало побольше освобождать отъ тяжести налога. Въ иномъ отношеніи находятся промышленники и торговцы; почти всю тяжесть обложенія они переносятъ на покупателя и потому имъ слѣдуетъ только производить и продавать товаръ, который требуется спросомъ. Въ покупкѣ и продажѣ они имѣютъ громадныя льготы: кредитъ, синдикаты, льготы въ пошлинахъ. Есть торговцы и промышленники, которые, не имѣя никакого состоянія, проживаютъ и прожигаютъ сотни тысячъ денегъ. Почему же на такой классъ и не повысить налогъ? Конечно, повышеніе предполагается умѣренное, не скачками, соразмѣрно развивающейся торговли и промышленности и соотвѣтственно ихъ доходности.

Вотъ почему буду говорить о томъ, какъ повысить налогъ? Повышеніе налога можетъ быть произведено чрезъ переводъ извѣстной мѣстности въ высшій классъ. Но такой переводъ, очевидно, нужно дѣлать съ нѣкоторою осмотрительностью, собравши, по возможности, вѣрныя статистическія данныя. Если бы законъ допустилъ взносы промысловаго налога по частямъ, то почти всѣ мѣстности можно было бы перевести въ высшій классъ, или если не переводить, то сумму налога можно было бы увеличить на 20%, а это доставило бы государству громадный доходъ. Затѣмъ раскладочный сборъ или дополнительный налогъ слѣдовало бы разложить на большее число торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. Напримѣръ, къ этому сбору слѣдуетъ привлечь торговыя предпріятія 3-го и 4-го разряда во всѣхъ мѣстностяхъ и промышленныя предпріятія 7 разряда. Привлекая эти предпріятія къ названному сбору можно и увеличить его, чѣмъ однако же почти не измѣнится тяжесть налога, существующая въ данное время для всѣхъ предпріятій.

Мар. Л—Кушина.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

А. Л. Байковъ. „*Современная международная правоспособность папства въ связи съ ученіемъ о международной правоспособности вообще. Историко-догматическое изслѣдованіе*". СПб. 1904.

Въ настоящее время развертывается и уже почти дошла до кульминаціоннаго пункта грандіозная и великая по своимъ замысламъ и историческимъ послѣдствіямъ борьба Франціи за секуляризацію государства и за освобожденіе отъ остатковъ политической зависимости отъ Римской куріи. Эта борьба, несвободная отъ нѣкоторыхъ крайностей и ошибокъ, неизбѣжныхъ при всякой борьбѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ ведется чрезвычайно мужественно и упорно и обѣщаетъ на этотъ разъ закончиться полнымъ торжествомъ идеи свѣтскаго государства и полной свободы церкви. И въ это время у многихъ, интересующихся эволюціей западно-европейской культурной и соціальной жизни людей поневолѣ возникаетъ часто вопросъ: что же такое св. престолъ и руководимая имъ католическая церковь—государство ли это со всѣми присущими государству правами и элементами или же особый организмъ, только претендующій на имя государства, лишенный, однако, всякихъ правъ на такое притязаніе? И если онъ—не государство, то можно ли все таки признавать его субъектомъ международнаго права? Съ этой точки зрѣнія очень своевременнымъ является вышедшій недавно рецензируемый нами трудъ юриста-международника А. Байкова. Авторъ ставитъ своей основной задачей—отвѣтить на вопросъ: представляетъ ли собою св. престолъ организмъ, обладающій всѣми элементами международной правоспособности, и есть ли онъ, такимъ образомъ, субъектъ международнаго права или нѣтъ?

Однако, хотя безусловной заслугой автора слѣдуетъ считать уже самую постановку и научную разработку этого сложнаго вопроса, особенно въ нашей, бѣдной вообще по историко-юридическимъ вопросамъ литературѣ, мы все же должны, къ сожалѣнію, съ самаго начала отмѣтить, что мы не можемъ согласиться съ категорическимъ утвердительнымъ отвѣтомъ г. Байкова на поставленный имъ основной вопросъ. Въ настоящей замѣткѣ мы изложимъ ходъ мыслей и окончательные выводы книги г. Байкова и затѣмъ приведемъ по этому поводу свои соображенія и заключенія, согласно которымъ, какъ увидитъ читатель, за св. престоломъ международной правоспособности по праву и въ полномъ объемѣ признать нельзя.

Возникновеніе „римскаго вопроса" относится къ 1870 г.—году паденія церковнаго государства и созданія объединеннаго Итальянскаго королевства. Римская курія, лишенная послѣ капитуляціи Рима и отнятія у нея церковной области власти свѣтскаго государя, не перестаетъ до нынѣшняго дня протестовать противъ несправедливой по ея мнѣнію узурпаціи; болѣе того—и римскіе папы въ своихъ энцикликахъ и буллахъ и ученые куріалистскаго направленія настаиваютъ на томъ, что, даже если бы у папства и не было никакой территоріальной власти, католическая церковь была бы тѣмъ не менѣе международно-правоспособнымъ организмомъ въ силу присущаго св. престолу религіознаго верховенства (надъ церковью). Наоборотъ, ученые—итальянисты и въ значительной степени и само итальянское правительство не перестаютъ доказывать, что св. престолъ, лишенный послѣ капитуляціи Рима территоріальной власти и политической независимости, не можетъ считаться правоспособнымъ въ международномъ отношеніи организмомъ, и тѣ особенныя привиллегіи (неприкосновенность папы и его мѣста жительства, право имѣть своихъ представителей и др.), которыми св. престолъ обладаетъ, суть не что иное, какъ льготы, изъ-за политическихъ соображеній дарованныя папству такъ называемымъ „Закономъ о гарантіяхъ", принятымъ итальянскимъ парламентомъ въ маѣ 1871 г.; ученые—итальянисты говорятъ, что папскія привиллегіи—плодъ внутренняго законодательства итальянскаго государства, и не признаютъ за св. престоломъ основныхъ международныхъ правъ: правъ договора, представительства и принужденія.

Непримиримость этихъ двухъ преобладающихъ въ наукѣ мнѣній обостряется помимо всего прочаго еще и тѣмъ, что римскій вопросъ не является пока вопросомъ чисто академическимъ; въ

рѣшеніи его заинтересована не только наука; онъ гораздо больше— вопросъ жизни, вопросъ, отъ рѣшенія котораго въ томъ или иномъ смыслѣ зависитъ національная самостоятельность Италіи и секуляризація государствъ, съ одной стороны, или утвержденіе свѣтскаго могущества папъ—съ другой. Поэтому и сами ученые не всегда являются вполнѣ безпристрастными въ этомъ вопросѣ и руководствуются часто своими политическими симпатіями, и поэтому же обѣ спорящія стороны—куріалисты и итальянисты—такъ упорно защищаютъ свои позиціи. Кромѣ того и самая шаткость основныхъ нормъ науки международнаго права служитъ не малымъ препятствіемъ къ правильному теоретическому рѣшенію даннаго вопроса.

Г. Байковъ чуждъ всякой предвзятой политической точки зрѣнія на римскій вопросъ; онъ старается не примѣшивать и этическо-религіозной оцѣнки: онъ беретъ папство лишь „какъ опредѣленное историческое явленіе и, подвергая тщательному анализу его дѣйствительное содержаніе, отвлекаетъ присущіе ему элементы, необходимые для международно-правовой конструкціи церковно-государственныхъ отношеній". Римскій вопросъ интересуетъ его съ точки зрѣнія теоретическаго построенія нормъ международнаго права; и, разсматривая съ этой точки зрѣнія международное положеніе св. престола, онъ приходитъ къ признанію за нимъ права на международную личность, не соглашаясь этимъ съ выводами итальянистовъ, но и не считая притомъ правильными доказательства куріалистовъ. Г. Байковъ не считаетъ религіозное верховенство св. престола достаточнымъ для признанія международной личности папства, какъ полагаютъ куріалисты; признаніе за св. престоломъ международной личности обусловливается, по его мнѣнію, непремѣнно *политическою* эмансипаціей, гарантирующей церкви, въ лицѣ папы, свободу и независимость по отношенію къ государству. Но, съ другой стороны, онъ не считаетъ нужнымъ для признанія за папствомъ международной правоспособности существованіе *церковнаго государства* и доказываетъ, что оставшаяся послѣ капитуляціи Рима за папой *экстерриторіальная* власть достаточно обезпечиваетъ ему право на международную личность. „Законъ о гарантіяхъ" Байковъ не считаетъ актомъ внутренняго законодательства итальянскаго государства по отношенію къ подвѣдомственному ему политически св. престолу, а лишь внутреннимъ итальянскимъ закономъ, заставляющимъ итальянское населеніе *признать* присущіе суверенному, свободному и независимому

св. престолу помимо воли Италіи элементы международной правоспособности (стр. XXXV). Однимъ словомъ, „капитуляція Рима, положивъ конецъ дальнѣйшему существованію церковнаго государства, не уничтожила свѣтской власти папства, ограничивъ, однако, послѣднюю по содержанію и внѣшнимъ формамъ ея выраженія“.

Книга раздѣлена авторомъ на три части. Изъ нихъ первая посвящена историческому очерку развитія элементовъ международной правоспособности папства, во второй—авторъ строитъ свою теоретическую конструкцію международной правоспособности вообще и третья (наиболѣе обширная) имѣетъ своей задачей разсмотрѣніе современной международной правоспособности папства на основаніи схемы, выработанной во второй части. Въ историческомъ очеркѣ, свидѣтельствующемъ объ изученіи авторомъ богатой литературы на иностранныхъ языкахъ по политической, соціальной и юридической исторіи римской церкви, но не чуждой, къ сожалѣнію, (какъ и всякая попытка схематизировать съ опредѣленной точки зрѣнія слишкомъ большія эпохи исторіи и слишкомъ сложныя соціальныя явленія) нѣкоторыхъ не вполнѣ правильныхъ обобщеній и взглядовъ, авторъ слѣдитъ за постепеннымъ развитіемъ у папства элементовъ международной правоспособности—суверенитета, свободы и независимости—вплоть до паденія Рима въ 1870 г. Развитіе это можно изобразить, по г. Байкову, въ слѣдующемъ видѣ. До понтификата Григорія VII надъ римскою церковью господствуетъ государство; но благопріятныя историческія условія и существенные интересы римской церкви привели къ паденію епископальный режимъ [1]) въ церкви и возвысили суверенную власть самого св. престола; абсолютное же установленіе религіознаго суверенитета св. престола достижимо лишь при обладаніи политической свободой и независимостью; папство, пріобрѣтая эти три элемента международной правоспособности, отрицаетъ ихъ наличность у государствъ и становится *надъ* государствами (причина этой власти папства надъ государствами кроется въ религіозномъ суверенитетѣ, папы съ одной, стороны и абсолютномъ режимѣ государствъ—съ другой, такъ какъ въ абсолютной монархіи юридическій представитель государственной власти—монархъ, а монархъ, какъ человѣкъ, стоитъ въ абсолютной зависимости отъ сувереннаго св. престола). Наступив-

---

[1]) Епископальный режимъ—есть порядокъ, когда высшимъ органомъ церкви является соборъ епископовъ всей церкви, а не папа, подвластный при этомъ режимѣ собору.

шій въ эпоху Авиньонскаго плѣна глубокій упадокъ папства (великая католическая схизма) влечетъ за собой вновь ограниченіе папской власти въ пользу собора (постановленія Констанцскаго и Базельскаго соборовъ) и тѣмъ самымъ подпаденіе церкви подъ давленіе свѣтскихъ государствъ (галликанскія вольности и т. д.); но нежизнеспособность соборно-епископіальнаго режима, въ связи съ угрожающими успѣхами реформаціи, приводитъ вновь къ возстановленію религіознаго суверенитета Св. Престола (Тридентск. соборъ; въ дальнѣйшемъ кульминаціонный пунктъ централизаціи католической церкви—Ватиканскій соборъ 1870 г., признавшій непогрѣшимость папы); отношенія свѣтской и духовной властей начинаютъ въ эту эпоху конструироваться на началахъ равенства, но все же духовная власть продолжаетъ угрожать своимъ господствомъ свѣтскимъ государствамъ при абсолютно-монархической формѣ ихъ устройства. Новая эра во взаимныхъ отношеніяхъ церкви и государствъ открывается со времени французской революціи, когда католическія государства получаютъ вышедшій изъ идей народной свободы конституціонный строй; съ уничтоженіемъ абсолютизма исчезаетъ одинъ изъ двухъ (абсолютизмъ государства и суверенитетъ св. престола) факторовъ господства духовной власти надъ свѣтской, что окончательно эмансипируетъ католическія государства изъ подъ политической опеки св. престола. Это движеніе завершается въ Италіи созданіемъ національнаго итальянскаго конституціоннаго государства и уничтоженіемъ свѣтскаго государства папы. Но это уничтоженіе свѣтскаго государства св. престола все же не лишаетъ его, по мнѣнію Байкова, международной правоспособности, такъ какъ основные 3 элемента международной правоспособности за св. престоломъ остаются. Это авторъ и задается цѣлью доказать въ слѣдующихъ двухъ частяхъ.

Во второй части своего труда авторъ доказываетъ положеніе, что необходимымъ условіемъ признанія какого-либо общественнаго организма субъектомъ международнаго права является наличность *суверенитета, свободы и независимости*, такъ какъ это—три существенныхъ органически связанныхъ между собою элемента международной правоспособности вообще и такъ какъ совокупность основныхъ и производныхъ международныхъ правъ и обязанностей органически связаны съ этими тремя элементами. Онъ даетъ сперва точныя опредѣленія суверенитета (верховенства), свободы и независимости, причемъ отмѣчаетъ, что „трудность конструкціи суверенитета, наличность котораго является необходимымъ условіемъ

участія въ составѣ международнаго общества, въ значительной мѣрѣ коренится въ смѣшеніи (въ наукѣ) понятія верховенства съ понятіями свободы и независимости, имѣющими вполнѣ самостоятельное значеніе“ (ст. XXXVII); затѣмъ онъ характеризуетъ *основныя права*, присущія международно-правоспособному организму—права договора, представительства и принужденія, органически связанныя съ элементами международной правоспособности, и въ заключеніе доказываетъ, что всякій суверенный, свободный и независимый организмъ—тѣмъ самымъ есть субъектъ международнаго права, опредѣляется въ составѣ принадлежащей ему компетенціи международно-правовыми началами, „совмѣстное же бытіе такихъ международно-правоспособныхъ организмовъ, ограничивая ихъ естественную независимость, вызываетъ необходимость гарантій, могущихъ имъ обезпечить осуществленіе правъ въ границахъ принадлежащей имъ компетенціи“.

Точное выясненіе научныхъ понятій—суверенитета, свободы и независимости, ихъ сущности, содержанія и формъ выраженія чрезвычайно важно, такъ какъ авторъ безусловно правъ, утверждая, что главная причина всѣхъ разногласій въ вопросѣ, признать ли или нѣтъ какой либо организмъ правоспособнымъ въ международныхъ отношеніяхъ, кроется въ туманности, спорности и невыясненности до сихъ поръ въ наукѣ этихъ трехъ элементовъ международной правоспособности. Поэтому, для ясности и убѣдительности 3-й части, намъ необходимо вкратцѣ изложить конструкцію этихъ элементовъ, какъ ее излагаетъ авторъ. Суверенитетъ г. Байковъ опредѣляетъ какъ „власть, господство которой, въ границахъ принадлежащей ей компетенціи, не обусловливается въ своемъ бытіи властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ“; власть эта выражается въ двухъ, органически между собою связанныхъ, формахъ: территоріальной и личной (внѣ зависимости отъ территоріи). Территоріальная же власть, въ свою очередь, выражается (и это очень важно для построенія системы Байкова) въ трехъ, органически между собою связанныхъ, формахъ—территоріальной въ тѣсномъ смыслѣ слова, экстерриторіальной и детерриторіальной: а) „территоріальная власть въ тѣсномъ смыслѣ есть форма господства, въ силу которой данный общественный организмъ, соразмѣрно содержанію присвоенной ему власти, подчиняетъ всѣхъ лицъ, находящихся въ предѣлахъ принадлежащей ему территоріи, не обусловливаясь, при этомъ, властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ“, б) „экстерриторіальная власть есть

форма господства, въ силу которой данный общественный организмъ, въ предѣлахъ принадлежащей ему территоріи, исключаетъ аналогичное ему по содержанію господство другихъ организмовъ, не обусловливаясь, при этомъ, властью послѣднихъ или согласіемъ подчиняемыхъ“ (т. е. является однимъ словомъ отрицательной формой первой власти) и в) „детерриторіальная власть есть форма господства, въ силу которой эвентуально недостающія данному общественному организму территоріальныя формы верховенства возстанавливаются въ его пользу „ipso jure“ по прекращенію ограничительныхъ условій, исключавшихъ обладаніе послѣдними“. При этомъ первая изъ этихъ трехъ формъ территоріальной власти необходимо обусловливается второю, но вторая и третья могутъ быть присущи общественному организму безъ первой.

Далѣе, *свободу* авторъ характеризуетъ какъ „юридическое состояніе, въ силу котораго данный общественный организмъ, властвуя въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, исключаетъ господство надъ собой какой бы то ни было власти, кромѣ собственной“ (т. е. это—отрицательная форма суверенитета). Свобода выражается въ двухъ формахъ—объективной и субъективной: свобода соціальнаго организма, какъ юридической личности, какъ идеальнаго субъекта—есть свобода объективная, а свобода его волеобразовательнаго органа, *реальнаго* носителя его власти — есть свобода субъективная. Третій же элементъ *независимость*, по опредѣленію Байкова, есть „юридическое состояніе, въ силу котораго данный общественный организмъ, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, не обусловливается въ осуществленіи власти отсутствіемъ (некомпетентностью) или бездѣйствіемъ власти другихъ организмовъ“. Подъ конецъ слѣдуетъ отмѣтить, что, по мнѣнію Байкова, всѣ три элемента органически связаны между собою: суверенитетъ какого нибудь соціальнаго организма обусловливается объективной свободой (но не субъективной свободой или независимостью), свобода, и объективная и субъективная, немыслима безъ суверенитета (но мыслима безъ независимости), для того же, чтобы быть независимымъ, соціальный организмъ необходимо долженъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ объективно и субъективно свободнымъ и суверенным.

Изложенная въ самомъ сжатомъ видѣ теоретическая конструкція автора международной правоспособности вообще представляетъ собою безусловно нѣчто новое, такъ какъ во 1-хъ пытается точно расчленить эту правоспособность на составные ея элементы и во 2-хъ хочетъ поколебать господствующую въ наукѣ доктрину, разсматри-

вающую государство (т. е. организмъ, обладающій территоріальной властью вообще) въ качествѣ единственнаго субъекта международнаго права, между тѣмъ какъ авторъ считаетъ правоспособнымъ и такой соціальный организмъ, который былъ бы лишенъ территоріальной власти въ тѣсномъ смыслѣ слова и обладалъ бы лишь *экстерриторіальной* властью. Такимъ организмомъ онъ считаетъ папство, и потому мы ниже на этомъ подробно остановимся. При всей оригинальности этой конструкціи, мы, однако, не можемъ не поставить въ упрекъ автору недостаточную научную ясность, прозрачность и точность ея: опредѣленія понятій суверенитета и независимости недостаточно убѣдительны и туманны и не исключаютъ возможности нѣкоторыхъ сомнѣній и недоумѣній; то же самое слѣдуетъ сказать и объ опредѣленіи детерриторіальной власти.

Въ 3-ей, самой главной части своего труда авторъ строитъ на началахъ и схемѣ, выработанной во второй части, международную правоспособность папства. Сперва онъ доказываетъ, что св. престолъ обладаетъ суверенитетомъ (верховенствомъ), свободой и независимостью, органически связанными между собою. *Суверенныиъ* онъ является, по мнѣнію г. Байкова, потому, что его власть, въ предѣлахъ принадлежащей ей компетенціи, не обусловливается въ своемъ бытіи властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ. Проявляется его верховенство въ двухъ формахъ— территоріальной и личной. *Личное* верховенство авторъ признаетъ за св. престоломъ безусловно, такъ какъ онъ господствуетъ, въ качествѣ главы церкви, надъ католическою паствою и вмѣстѣ съ тѣмъ исключаетъ аналогичное, по содержанію, господство надъ нею другихъ организмовъ, безъотносительно къ территоріи въ предѣлахъ которой пребываетъ паство. Но вопросъ о *территоріальной* власти папства вызвалъ особенно жаркіе споры въ литературѣ, и къ его разрѣшенію авторъ прилагаетъ особенныя старанія. Онъ подробно разбираетъ событія 1870 г. и условія капитуляціи Рима и приходитъ къ слѣдующему выводу (стр. 256): капитуляція Рима утвердила *абсолютное* стратегическое господство Италіи въ предѣлахъ территоріи, нѣкогда входившей въ составъ церковнаго государства, и *относительное* стратегическое господство Италіи по отношенію къ Ватикану, хотя абсолютное стратегическое господство надъ Ватиканомъ, не оккупированнымъ непосредственно Итальянскими войсками, осталось за св. престоломъ; отсюда по необходимости слѣдуетъ, что капитуляція Рима 20 сентября 1870 г. уничтожила территоріальное, въ тѣсномъ смыслѣ слова, верховен-

ство св. престола на всемъ протяженіи церковнаго государства, не исключая и Ватикана—а это, въ свою очередь влечетъ за собой неизбѣжно и признаніе паденія *церковнаго государства*, такъ какъ существованіе государства необходимо обусловливается наличностью территоріальной власти въ тѣсномъ смыслѣ слова. Но паденіе церковнаго государства не повлекло за собой уничтоженія у св. престола территоріальной власти *вообще*, потомучто св. престолъ не потерялъ въ предѣлахъ Ватикана экстерриторіальной и детерриторіальной власти. Въ предѣлахъ Ватикана, какъ полагаетъ Байковъ, Италія до настоящаго времени не обладаетъ территоріальнымъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, верховенствомъ (такъ какъ капитуляція 20 сентября сохранила за св. престоломъ Ватиканъ и Леонинское предмѣстье; послѣднее, впрочемъ, черезъ нѣсколько же дней отошло къ Италіи); въ предѣлахъ Ватикана, Св. Престолъ исключаетъ аналогичное, по содержанію, господство другихъ организмовъ—слѣдовательно и необходимо признать *экстерриторіальную власть* Св. Престола въ предѣлахъ Ватикана; при этомъ авторъ утверждаетъ, что экстерриторіальность св. престола есть форма *власти, верховенства*, а не простыхъ полномочій, дарованныхъ папѣ Италіей, такъ что „законъ о гарантіяхъ" является лишь *признаніемъ* этой формы власти, а не ея источникомъ. Изъ экстерриторіальности св. престола въ предѣлахъ Ватикана авторъ выводитъ далѣе (утвержденное за св. престоломъ „закономъ о гарантіяхъ") право осуществлять въ его предѣлахъ всѣ полицейскія функціи, необходимыя для огражденія безопасности въ предѣлахъ данной мѣстности, и право административнаго управленія, затѣмъ изъ нея же онъ выводитъ и право гражданской юрисдикціи куріи, такъ какъ всѣ эти права непосредственно вытекаютъ изъ экстерриторіальной формы верховенства; права же уголовной юрисдикціи св. престолъ лишенъ, такъ какъ послѣдняя предполагаетъ наличность территоріальной власти въ тѣсномъ смыслѣ слова, нынѣ утерянной папствомъ. Кромѣ обладанія экстерриторіальной властью, г. Байковъ отмѣчаетъ еще, что капитуляція 20 сентября не уничтожила детерриторіальной власти св. престола въ предѣлахъ Ватикана, и что св. престолъ является, поэтому, субъектомъ детерриторіальной формы верховенства, потомучто недостающая ему, въ предѣлахъ Ватикана, территоріальная власть въ тѣсномъ смыслѣ слова возстановляется въ пользу куріи „ipso jure" по прекращеніи ограничительныхъ условій, исключающихъ обладаніе данною формою верховенства.

Далѣе авторъ доказываетъ, что св. престолъ является *свободнымъ* по отношенію къ государству и прочимъ религіознымъ и политическимъ организмамъ, такъ какъ исключаетъ въ границахъ принадлежащей ему компетенціи господство надъ собою какой бы то ни было власти не только въ вопросахъ религіознаго характера, но и политическаго, поскольку глава католической церкви является экстерриторіальнымъ по отношенію къ государству и пользуется прерогативой внѣподданства; согласно различію между реальнымъ и идеальнымъ субъектами власти вообще, свобода св. престола облекается въ двоякую форму: папа, какъ глава церкви, свободенъ субъективно (въ силу его внѣподданства), а самая церковь—союзъ вѣрующихъ, связанныхъ въ одно соціальное цѣлое общностью религіозной цѣли и власти—свободна объективно. При этомъ, по мнѣнію Байкова, свобода св. престола отнюдь не вытекаетъ изъ „закона о гарантіяхъ", т. е. не является производной, а обусловливается экстерриторіальностью и внѣподданствомъ папства, т. е. вполнѣ самобытна; „Законъ о гарантіяхъ"—*не источникъ* свободы св. престола, а лишь актъ, которымъ Италія *признала* для себя обязательными юридическіе выводы изъ нея. Такимъ образомъ авторъ здѣсь, при опредѣленіи свободы св. престола, не соглашаясь съ мнѣніемъ итальянистовъ, будто св. престолъ не обладаетъ территоріальною властью и тѣмъ самымъ не обладаетъ и зависимой отъ нея свободой, вмѣстѣ съ тѣмъ опровергаетъ и мнѣніе куріалистовъ, будто католическая церковь, *какъ таковая*, является субъектомъ международнаго права, независимо отъ вопроса о территоріальномъ верховенствѣ куріи, а слѣдовательно и отъ вопроса о субъективной свободѣ св. престола, гарантируемой территоріальной формой верховенства.

И наконецъ авторъ доказываетъ, что „св. престолъ, субъективно свободный по отношенію къ государству, является *независимымъ*, не обусловливаясь, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, отсутствіемъ (некомпетентностью) или бездѣйствіемъ власти другихъ организмовъ"; источникъ независимости онъ усматриваетъ въ экстерриторіальности и внѣподданствѣ папы, которыя изъемлютъ католическую церковь изъ подчиненія государству и гарантируютъ ей субъективную свободу по отношенію къ послѣднему.

Такимъ образомъ, установивъ за св. престоломъ суверенитетъ, свободу и независимость, авторъ приходитъ къ признанію за св. престоломъ международной правоспособности; и, соотвѣтственно этому

своему мнѣнію, онъ разбираетъ разныя научныя теоріи по вопросу о международной правоспособности папства, указывая ихъ слабыя стороны. Затѣмъ авторъ доказываетъ, что папству, обладающему элементами международной правоспособности, присуща и совокупность органически между собой связанныхъ *международныхъ правъ и обязанностей*, такъ какъ они тѣсно связаны съ элементами правоспособности и изъ послѣднихъ вытекаютъ. Въ частности, св. престолу, какъ всякому суверенному, свободному и независимому организму, присуще самое главное—основныя международныя права: *договорное* право, такъ какъ онъ „обязуется, въ предѣлахъ своей компетенціи, не иначе, какъ въ силу собственной воли"; право международнаго *представительства*, такъ какъ онъ „выражаетъ свою волю, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, при посредствѣ самостоятельныхъ органовъ въ области взаимныхъ сношеній католической церкви съ другими, равноправными ей, организмами, безотносительно при этомъ къ компетенціи послѣднихъ"; наконецъ, международное право *принужденія*, такъ какъ „онъ управомоченъ нарушать компетенцію организмовъ, господство которыхъ осуществляемое хотя бы въ границахъ принадлежащей имъ компетенціи, нарушаетъ компетенцію католической церкви".

Разъ св. престолъ является суверреннымъ, свободнымъ и независимымъ по отношенію къ государству, то онъ въ силу этого опредѣляется въ составѣ принадлежащей ему компетенціи международно-правовыми началами, основанными на равенствѣ международно-правовыхъ организмовъ, а не на ихъ взаимномъ подчиненіи: абсолютная компетенція его опредѣляется признаніемъ тѣхъ основныхъ международныхъ правъ и обязанностей, которые ему присущи, а относительная компетенція—договорами, которые опредѣляютъ его производныя права и обязанности. При этомъ совмѣстное бытіе государства и церкви (католич.), взаимно ограничивая независимость обѣихъ властей—духовной и свѣтской—вызываетъ необходимость международныхъ гарантій, могущихъ имъ обезпечить осуществленіе правъ въ границахъ принадлежащей имъ компетенціи и устранить коллизіи между государствомъ и св. престоломъ въ вопросахъ смѣшанной компетенціи. Въ связи съ этимъ авторъ разсматриваетъ взаимныя отношенія св. престола и другихъ государствъ за исключеніемъ Италіи, затѣмъ отношенія св. престола и Италіи и отношенія Италіи и прочихъ державъ по поводу римскаго вопроса и разбираетъ вопросъ, чѣмъ обезпечивается въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ независимость религіоз-

ныхъ и политическихъ организмовъ. Онъ подробно разбираетъ содержаніе, юридическую природу и политическое значеніе „Закона о гарантіяхъ“ и существующія о немъ у ученыхъ (и у Куріи и Квиринала) различныя мнѣнія и приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) изъ „Закона о гарантіяхъ“ вытекаютъ суверенитетъ св. престола (экстерриторіальность Ватикана и личная форма верховенства св. престола), объективная свобода его (статьи о невмѣшательствѣ государства во внутреннія дѣла церкви), субъективная свобода (внѣподданство папы), независимость по отношенію къ Итальянскому правительству (вытекающая изъ субъективной свободы), а также вытекаютъ и основныя международныя права св. престола—право международнаго представительства, затѣмъ косвенно—право договора и принужденія. 2) Самый „законъ о гарантіяхъ“ не есть актъ внутренняго законодательства по отношенію къ подчиненному Италіи свят. престолу и названныя въ немъ права св. престола не суть привилегіи, дарованныя Италіей римской куріи: „Законъ о гарантіяхъ“, по мнѣнію г. Байкова, есть актъ, посредствомъ котораго итальянское правительство *признало* для себя обязательными тѣ выводы, которые слѣдуетъ вывести изъ современнаго юридическаго положенія Св. Престола; оно *признало* этимъ тѣ международныя права, которыя присущи св. престолу, какъ суверенному, свободному и независимому организму; а признать эти права итальянское правительство *принуждено* не только потому, что это признаніе вытекаетъ изъ наличности у св. престола элементовъ международной правоспособности, но и потому, что основныя и производныя международныя обязанности Италіи по отношенію къ прочимъ державамъ вынуждаютъ ее къ этому (такъ какъ прочія державы заинтересованы въ сохраненіи за св. престоломъ свободы и независимости отъ Итальянскаго правительства). Такимъ образомъ „Законъ о гарантіяхъ“ является не исключительно внутреннимъ государственнымъ актомъ, а ему присущъ и международный характеръ.

Таковъ въ самомъ сжатомъ видѣ ходъ мыслей автора, приведшій его къ категорическому признанію за Св. Престоломъ международной правоспособности. Мы не можемъ согласиться съ конечнымъ выводомъ и отдѣльными моментами его построенія и позволимъ себѣ вкратцѣ изложить свои замѣчанія. Оговариваемся, что мы даже не будемъ подвергать критикѣ выработанную г. Байковымъ теоретическую схему международно-правоспособнаго организма (хотя мы уже упоминали, что она не вполнѣ насъ удовле-

творяетъ), а лишь разсмотримъ современное положеніе папства съ точки зрѣнія этой же схемы. Авторъ признаетъ, что капитуляція Рима лишила св. престолъ территоріальной власти въ тѣсномъ смыслѣ слова, и тѣмъ самымъ св. престолъ теперь болѣе не свѣтское государство; но все же онъ обладаетъ разными свѣтскими правами, онъ обладаетъ элементами международной правоспособности, и потому онъ—международно-правоспособный организмъ. Намъ кажется, однако, что наличность этихъ 3 элементовъ, также какъ и обладаніе международными правами далеко не такъ ясна и безусловна, какъ полагаетъ авторъ. Съ самаго начала, напримѣръ, можно сомнѣваться, дѣйствительно ли *личная* форма суверенной власти св. престола такъ безспорна? Личная власть связана съ правомъ принужденія, которое авторъ напрасно такъ категорически приписываетъ церкви: вѣдь не подчиниться наказанію или угрозѣ *государственной* власти, уйти изъ государства, чтобы избѣгнуть наложеннаго уже наказанія—нельзя, между тѣмъ какъ принужденіе у *церкви* болѣе нравственное, чѣмъ юридическое; личная власть церкви лишена элементовъ авторитетнаго воздѣйствія, и по аналогіи можетъ быть уподоблена власти какого нибудь общества, клуба, массонской ложи, власти, *обусловленной согласіемъ подчиняемыхъ*: разъ человѣкъ въ этомъ обществѣ участвуетъ, онъ обязывается подчиняться его правиламъ, но самое участіе въ немъ зависитъ отъ его воли и согласія. Что касается далѣе *территоріальной* власти, то она, во-первыхъ, по признанію самого автора, *съужена* до обладанія лишь экстерриторіальной и детерриторіальной властями. Но намъ кажется, во-вторыхъ, что и самая экстерриторіальная власть опять-таки не можетъ быть съ полной категоричностью приписана св. престолу. Итальянскія войска завоевали *все* Церковное государство и лишь изъ-за политическихъ соображеній (а не юридическихъ) не вошли на Ватиканскую территорію, изъ-за политическихъ же соображеній за св. престоломъ признана Италіей „закономъ о гарантіяхъ“ экстерриторіальная власть, и намъ кажутся не совсѣмъ убѣдительными приводимыя г. Байковымъ доказательства того, что эта экстерриторіальная власть признана за св. престоломъ въ силу юридической необходимости, т. е. иными словами—что экстерриторіальная власть Св. Престола самобытна, а не производна [1]). А тѣ *права*, которыми,

[1]) Возьмемъ примѣръ изъ современной политич. жизни: еслибы японцы, при взятіи Мукдена, боясь взрыва религіознаго фанатизма китайскаго народа, не

какъ полагаетъ авторъ, св. престолъ пользуется въ силу своей экстерриторіальной власти (и которыя „законъ о гарантіяхъ", будто-бы, только *признаетъ* за св. престоломъ, а не *даетъ* ему) намъ кажутся еще менѣе убѣдительными: 1) вѣдь право осуществлять всѣ полицейскія функціи, необходимыя для огражденія безопасности въ предѣлахъ данной мѣстности и право „административнаго и гражданскаго управленія" (какъ говоритъ авторъ)—есть просто право завѣдывать своей собственностью и охранять ее при помощи стражи отъ посягательствъ со стороны другихъ [1]); 2) право гражданской юрисдикціи, которую признаетъ за св. престоломъ авторъ, мы отказываемся признать: мы вполнѣ согласны съ постановленіемъ итальянскаго королевскаго суда по поводу одного иска Ватиканскаго архитектора къ Ватикану, признавшимъ, въ принципѣ, данное дѣло принадлежащимъ его (суда) компетенціи, но отклонившимъ отъ себя разсмотрѣніе иска, принимая во вниманіе „фактическую" невозможность привести въ исполненіе судебное рѣшеніе „въ виду ст. 7 зак. о гар." (о томъ, что папа внѣ законовъ); а тѣ коммисіи, которыя папа учредилъ послѣ этого для разрѣшенія претензій, предъявляемыхъ къ папской администраціи, должны быть признаны, по нашему мнѣнію, лишь третейскими коммисіями частнаго характера, а вовсе не судомъ [2]).

вошли бы съ войскомъ на территорію Мукд. императорскихъ могилъ, и если бы даже они по мирному договору получили бы во владѣніе Манжурію, причемъ даровали бы территоріи императорскихъ могилъ полную неприкосновенность, свободу отъ всякихъ фискальныхъ повинностей, ассигновали бы на ея содержаніе извѣстную сумму денегъ и пр.,—то вѣдь все же нельзя бы было утверждать что эта территорія не была оккупирована Японіей или что всѣ эти привиллегіи самобытны, и Японія ихъ только признала, а не даровала сама.

[1]) Въ „законѣ о гарантіяхъ" не сказано ничего о „полицейскихъ функціяхъ" и о правѣ „административнаго и гражданскаго управленія" папы. Въ ст. 3 сказано только, что „папа *можетъ* содержать обычное количество гвардіи для состоянія при его особѣ и охраненія дворцовъ". Далѣе, ст. 4 и 5 опредѣляютъ, что „папа продолжаетъ пользоваться" апостолическими дворцами со всѣми ихъ земельными принадлежностями, сохраняютъ за св. престоломъ ежегодную сумму денегъ на содержаніе папы и различныя нужды св. престола, и признаютъ всѣ эти дворцы, музеи, библіотеки папы (т. е. частную собственность св. престола) неотчуждаемыми и свободными отъ всякихъ фискальныхъ повинностей. Какъ видитъ читатель, отъ всѣхъ этихъ привиллегій еще далеко до *права* административнаго и гражданскаго управленія, неизбѣжно связаннаго съ правомъ законодательства и юрисдикціи.

[2]) Вѣдь для того, чтобъ *заставить* обвиненнаго въ такой коммисіи исполнить приговоръ, если онъ не согласенъ подчиниться рѣшенію коммисіи, нужно вѣдь обратиться все равно къ итальянскому коронному суду.

Относительно *свободы* Св. Престола у насъ возраженій гораздо меньше, чѣмъ по поводу его суверенитета. Наличность у св. престола объективной свободы не подлежитъ сомнѣнію; намъ кажется однако, что эта свобода—исключительно *религіозная*, и для ея признанія вовсе не нужно суверенитета св. престола: объективная свобода св. престола обусловливается принципомъ свободы совѣсти, принципомъ, который Италія, какъ правовое государство, признало вообще, и въ частности (въ „законѣ о гарантіяхъ") по отношенію къ католической церкви. *Субъективная* свобода св. престола несомнѣнно тоже существуетъ, потому что „закономъ о гарантіяхъ" папѣ гарантированы внѣподданство, неприкосновенность, неподсудность и королевское достоинство, но мы не рѣшились бы утверждать, что эта свобода *самобытна*, а не *дана* св. престолу Италіей изъ-за политическихъ соображеній, какъ можетъ дароваться такое внѣподданство королю, лишенному королевства, причемъ на этотъ разъ Италію заставили даровать это внѣподданство еще и интересы другихъ католическихъ державъ, изъ-за *политическихъ* же соображеній [1]) заинтересованныхъ въ сохраненіи за св. престоломъ субъективной свободы. И доказательствомъ этого можетъ служить то, что субъективная свобода какого нибудь организма не должна зависѣть отъ *формы* его волеобразовательнаго организма (напр. разъ государство субъективно свободно, то оно будетъ таковымъ независимо отъ того—монархическая ли въ немъ форма правленія, или ее замѣнитъ парламентъ), между тѣмъ субъективная свобода католической церкви, необходимо обусловливается ея абсолютно-монархическимъ строемъ, какъ это признаетъ самъ г. Байковъ. И если себѣ представить, что когда нибудь абсолютный строй католической церкви замѣнится конституціоннымъ, т. е. въ данномъ случаѣ соборно-епископальнымъ (а это, по нашему убѣжде-

[1]) Политическія соображенія, которыми, по нашему мнѣнію, руководятся Италія и другія державы при рѣшеніи римскаго вопроса вообще—ясны: 1) и Италія, и прочія державы, преобладающее населеніе которыхъ—католическое, не могли (и многія до сихъ поръ не могутъ) рѣшиться на столь тяжелый для ихъ подданныхъ *нравственный* ударъ, какъ полное развѣнчаніе папы отъ свѣтскаго могущества; во многихъ странахъ еще до сихъ поръ очень сильна боязнь передъ взрывомъ народнаго фанатизма. 2) многія державы, связанныя съ Св. Престоломъ договорами, приносящими имъ по ихъ мнѣнію извѣстныя выгоды, не сочли желательнымъ лишить Св. Престолъ совершенно свѣтскихъ правъ, чтобы не быть принужденными разорвать конкордатъ.—Какъ видитъ читатель, это—чисто-политическія соображенія, а отнюдь не юридическія.

нію, несомнѣнно случится и далеко не въ столь отдаленномъ будущемъ, такъ какъ нынѣшній папскій строй католической церкви въ условіяхъ современной исторической, политической и соціальной жизни—несомнѣнный анахронизмъ), то вѣдь тѣмъ самымъ уничтожится и субъективная свобода св. престола, такъ какъ вѣдь епископы—члены отдѣльныхъ государствъ, и имъ присуща лишь *объективная* свобода (и то только въ правовыхъ государствахъ), какъ членамъ организма (церкви), компетенція котораго лежитъ внѣ компетенціи государства. Развѣ можно съ полнымъ правомъ назвать такую субъективную свободу самобытной?

Независимость св. престола органически связана съ экстерриторіальностью, субъективной свободой и внѣподданствомъ папы, поэтому, если признать правильными наши сомнѣнія относительно этихъ трехъ юридическихъ состояній, то нельзя опять таки столь категорически, какъ г. Байковъ, признать за св. престоломъ независимость и особенно ея самобытный (а не производный) характеръ.

Важное доказательство независимости и суверенитета св. престола г. Байковъ видитъ еще (стр. 424—430) въ письменныхъ сообщеніяхъ итальянскаго министра иностранныхъ дѣлъ къ иностраннымъ державамъ при капитуляціи Рима и завѣреніяхъ его, что итальянское правительство намѣрено, присоединивъ къ себѣ церковную область и Римъ, обезпечить все же св. престолу „суверенную независимость“, „экстерриторіальность“, право посольствъ и пр. Но изъ чтенія этихъ документовъ, по нашему мнѣнію, ясно, что слова „суверенный“, „независимость“, „экстерриторіальный“ употребляются въ нихъ не въ томъ смыслѣ, какой за этими терминами установилъ въ своей книгѣ г. Байковъ (какъ онъ самъ говоритъ, установилъ *впервые*): въ этихъ заявленіяхъ Италія хочетъ сказать, что она считаетъ необходимымъ обезпечить св. престолу *религіозную свободу и религіозный авторитетъ,* и кромѣ того, вполнѣе сознавая, что многія католическія державы еще заинтересованы въ сохраненіи за св. престоломъ субъективной свободы и нѣкоторыхъ международныхъ правъ, она обѣщаетъ ихъ Св. Престолу гарантировать (оставляя папѣ внѣподданство и право представительства). Но это оставленіе внѣподданства и международнаго права представительства — не юридическая обязанность Италіи; оно вытекаетъ лишь изъ необходимости удовлетворить политическимъ интересамъ и соображеніямъ другихъ державъ, и поэтому изъ этихъ заявленій Италіи не только нельзя вывести

того что, св. престолъ является суверереннымъ, но нельзя вывести даже и того, что папству принадлежитъ теперь *по праву* (а не какъ производная привилегія) субъективная свобода и тѣсно связанная съ нею независимость.

Также мы не можемъ согласиться съ абсолютнымъ признаніемъ за св. престоломъ *основныхъ международныхъ правъ*, неизбѣжно вытекающихъ изъ элементовъ его международной правоспособности. Этотъ вопросъ осложняется по нашему мнѣнію тѣмъ, что права договора и представительства существуютъ на самомъ дѣлѣ, и мы лишь не можемъ признать за ними *юридическаго* права на существованіе, а считаемъ, что эти права просто пока еще *не отняты* у св. престола изъ за политическихъ соображеній. Право заключать международные договоры оставлено за св. престоломъ потому, что еще существуетъ цѣлый рядъ договоровъ (конкордатовъ) куріи съ другими державами пока не расторгнутыхъ, и кромѣ того потому, что рядъ правительствъ, еще признающихъ за св. престоломъ право на свѣтскую власть, заинтересованы въ сохраненіи за св. престоломъ договорнаго права. De jure однако, какъ намъ представляется, св. престолъ не имѣетъ болѣе права заключать конкордаты, какъ договоры, касающіеся вопросовъ не только религіозныхъ, но и политическихъ, и если еще изрѣдка отдѣльныя государства заключаютъ такіе договоры съ куріей, то объясненіе этому кроется въ доброй волѣ даннаго государства, которое изъ за политическихъ и нравственныхъ по отношенію къ своимъ подданнымъ соображеній не считаетъ возможнымъ само регулировать свои религіозно-политическія отношенія. И по нашему мнѣнію, далеко не лишено *теоретическаго* интереса утвержденіе нѣкоторыхъ ученыхъ, разсматривающихъ конкордатъ въ качествѣ государственнаго закона, поскольку предметомъ его являются вопросы религіозно-политическаго характера; при установленіи же этого закона—прибавимъ мы отъ себя—государство входитъ въ сношенія и соглашеніе съ римской куріей съ цѣлью устранить изъ закона такія его стороны, которыя бы ограничивали чисто-духовную власть церкви и были бы поэтому недопустимы съ точки зрѣнія объективной свободы, необходимо присущей католической церкви (какъ и всякому организму, преслѣдующему исключительно умственныя, нравственныя и вообще духовныя цѣли). Лучшимъ же доказательствомъ нашего мнѣнія, что международно-правовые договоры (конкордаты) Римской церкви—только пережитокъ прежняго положенія римскаго престола, какъ свѣтскаго

государства, служитъ то совсѣмъ неотмѣченное авторомъ обстоятельство, что всѣ конкордаты св. престола съ государствами заключены до паденія церковнаго государства, а начиная съ 70-го года (и даже ранѣе) нынѣшняго столѣтія, т. е. съ капитуляціи Рима, одно государство за другимъ *разрываютъ конкордаты* съ св. престоломъ, при чемъ отмѣненые конкордаты не замѣняются новыми, а отношенія государства къ церкви регулируются вновь составленными *внутренними законами* въ данныхъ государствахъ: такъ было въ Италіи [1]), въ Пруссіи и во всѣхъ другихъ союзныхъ германскихъ государствахъ (кромѣ Баваріи), въ Австріи, въ Россіи, въ Мексикѣ и др., то же происходитъ теперь во Франціи, гдѣ de facto отмѣна Наполеоновскаго конкордата уже совершилась [2]).

Не можемъ мы также согласиться и съ абсолютнымъ признаніемъ за св. престоломъ, какъ то дѣлаетъ г. Байковъ, самобытнаго права *международнаго представительства*. Правда, „Законъ о гарантіяхъ“ даетъ св. престолу право имѣть представителей у другихъ народовъ и даетъ представителямъ св. престола при другихъ государствахъ и представителямъ этихъ державъ при куріи такія же права, какъ и международнымъ представителямъ вообще, иными словами „Законъ“ даетъ св. престолу право международнаго представительства. Но мы и тутъ считаемъ это право пережиткомъ прежняго политическаго состоянія Римской куріи, *оставленнымъ* ей итальянскимъ правительствомъ изъ за политическихъ соображеній (главнымъ образомъ въ виду интересовъ дру-

---

[1]) „Законъ о гарантіяхъ“ мы, вопреки г. Байкову, считаемъ исключительно внутреннимъ закономъ (онъ обсужденъ парламентомъ, принятъ имъ и подписанъ королемъ, какъ всѣ внутренніе законы итал. государства). Это нисколько не мѣшаетъ намъ признавать за нимъ международное *политическое значеніе;* но мы никакъ не можемъ ему приписывать, какъ то дѣлаетъ г. Байковъ, *международнаго юридическаго* характера.

[2]) За послѣдніе годы, впрочемъ, Ватиканъ заключилъ 2 конкордата: съ Тунисскимъ беемъ и съ Чилійской республикой. Но Тунисское правительство едва-ли особенно считается съ международно-правовыми нормами; что же касается Чили, то слѣдуетъ замѣтить, что почти всѣ южно-американскія республики упорно стоятъ на точкѣ зрѣнія Ватикана, считаютъ созданіе итальянскаго королевства узурпаціей и считаютъ поэтому, что Св. Престолъ de jure полноправный государственный организмъ, имѣющій право заключать международные договоры. Эти 2 конкордата—исключенія и объясненіе ихъ кроется, по нашему мнѣнію, въ томъ, что римскій вопросъ оффиціально еще не разрѣшенъ категорически, и еще въ томъ, что во многихъ государствахъ, гдѣ еще существуетъ принципъ государственной церкви, правительства считаютъ нужнымъ регулировать свои религіозно-политическія отношенія къ католической церкви путемъ конкордатовъ.

гихъ державъ). Въ данномъ случаѣ мы должны примкнуть къ мнѣнію (отвергаемому Байковымъ) тѣхъ ученыхъ, которые считаютъ, что представительство св. престола отличается отъ международнаго представительства въ тѣсномъ смыслѣ слова и отказываются признавать de jure за римской куріей активное и пассивное право посольства послѣ паденія церковнаго государства; въ современныхъ условіяхъ (послѣ капитуляціи Рима) роль папскихъ представителей ограничивается вопросами исключительно религіознаго характера и не можетъ быть сравнена съ представителями международно-правоспособныхъ свѣтскихъ государствъ. Доказательствомъ нашего мнѣнія служитъ: 1) то обстоятельство, что расторженіе конкордата (непосредственно слѣдующее за отказомъ государства признать существованіе de jure Римскаго церковнаго государства) сопровождается прекращеніемъ дѣятельности папскаго нунція въ данной странѣ, т. е. отказомъ признать за св. престоломъ права международнаго представительства (въ этомъ отношеніи отозваніе нунція не можетъ быть сравнено съ отозваніемъ свѣтскаго посланника въ случаѣ разрыва сношеній двухъ государствъ [1]), и 2) тотъ, по нашему мнѣнію, справедливый фактъ, что въ 1899 г. державы, созванныя на Гаагскую конференцію мира, согласились съ протестомъ Италіи и не признали за св. престоломъ, несмотря на ясно выраженное имъ желаніе, право участія въ конференціи, не признавая за нимъ, очевидно, права на международное представительство (насколько при этомъ рѣшеніи играли роль болѣе политическія нежели юридическія соображенія—это, конечно, другой вопросъ, насъ въ данный моментъ не касающійся).

Наконецъ, *третье* основное международное право—право *принужденія*, которое, какъ и первыя два права, категорически приписываетъ Св. Престолу г. Байковъ, мы рѣшительно отказываемся признать за куріей. Согласно своему опредѣленію международнаго права принужденія, г. Байковъ утверждаетъ, что „св. престолъ вправѣ нарушать компетенцію государства, господство котораго, хотя бы въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, нарушаетъ права католической церкви“ (стр. 376). Въ отвѣтъ на это мы, однако, могли бы ему привести ст. 17 „закона о гарантіяхъ“, гласящую, что акты духовной власти въ вопросахъ духовныхъ и дис-

---

[1]) Нужно, впрочемъ, оговориться, что иногда даже по расторженіи конкордата не отъѣзжаютъ папскіе нунціи и посланники державъ при Ватиканѣ. Такіе *политическаго* значенія факты *юридически*, конечно, ничего не доказываютъ.

циплинарныхъ и всѣ прочіе ея акты „являются ничтожными въ случаѣ ихъ противорѣчія законамъ государства“... и „подлежатъ дѣйствію уголовныхъ законовъ, если заключаютъ въ себѣ составъ преступленія“. Что же касается до *средствъ* такого принужденія, то активныхъ средствъ у св. престола нѣтъ. Возможности вооруженнаго принужденія за св. престоломъ не признаетъ и самъ г. Байковъ, такъ какъ у папства нѣтъ войска—папскую гвардію нельзя считать войскомъ, а лишь личной стражей папы. А то принужденіе, которое называетъ г. Байковъ,—физическое и психическое (стр. 379, физическое—путемъ внушенія руководимому церковью католическому населенію пассивнаго сопротивленія правительству, механически стѣсняющаго свободу государственной власти, и психическое—достигаемое угрозой лишенія государства тѣхъ выгодъ, которыя связаны для него съ содѣйствіемъ церкви),—такое принужденіе, чисто пассивное, вѣдь доступно каждой группѣ насележенія внутри государства (студенчеству, интеллигентнымъ профессіямъ, какой либо политической партіи, рабочему классу и т. д.) и отнюдь не можетъ считаться характернымъ правомъ, присущимъ международно-правоспособному, т. е. суверенному, свободному и независимому организму.

Такимъ образомъ, какъ видитъ читатель, мы во многомъ не можемъ согласиться съ авторомъ. Мы не можемъ вслѣдъ за г. Байковымъ категорически признать за св. престоломъ *юридическое* право на международную правоспособность, такъ какъ: 1) считаемъ, что всѣми тремя элементами ея св. престолъ владѣетъ не въ полной мѣрѣ, и притомъ нѣкоторые изъ этихъ элементовъ и формъ ихъ выраженія не самобытны, а даны ему изъ *политическихъ* соображеній, и 2) не можемъ также признать за св. престоломъ *юридическаго* права обладать тѣми основными международными правами, которыя ему *оставлены* пока de facto въ силу опять-таки политическихъ соображеній, и оставлены притомъ въ неполномъ объемѣ.

Главная ошибка, отразившаяся на всей книгѣ, кроется у г. Байкова, по нашему мнѣнію, въ томъ, что онъ задался цѣлью разсмотрѣть современное международное положеніе св. престола, если можно такъ выразиться—со статической, а не динамической точки зрѣнія. Авторъ взялъ современное папство статически, какъ явленіе въ данный моментъ, и, увидѣвъ, что оно обладаетъ международными правами (договора, представительства), и что многія державы съ нимъ считаются какъ съ государствомъ или, по край-

ней мѣрѣ, какъ съ политическимъ организмомъ, онъ задался цѣлью доказать, что оно можетъ быть подведено подъ нормы международнаго права. Между тѣмъ, по нашему мнѣнію—и это свое мнѣніе мы старались доказать въ своихъ возраженіяхъ—папство (если разсматривать его динамически—въ связи съ его историческимъ прошлымъ и будущимъ) въ настоящемъ его видѣ есть явленіе *переходное* отъ положенія и правъ свѣтскаго государства къ положенію организма, объективно-свободнаго по существу (въ силу его чисто-духовной компетенціи, такъ какъ въ теоріи духовная область не должна входить въ компетенцію свѣтскаго государства и должна быть объективно-свободной), но совершенно лишеннаго свѣтской власти и тѣмъ самымъ и международной правоспособности. Мы старались доказать, что элементы международной правоспособности въ полной мѣрѣ и объемѣ у св. престола больше не существуютъ, и что тѣ международныя права (договора, представительства и принужденія), которыя, по мнѣнію г. Байкова, присущи св. престолу, необходимо вытекая изъ элементовъ его международной правоспособности—частью вовсе не существуютъ (принужденіе), частью же (договоръ и представительство) оставлены за св. престоломъ послѣ капитуляціи Рима въ силу политическихъ соображеній (въ силу интересовъ нравственныхъ—по отношенію къ католическимъ подданнымъ—и политическихъ, другихъ державъ и Италіи), причемъ и существованіе этихъ двухъ оставшихся за св. престоломъ правъ обусловливается согласіемъ отдѣльныхъ державъ.

Но мы должны, однако, сказать, что, разъ всетаки эти права договора и представительства за св. престоломъ по какимъ бы то ни было причинамъ остались, то отрицать за св. престоломъ международной правоспособности de facto мы не можемъ; мы только не признаемъ за нимъ de jure этой правоспособности, и полагаемъ, что наличность ея у св. престола объясняется именно той переходной ступенью, на которой, въ силу политическихъ, историческихъ и религіозно-нравственныхъ причинъ, въ настоящій моментъ находится папство: правоспособность св. престола слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, считать *международной правоспособностью* sui generis [1]) такъ какъ она вытекаетъ изъ неполнаго обладанія св. престоломъ элементами, необходимыми для категорическаго при-

---

[1]) Строго говоря, съ научной точки зрѣнія, это даже вовсе не международная правоспособность, такъ какъ всякая правоспособность предполагаетъ обладаніе извѣстными элементами и правами de jure, а не только de facto.

знанія за организмомъ международной правоспособности, и такъ какъ она выражается въ неполномъ обладаніи св. престоломъ основными международными правами, необходимо вытекающими изъ наличности названныхъ элементовъ; въ частности и оставшіяся за св. престоломъ основныя международныя права (договора и представительства) можно назвать правами sui generis, такъ какъ они не необходимо вытекаютъ изъ настоящаго юридическаго положенія Римской куріи, а лишь оставлены за ней пока въ силу политическихъ и нравственныхъ мотивовъ.

Причина этой основной ошибки, какъ мы думаемъ, кроется у г. Байкова въ мнѣніи (впрочемъ имъ нигдѣ въ книгѣ прямо не высказываемымъ), что всѣ социальные организмы могутъ быть раздѣлены на 2 группы—организмовъ, обладающихъ международною правоспособностью, и организмовъ, не обладающихъ таковой, и въ мнѣніи, что всѣ организмы, отношенія которыхъ носятъ международный характеръ, необходимо должны считаться субъектами международнаго права. Мы же полагаемъ, что соціальные организмы, какъ историческія явленія, какъ плоды часто неподходящихъ ни подъ какія юридическія нормы историческихъ отношеній, не всегда могутъ подойти подъ эту классификацію; и могутъ, по нашему мнѣнію, существовать такіе организмы, которые лишились de jure категорическаго права считаться представителемъ одной изъ этихъ двухъ группъ, но еще не вошли въ силу историческихъ причинъ (такъ какъ еще не потеряли *всѣхъ* элементовъ первой) въ составъ второй группы и такимъ образомъ стоятъ какъ бы на перепутьи между ними, при чемъ однако, de facto они еще могутъ обладать отдѣльными правами первой группы. Это наше мнѣніе нѣсколько колеблетъ нормы международнаго права, но не слѣдуетъ вѣдь забывать, что историческія явленія вообще никогда не руководятся этими нормами, и наука международнаго права не *создаетъ* историческія явленія, а лишь ихъ изучаетъ, критикуетъ и классифицируетъ.

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ высказаться по поводу одного основного взгляда г. Байкова, взгляда, который имѣетъ чрезвычайно важное значеніе при рѣшеніи вопроса о международной правоспособности церквей вообще и объ отдѣленіи церкви отъ государства; въ частности наличность этого взгляда у г. Байкова во многомъ, какъ мы думаемъ, объясняетъ его стремленіе доказать за св. престоломъ право на международную личность. „Не подлежитъ сомнѣнію—говоритъ онъ (стр. 403),—насколько эмансипа-

ція“ (т. е. политическая) „этихъ властей (свѣтской и духовной) желательна въ интересахъ церкви и государства..... Только въ условіяхъ *международно-правового* порядка возможно свободное развитіе религіознаго и политическаго организмовъ“. Намъ этотъ взглядъ кажется абсолютно невѣрнымъ. Политическая эмансипація церкви не должна быть, по нашему мнѣнію, желательна ни въ настоящихъ (а не призрачныхъ) интересахъ церкви, ни въ интересахъ государства. Католическая церковь дѣйствительно всегда добивалась этой политической независимости, и изъ этого стремленія вытекала далѣе и постоянная цѣль Римской куріи—основаніе церковнаго государства въ Италіи и государственной церкви, подчиненной церковному государству, во всѣхъ странахъ; но, такъ же, какъ эта цѣль исторически признана вредной для интересовъ государства и для правильныхъ интересовъ церкви, какъ духовнаго организма, такъ мы считаемъ совсѣмъ ненужной для интересовъ церкви и государства и *международно-правовую конструкцію* церковнаго организма. Наоборотъ, мы считаемъ политическую эмансипацію даже *вредной* для интересовъ церкви, такъ какъ политическая эмансипація органически связана съ обладаніемъ территоріальной властью (въ какой бы то ни было формѣ), а это обладаніе связано всегда съ такими интересами, обязанностями и отношеніями, которыя навязываютъ часто церкви (чисто духовному организму) совсѣмъ постороннія цѣли, ставятъ ее въ разныя политическія отношенія къ свѣтскимъ государствамъ и тѣмъ придаютъ ей неподобающій ей характеръ. И лучшимъ доказательствомъ того, что интересы церкви и государства вовсе не требуютъ эмансипаціи церковнаго организма—служитъ положеніе христіанскихъ и нехристіанскихъ церквей въ секуляризованныхъ государствахъ: ни ихъ авторитетъ, ни интересы государствъ нисколько не страдаютъ отъ того, что ихъ взаимныя отношенія не покоятся на международно-правовыхъ началахъ. Для „свободнаго развитія церковнаго и политическаго организмовъ“ требуется только одно—признаніе объективной свободы церкви (то есть право церкви и ея членовъ руководиться въ вопросахъ религіозныхъ исключительно собственной волей), но для этого не нужно остальныхъ элементовъ международной правоспособности, какъ не нужно и самой международной правоспособности вообще. Для этого признанія нужна наличность правового государства, которое признало бы входящій теперь постепенно все болѣе и болѣе во всеобщее сознаніе принципъ, что церковь, какъ чисто-духовный организмъ, *свободна* (такъ же, какъ свободны совѣсть, научная мысль и т. д.) и что внутреннія, духов-

но-религіозныя дѣла ея лежатъ внѣ компетенціи государства, такъ же какъ и она не имѣетъ права вторгаться въ компетенцію послѣдняго. И положеніе и развитіе церкви и религій вообще въ Америкѣ, Англіи, Германіи, Скандинавіи, Италіи, Мексикѣ, въ ближайшемъ будущемъ во Франціи и въ другихъ секуляризованныхъ государствахъ является лучшимъ доказательствомъ справедливости нашего мнѣнія; притомъ, если признать вслѣдъ за г. Байковымъ, что свободное развитіе религіознаго и политическаго организмовъ возможно только въ условіяхъ международно-правового порядка, то вѣдь слѣдуетъ признать, что желательно пріобрѣтеніе правъ международной личности и для православія, протестантизма и для всѣхъ другихъ безчисленныхъ большихъ и малыхъ религій и сектъ, или во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что свободное развитіе и процвѣтаніе этихъ религій и сектъ невозможно....

Идея объективной свободы церкви, разумѣется, особенно входитъ въ сознаніе народовъ и начинаетъ осуществляться со времени завоеванія отдѣльными государствами народной свободы (конституціоннаго и парламентскаго строя), ибо абсолютный монархъ, компетенція котораго неограничена, не можетъ дать церкви свободу такъ какъ это тѣмъ самымъ ограничитъ его компетенцію; да если онъ и дастъ эту свободу, то послѣдняя все же не будетъ самобытной, а будетъ лишь привилегіей, которую можно всегда отъ нея отнять.

Повидимому и самъ св. престолъ начинаетъ понемногу понимать, что право на международную личность не необходимо для сохраненія за нимъ авторитета въ католическомъ мірѣ и для „свободнаго развитія церковнаго организма“, и мы думаемъ, что понемногу и самый протестъ Куріи противъ отнятія отъ нея церковнаго государства превратится только въ вопросъ чести. По крайней мѣрѣ Левъ XIII—по своему уму и политической дальновидности безусловно одинъ изъ самыхъ выдающихся папъ—хоть и не переставалъ протестовать противъ лишенія св. престола государственной власти, но, казалось, понялъ, въ чемъ заключается будущее значеніе и задачи церковнаго организма: онъ повернулъ папство отъ его прежней смѣшанной церковно-государственной политики къ политикѣ исключительно духовной, и въ этомъ, конечно, огромное значеніе его понтификата. При Львѣ XIII папство (какъ подтверждаетъ и критикуемая нами книга, стр. 147) „должно было вступить на болѣе подобающую ему пастырскую дѣятельность.... Изъ папской каѳедры Левъ XIII сдѣлалъ своего рода академическую каѳедру...

Можно безъ преувеличенія сказать, что со времени среднихъ вѣковъ нравственный авторитетъ папы не достигалъ такой высоты, на которую Льву XIII, благодаря его выдающемуся политическому уму, удалось его поставить". И несмотря на то, что, повидимому, Пій X (какъ кажется пока, далеко не столь выдающійся государственный умъ, какъ его предшественникъ) и можетъ быть, и его преемники не поймутъ этой задачи Римской церкви, мы все же убѣждены, что ходъ развитія юридическаго положенія Римской церкви опредѣлится именно по этому пути (и даже тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе будутъ ему противиться папы—потому что это только скорѣе поведетъ къ разрыву съ государствами): понемногу будутъ разрываться отдѣльными государствами конкордаты (то есть договоры, сохранившіе еще международный характеръ), разрывы конкордатовъ будутъ неизбѣжно сопровождаться разрывомъ дипломатическихъ сношеній (то есть за св. престоломъ откажутся признавать право международнаго представительства), а церкви будетъ предоставлена объективная свобода, которая принадлежитъ ей по праву, какъ организму, преслѣдующему чисто-духовныя цѣли. Никакого права международной личности ни католической ни другой церкви, религіи, сектѣ въ правовомъ государствѣ не нужно. Свободная церковь, независящая въ своей чисто-духовной дѣятельности отъ государства и не вмѣшивающаяся въ государственныя дѣла, и свѣтское (секуляризованное) государство, преслѣдующее исключительно свѣтскія цѣли и задачи, оставляя внѣ своей компетенціи область духа и совѣсти,—только такъ мы понимаемъ знаменитое евангельское изреченіе, которое авторъ поставилъ эпиграфомъ къ своему сочиненію: „Воздайте Кесарево Кесарю, а Божье Богу".

П. Шаскольскій.

УГОЛОВНАЯ ХРОНИКА.

Воскрешеніе „групповой отвѣтственности".—Указъ 17 апрѣля и уголовное уложеніе.

Къ многочисленнымъ архаическимъ пережиткамъ, сохранившимся въ нашемъ уложеніи о наказаніяхъ, учебники уголовнаго права причисляютъ, между прочимъ, ст. 530 и 985. По первой изъ нихъ, съ еврейскаго общества, въ которомъ укрылся военный бѣглецъ изъ евреевъ, взыскивается не свыше 300 рублей съ каждаго; по второй, сельскія общества, вторично отпустившія лицъ, которыя не могутъ снискивать пропитанія, подвергаются денежному взысканію, если эти лица затѣмъ снова будутъ изобличены въ прошеніи милостыни.

Въ этихъ двухъ случаяхъ усматривается переживаніе идеи групповой отвѣтственности. Опирается она на два основанія—одинаково несостоятельныя: на пренебреженіе къ выясненію истиннаго виновника и на представленіе, что кара, одинаково угрожающая виновнымъ и невиновнымъ, возымѣетъ болѣе рѣшительное дѣйствіе.

Фактически, эти остатки групповой отвѣтственности были въ нашемъ правѣ мертвой буквой, и изъ новаго уголовнаго уложенія они исчезли сами собой, безъ всякихъ особенныхъ мотивировокъ. Современному юридическому мышленію настолько ясенъ принципъ, что каждый отвѣчаетъ только за свою вину,—что нѣтъ надобности тратить время на доказательство этой мысли.

Само собою разумѣется, что рѣшеніе вопроса не можетъ мѣняться въ зависимости отъ того, идетъ ли рѣчь объ отвѣтственности личной или имущественной.

Недавній законодательный актъ показалъ, однако, что это начало индивидуальной отвѣтственности еще не можетъ считаться

аксіомой. Оно, повидимому, еще требуетъ доказательствъ; во всякомъ случаѣ, нарушенія его возможны, встрѣчая даже полное сочувствіе нѣкоторыхъ, правда немногихъ, представителей нашей охранительной печати.

Высочайшій указъ 10-го апрѣля, упомянувъ о возникшихъ въ текущемъ году въ нѣкоторыхъ сельскихъ мѣстностяхъ безпорядкахъ, „сопровождающихся разгромомъ и грабежемъ преступными скопищами крестьянъ владѣльческихъ усадебъ, торгово-промышленныхъ заведеній и движимаго имущества“ и подчеркивая, что „такое злонамѣренное нарушеніе имущественныхъ правъ не можетъ быть терпимо“, вслѣдъ затѣмъ повелѣваетъ: „1) предоставить министру внутреннихъ дѣлъ учреждать по мѣрѣ надобности въ уѣздахъ, гдѣ произошли безпорядки, временныя уѣздныя коммисіи, подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства, изъ предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ, уѣздныхъ исправниковъ, земскихъ начальниковъ и податныхъ инспекторовъ, въ участкахъ коихъ произошли безпорядки, а также приглашавшихъ въ коммисію одного или двухъ гласныхъ уѣзднаго земскаго собранія, проживающихъ въ ближайшихъ къ мѣсту происшествія мѣстностяхъ; 2) возложить на означенныя въ п. 1-мъ коммисіи выясненіе лицъ, участвовавшихъ въ преступныхъ скопищахъ крестьянъ, а также исчисленіе размѣровъ причиненныхъ ими убытковъ, для привлеченія къ имущественной отвѣтственности, съ обращеніемъ взысканія на все безъ изъятія движимое и недвижимое имущество всѣхъ членовъ сельскихъ и селенныхъ обществъ, участвовавшихъ въ скопищахъ крестьянъ, коими произведены разгромы и грабежи; 3) предоставить министру внутреннихъ дѣлъ преподать упомянутымъ временнымъ коммисіямъ подробныя указанія о порядкѣ ихъ дѣйствій, а также командировать особо назначенныхъ для сего министромъ лицъ для руководства дѣйствіями сихъ коммисій“.

Комментируя этотъ указъ, „Моск. Вѣд.“ писали слѣдующее [1]:

„Въ такихъ случаяхъ виновны не одни эти развращенные на„рушители законовъ Божескихъ и человѣческихъ. Виновны и тѣ, „которые хотя сами не грабятъ, но не присматриваютъ за граби„телями, тѣ, которые видятъ распространеніе преступныхъ прокла„мацій и, вмѣсто того чтобы свести подстрекателей въ волость,— „помалкиваютъ, да хоронятся. Виноваты всѣ, которые не смотрятъ „за злоумышленниками.

---

[1]) № 101.

„Наши крестьяне получили отъ Царей свое управленіе, и обязаны служить Царю въ борьбѣ съ злыми людьми, и не прятаться „и не говорить „моя изба съ краю—ничего не знаю“.

„Кто вору потакаетъ—тотъ самъ виновенъ въ воровствѣ“.

„Грабитель чужого имущества и всякій насильникъ долженъ „понести кару за преступленіе. Но еще лучше не допустить его „до преступленія. А это такая задача, въ которой Царю долженъ „помогать весь народъ“.

Въ этихъ словахъ Московской газеты выражено, хотя и въ наивно-грубой формѣ, подлинная, повидимому, мысль, вдохновившая указъ 10 апрѣля. Это и есть мысль о групповой отвѣтственности. „Виноваты всѣ, кто не смотритъ за злоумышленниками“.

Облечь каждаго въ роль полицейскаго volens-nolens,—вотъ тотъ идеалъ, который здѣсь проглядываетъ съ полной ясностью.

Мы не будемъ касаться того, желательно ли достиженіе этого идеала. Проще поставить вопросъ на практическую почву и спросить, какіе будутъ результаты этой поголовной отвѣтственности, безразлично падающей на все безъ изъятія движимое и недвижимое имущество „*всѣхъ* членовъ сельскихъ и селенныхъ обществъ, участвовавшихъ въ скопищахъ крестьянъ, коими произведены разбои и грабежи“.

Здѣсь важно, прежде всего, отмѣтить, что указъ дѣйствительно имѣетъ въ виду поголовную отвѣтственность. Отвѣчаютъ *всѣ* члены обществъ, если *какіе либо* изъ членовъ участвовали въ разбояхъ и грабежахъ. Таковъ ясный смыслъ, вытекающій изъ неуклюжаго нагроможденія родительныхъ падежей,—вѣрно понятый „Московскими Вѣдомостями“. Мои однообщественники грабили,—меня наказываютъ: „я виноватъ, что „не смотрѣлъ“ за ними, „потакалъ имъ“. Вотъ принципъ.

Но если такъ, то нѣтъ ли въ указѣ такого явнаго внутренняго противорѣчія, которое должно лишить его всякаго реальнаго значенія, даже съ точки зрѣнія полицейскихъ интересовъ, здѣсь преслѣдуемыхъ?

Предполагается, конечно, что въ каждомъ сельскомъ обществѣ,—мало того, въ каждой толпѣ,—имѣются элементы благоразумные, правомѣрно настроенные. Они могли пытаться остановить начинающійся или даже замышляемый разгромомъ, могли убѣждать, уговаривать. Но потому ли, что они были малочисленны, потому ли, что вліяніе ихъ было слабо и парализовалось вліяніемъ вожаковъ разгрома,—имъ не удалось остановить толпу, разгромъ произо-

шелъ—и отвѣтственность ихъ не минуетъ: она падаетъ на всеихъ движимое и недвижимое имущество.

Не ясно ли, что такимъ путемъ парализуются стимулы, побуждающіе оказать сопротивленіе разрушительному движенію?

Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, приписать указу ту мысль, что всякое движеніе можетъ быть остановлено, если въ этомъ направленіи будутъ сдѣланы усилія хотя бы однимъ членомъ сельскаго общества!

Но, скажутъ, угроза указа и есть только угроза. На самомъ дѣлѣ, благонамѣренные члены сельскаго общества останутся нетронутыми. Кара пощадитъ тѣхъ, чья роль была направлена на поддержаніе порядка. Именно для выясненія роли каждаго и учреждаются „коммисіи". Онѣ съумѣютъ отличить праваго активно или пассивно виноватаго...

Такому толкованію не даютъ, однако, мѣста ни прямой текстъ ни смыслъ указа. Дѣло идетъ, какъ уже замѣчено, объ обращеніи взысканія на имущество *всѣхъ* членовъ общества, а не только тѣхъ, кто лично принималъ участіе въ безпорядкахъ. Совершенно исключена, стало быть, возможность снять эту отвѣтственность съ какого бы то ни было изъ членовъ общества.

Презумпція, что въ случаѣ грабежа или разбоя виновно все общество,—есть praesumtio juris et de jure, не допускающая доказательства противнаго. Иначе незачѣмъ было говорить объ отвѣтственности, которую и по общимъ законамъ несетъ каждый за причиненный вредъ или убытки.

Не менѣе удивленія вызываетъ сопоставленіе задачъ, возложенныхъ на временныя уѣздныя коммисіи, съ тѣмъ составомъ, въ которомъ онѣ должны быть образованы.

Задача коммисій двоякая: выясненіе лицъ, участвовавшихъ въ преступныхъ крестьянскихъ скопищахъ, а также исчисленіе размѣровъ причиненныхъ ими убытковъ, для привлеченія къ имущественной отвѣтственности. Задача эта—чисто-судебнаго характера, восполняемая до сихъ поръ и у насъ, и во всей Западной Европѣ, только судейскими органами, на основаніи правилъ уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства.

Отнынѣ задача эта возлагается на административно-полицейскія коллегіи съ сословнымъ оттѣнкомъ въ лицѣ ихъ предсѣдателя (уѣзднаго предводителя дворянства), при чемъ судейскій элементъ въ этихъ коллегіяхъ,—если не считать земскихъ начальниковъ,—вовсе отсутствуетъ. И руководиться въ своей дѣятельности эти

коллегіи должны не обще-процессуальными законами, а тѣми „подробными указаніями“, какія заблагоразсудитъ преподать имъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, при чемъ „особо командируемыя“ лица будутъ наблюдать за правильностью исполненія министерскихъ указаній.

Указъ, повидимому, намѣчаетъ лишь общую схему, такъ какъ въ п. 4 Министру Внутреннихъ Дѣлъ дается порученіе выработать и, по сношеніи съ Министрами Юстиціи и Финансовъ и Государственнымъ Контролеромъ, внести на Высочайшее утвержденіе чрезъ комитетъ министровъ проектъ правилъ о порядкѣ осуществленія новой мѣры. Задача нелегкая! Конечно, опытъ показалъ, что для бюрократическаго „творчества“ нѣтъ ничего невозможнаго — но все же мы едва ли рискуемъ ошибиться, выражая сильное сомнѣніе въ возможности и успѣшности практическаго выполненія предначертаній указа 10 апрѣля. Имъ суждено, по всей вѣроятности, остаться мертвой буквой, подобно тому, какъ остался мертвой буквой указъ 11 мая 1902 г., который все же съ меньшей рѣшительностью проводилъ принципъ отвѣтственности не личной, а за чужое преступленіе. . . .

Борьба съ аграрными безпорядками, что бы ни говорили „Московскія Вѣдомости“, едва ли можетъ съ успѣхомъ вестись помощью однѣхъ карательныхъ угрозъ. Это тоже—элементарная истина. Къ сожалѣнію, приходится о ней напоминать.

***

Въ печати снова появились полу-оффиціальныя извѣстія о предстоящемъ въ недалекомъ будущемъ введеніи въ дѣйствіе уголовнаго уложенія 20 марта 1903 г. По этому поводу московская газета „Русское Слово“, въ передовой статьѣ, озаглавленной „Старость новаго уголовнаго уложенія“ [1], повторяетъ высказанную ею еще въ 1903-мъ году мысль о томъ, что „этому уложенію слѣдовало бы полежать въ бездѣйствіи впредь до наступленія возможности для всесторонняго обсужденія вопроса о томъ, не нуждается ли оно до введенія въ самой радикальной передѣлкѣ“. Газета имѣетъ въ виду главнымъ образомъ область преступленій политическихъ и религіозныхъ. По отношенію къ нимъ новое уголовное уложеніе оказывается „патріархально ветхимъ“. „Въ немедленномъ введеніи такого уложенія, по меньшей мѣрѣ, не ощущается никакой надобности“. Такъ заканчивается статья.

[1]) № 116.

Мы уже имѣли случай на страницахъ „Вѣстника Права" коснуться вопроса о желательности, наоборотъ, скорѣйшаго введенія въ дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія. Не будемъ повторять нашу аргументацію, коснемся лишь доводовъ, приводимыхъ „Русскимъ Словомъ" въ пользу дальнѣйшаго „бездѣйствія" этого уложенія. Прежде всего, не слѣдуетъ терять изъ виду, что, допуская полную справедливость упрековъ, обращенныхъ по адресу тѣхъ главъ уголовнаго уложенія, которыя предусматриваютъ преступленія политическія и религіозныя, мы не должны голословно распространять эти упреки на все новое уложеніе и не должны забывать о массѣ улучшеній, вводимыхъ уложеніемъ въ нашу карательную систему.

Но и по отношенію къ преступленіямъ политическимъ и религіознымъ аргументація „Русскаго Слова" едва ли убѣдительна. Газета какъ будто забываетъ, что до введенія новаго уложенія примѣнялось (въ области преступленій политическихъ) и примѣняется (по отношенію къ преступленіямъ противъ вѣры) уложеніе 1845 г. со всѣми позднѣйшими дополненіями и измѣненіями. И какъ ни несовершенны въ этомъ отношеніи постановленія новаго уложенія, все же въ выборѣ между нимъ и уложеніемъ старымъ не можетъ быть колебаній. Достаточно сравнить, напр., постановку „совращенія" или „святотатства" по старому и по новому уложенію, достаточно вспомнить, что изъ новаго уложенія исчезла карательная статья, предусматривавшая отпаденіе изъ православія въ другую христіанскую религію. Точно также въ области преступленій политическихъ уголовное уложеніе покончило съ принципомъ одинаковой наказуемости обнаруженія умысла и окончанія преступнаго дѣянія, ограничило случаи примѣненія смертной казни,—совершенно изъяло отъ этого наказанія лицъ женскаго пола. Неужели не слѣдуетъ сочувствовать тому, чтобы всѣ эти измѣненія уже вошли въ жизнь? Противникамъ введенія новаго уголовнаго уложенія слѣдовало бы рекомендовать поближе заглянуть въ уложеніе старое. Ими какъ будто забывается, что не введеніе новаго связано съ сохраненіемъ стараго....

Конечно, мы глубоко убѣждены въ томъ, что недалекое будущее произведетъ огромныя измѣненія въ пониманіи и оцѣнкѣ преступленій политическихъ и религіозныхъ. Какъ бы то ни было, несмотря на указанныя сейчасъ „усовершенствованія", уголовное уложеніе въ этихъ двухъ областяхъ построено на старыхъ принципахъ, отживающихъ на нашихъ глазахъ. Но мы ни минуты

не опасаемся, чтобы введеніе въ дѣйствіе новаго уложенія могло прибавить хотя минуту жизни этимъ умирающимъ принципамъ.

Что касается, въ частности, преступленій противъ вѣры, то уже теперь, въ виду указа 17 апрѣля, необходимъ пересмотръ постановленій главы второй уголовнаго уложенія. Мы полагаемъ, напр., что самое понятіе „совращенія", по крайней мѣрѣ, поскольку рѣчь идетъ о совращеніи изъ православія въ другое христіанское исповѣданіе или вѣроученіе, въ виду указа 17 апрѣля, должно исчезнуть изъ уложенія. „Насильственное" совращеніе есть совершенный абсурдъ, неизвѣстно для чего существующій въ законѣ, ибо „совратить" силой нельзя, угроза же и насиліе наказуемы сами по себѣ. Совращеніе же ненасильственное не подлежитъ наказанію въ виду торжественнаго провозглашенія принципа невозбранности отпаденія отъ православной вѣры въ другую христіанскую. „Публичное оказательство раскола" точно также вычеркивается указомъ 17 апрѣля, изъ списка наказуемыхъ дѣяній, какъ и самое слово „расколъ" изгоняется изъ оффиціальнаго словоупотребленія.

Влад. Набоковъ.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ХРОНИКА.

Признаки общественной дезорганизаціи.—Упраздненіе Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Въ настоящее время мы присутствуемъ при такихъ явленіяхъ внутренней жизни Россіи, что, конечно, не можетъ быть человѣка, который бы признавалъ, что подобное положеніе вещей можетъ безъ крайней опасности для всего государства продержаться еще нѣсколько мѣсяцевъ.

Забастовки рабочихъ, сначала желѣзнодорожныхъ, а потомъ и всѣхъ видовъ ремесленной и фабричной промышленности, вспыхивающія ежедневно то тутъ, то тамъ по всей Россіи,—аграрныя движенія, возникшія чуть ли не въ тридцати губерніяхъ, со всѣми тѣми нарушеніями чужой собственности и насиліями надъ отдѣльными личностями, съ которыми подобныя движенія нераздѣльны,—ежедневно совершаемыя покушенія на чиновъ полиціи и на высшихъ чиновъ губернской администраціи, при чемъ отношеніе публики къ преступникамъ таково, что имъ почти всегда удается скрыться,—та неустойчивость населенія, при которой по малѣйшему поводу готовы вспыхнуть такіе погромы, какъ бакинскій, ялтинскій или житомірскій,—постоянно прямо высказываемое недовѣріе къ мѣстнымъ властямъ и ко всему современному правительству вообще,—поразительная по своей психологической знаменательности неудача коммисіи члена Государственнаго Совѣта Шидловскаго,—все это слишкомъ тревожные признаки того, что масса народная теряетъ сознаніе неприкосновенности коренныхъ устоевъ современнаго общественнаго и государственнаго строя, и того, что власть утрачиваетъ свой авторитетъ.

Нельзя отрицать того, что все это признаки несомнѣнно наступающей общественной дезорганизаціи, и ни одинъ сознательно живущій человѣкъ не можетъ отдѣлаться отъ вопроса, въ чемъ же причина этой дезорганизаціи, и что должно быть устранено для того, чтобы государственная и общественная жизнь вошли въ нормальную колею.

Непосредственно ясно одно: что современное положеніе вещей является результатомъ или проявленіемъ существующаго въ русскомъ обществѣ противоправительственнаго настроенія. Гдѣ же его корни?

Общественное противоправительственное движеніе можно прослѣдить въ Россіи еще съ 70-хъ годовъ. Тогда его вела численно незначительная группа, но требованія ея носили самый крайній революціонный характеръ и были направлены не только противъ существовавшаго политическаго, но и противъ общественнаго строя. Правительство отвѣтило на общественное движеніе того времени самою безпощадною репрессіею. Благодаря тому, что къ движенію примкнула численно сравнительно незначительная группа, а главнымъ образомъ благодаря тому, что въ силу той реакціи, которая охватила русское общество съ конца 70-хъ годовъ, общество въ массѣ начало относиться несочувственно къ этому движенію, правительственная репрессія, во главѣ которой въ концѣ концовъ сталъ В. К. Плеве, подавила его.

Противоправительственное движеніе возобновилось лѣтъ 10—15 тому назадъ. Но оно измѣнило свой первоначальный характеръ. Перемѣна сказалась въ томъ, что программа движенія стала въ общемъ значительно болѣе умѣренною, и въ томъ, что къ этому движенію, вмѣсто немногочисленныхъ кучекъ примкнуло несомнѣнное большинство культурныхъ классовъ населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ характерною особенностью этой новой фазы общественнаго движенія является то, что это движеніе сводится къ борьбѣ общества именно съ бюрократіею.

Вся пореформенная эпоха,—эпоха крайняго и непрерывнаго усложненія государственной дѣятельности и умноженія задачъ государственнаго управленія,—представляется эпохою непрерывно растущей централизаціи, а главное, бюрократизаціи Россіи. Штаты каждаго учрежденія неизмѣнно ростутъ. Самое число административныхъ учрежденій, центральныхъ и мѣстныхъ возрастаетъ неудержимо. Количество работы въ существующихъ—точно также.

Введеніе земскаго и городского самоуправленія могло бы послу-

жить нѣкоторымъ противовѣсомъ этому процессу бюрократизаціи Россіи, но въ 1890-хъ годахъ земство и города были поставлены подъ опеку администраціи, жизненныя задачи у нихъ однѣ за другими отнимались; земскія и городскія учрежденія оказались поставленными въ такое положеніе, что они кое какъ еще могутъ отстаивать незначительные остатки предоставленной имъ самостоятельности, но не могутъ въ чемъ либо умалять общаго бюрократическаго склада всего нашего государственнаго управленія.

Крайнее умноженіе задачъ управленія, а также крайнее усложненіе административнаго механизма привело къ тому, что на дѣлѣ единодержавіе, установленное основными законами Имперіи, фактически не существуетъ, есть совмѣстное управленіе двухъ началъ: Государя и бюрократіи; Государю на дѣлѣ принадлежитъ общее направленіе, бюрократіи фактическое управленіе.

Существуютъ такого рода общественныя организаціи, которыя, какъ кажется, не могутъ имѣть никакихъ личныхъ интересовъ, все ихъ назначеніе сводится къ тому, чтобы служить какой-либо объективной цѣли. Таковъ, напр., католическій клиръ. Но въ дѣйствительности подобныя организаціи иногда не только обладаютъ поразительною силою самосохраненія, но и тѣмъ свойствомъ, что это самосохраненіе, охрана своей самостоятельности мало по малу становятся ихъ главною цѣлью, для которой ихъ первоначальная цѣль становится лишь средствомъ.

Въ Россіи подобный характеръ приняла бюрократія.

Общественное движеніе Россіи съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе сосредоточивается именно на движеніи противъ бюрократіи, и противъ создаваемыхъ ею и лишь для нея нужныхъ условій жизни, губительныхъ для народнаго благосостоянія и духовнаго развитія.

За послѣдніе годы требованія русскаго общества въ ихъ значительной части сводились къ тѣмъ же реформамъ, которыя были возвѣщены Высочайшимъ указомъ 12-го декабря 1904 г. Но давно уже сознавая наличность въ обществѣ этихъ требованій, бюрократія упорно имъ противилась. Оно и понятно: всѣ тѣ мѣры, которыя создали бы личную неприкосновенность гражданъ, неприкосновенность жилища, свободу печати, свободу религіозную, свободу союзовъ и сходокъ, расширили бы самостоятельность органовъ самоуправленія и уменьшили дискреціонный характеръ полномочій администраціи, были бы самоубійствомъ для единодержавія бюрократіи.

Дать эти реформы значило бы поднять умственный и культурный уровень населенія, создать условія болѣе интенсивной экономической жизни, умножить задачи государственнаго управленія, т. е. сдѣлать для населенія бюрократическую опеку еще болѣе невыносимою, потребность участія въ общественныхъ дѣлахъ еще болѣе ощутимою.

Самое главное, всѣ эти реформы привели бы къ одному,—къ тому, что общественное мнѣніе получило бы большую свободу выраженія, а слѣдовательно и большую силу. Но когда враждебное настроеніе общества къ бюрократіи, недовольство существующимъ режимомъ едва-едва сдерживались всякими репрессивными мѣрами,—предоставленіе обществу той степени свободы, какая существуетъ въ сосѣднихъ государствахъ и къ которой общество неудержимо стремилось, могло бы имѣть своимъ результатомъ сплоченіе всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ, предоставило бы имъ большую свободу дѣйствій и тѣмъ сдѣлало бы дальнѣйшее существованіе бюрократіи, какъ единственно полноправнаго представителя государства и его интересовъ, безусловно невозможнымъ.

На запросы общества министерства Горемыкина, Сипягина и Плеве отвѣчали репрессіею, все возраставшею въ своей энергіи. Но это старое средство въ новыхъ условіяхъ уже не оказывало прежняго дѣйствія. Неудовлетворенность общества все повышала напряженность настроенія. Репрессія закрыла ему всѣ выходы. Если бы такое положеніе вещей продолжилось еще нѣсколько времени, то какая либо катастрофа была бы неизбѣжна. Отъ нея Россію спасло то уменьшеніе репрессіи, которое послѣдовало за смертью Плеве.

Во время войны, въ особенности войны, идущей неудачно, сближеніе правительства съ народомъ, съ руководящими классами болѣе, чѣмъ естественно. И слова о довѣріи къ обществу являлись безусловною историческою необходимостью.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ какой-то головокружительной эволюціи. Руководящіе классы проснулись; среди нихъ какъ-то непонятно быстро распространилась идея, что безъ ограниченія бюрократіи народнымъ представительствомъ необходимыхъ реформъ получить нельзя.

Такая постановка вопроса о конституціи безусловно есть особенность Россіи. Въ другихъ государствахъ конституціонныя требованія возникали на другой почвѣ, чаще всего на почвѣ борьбы съ королевскою властью или съ личностью короля, съ дворян-

ствомъ, съ пережитками феодальной эпохи. Русскій конституціонализмъ направленъ именно и исключительно противъ бюрократіи, и этотъ его характеръ съ особенностью обнаружился за осень и начало зимы 1904 г.

Отвѣтомъ на это общественное движеніе явился Именной указъ 12 декабря 1904 г.

За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ указъ подобнаго содержанія внесъ бы полное успокоеніе въ культурные слои нашего общества и по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время примирилъ бы съ правительствомъ даже многіе изъ его оппозиціонныхъ элементовъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ даже сравнительно болѣе передовые элементы врядъ ли считали осуществимыми въ непосредственномъ будущемъ какія бы то ни было реформы, которыя бы шли далѣе того, что намѣчалось указомъ 12-го декабря.

Но въ декабрѣ 1904 г. этотъ указъ очень и очень многимъ уже показался лишь первымъ шагомъ, успокоиться на которомъ ни въ коемъ случаѣ нельзя: на почвѣ полной неудовлетворенности формулировался за осень рядъ новыхъ требованій и получилъ широкое распространеніе въ обществѣ. Неопредѣленная редакція многихъ постановленій указа создала напряженное и озабоченное ожиданіе: по указу нельзя было предсказать, какой объемъ и характеръ получатъ будущія реформы. А отъ бюрократіи, которой поручено было приведеніе указа въ исполненіе, общество ничего не ждало.

Прошло еще два мѣсяца. Они характеризуются не прежнею мирною эволюціей общественнаго настроенія, а цѣлымъ рядомъ событій, глубоко потрясшихъ общественное мнѣніе высшихъ классовъ: паденіе Портъ-Артура; петербургская демонстрація и стрѣльба въ народъ; варшавскія событія; забастовка всѣхъ высшихъ и части среднихъ учебныхъ заведеній; рѣзня въ Баку, слухи о какихъ-то волненіяхъ въ Польшѣ.

Напряженность общественнаго мнѣнія росла не по днямъ, а по часамъ.

Работы по приведенію въ исполненіе указа 12-го декабря оправдали опасенія общества: за все это время, кромѣ дѣйствительно крупнаго и существеннаго государственнаго акта, какимъ является указъ 17 апрѣля 1905 г. по вопросу объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости, всѣ остальныя работы привели въ глазахъ публики лишь къ нѣсколькимъ журналамъ комитета мини-

стровъ, по содержанію своему совершенно неспособнымъ внести успокоеніе въ умы, да еще къ созданію ряда коммисій, т. е. къ мѣрѣ въ высшей степени непопулярной.

Примиреніе высшихъ культурныхъ слоевъ общества съ бюрократіей стало уже невозможнымъ.

Признаніемъ этого факта со стороны Верховной власти, повидимому, и слѣдуетъ объяснить изданіе такого акта, еще недавно столь невозможнаго, какъ рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ 18 февраля.

Въ этомъ рескрипѣ для обозначенія народнаго представительства и его роли употреблена примѣрно та же формула, на которой въ началѣ ноября 1904 г. остановилось наиболѣе умѣренное меньшинство съѣзда земскихъ дѣятелей.

Хотя въ то время, въ самомъ началѣ того общественнаго движенія, которое съ такою быстротою развилось въ теченіе этой зимы, въ пользу этой формулы и высказалось лишь незначительное меньшинство, но если бы правительство тогда же приняло ее, то дѣйствительно стало бы во главѣ движенія, предупредило бы многія несчастныя событія и обратило бы въ своихъ убѣжденныхъ приверженцевъ многихъ и многихъ изъ оппозиціонно тогда настроенныхъ людей.

Въ настоящее же время удовлетворить общественное мнѣніе культурныхъ классовъ формулою ноябрьскаго меньшинства уже невозможно.

Но дѣло теперь не въ однихъ культурныхъ классахъ.

Въ семидесятыхъ годахъ политическое движеніе охватывало лишь небольшіе кружки интеллигенціи въ сравнительно крупныхъ центрахъ. Глухая провинція и „народъ“ были ему совершенно чужды.

Но событія и впечатлѣнія голодныхъ лѣтъ вывели провинцію изъ состоянія политическаго безразличія, и административныя высылки, послѣдовавшія за студенческими безпорядками 90-хъ и 900-хъ годовъ по всей Россіи, разсѣяли на подготовленную почву сѣмена остраго политическаго недовольства.

Измѣнилось и отношеніе „народа“ къ правительству.

Культурный уровень деревни повысился; къ тому же это теперь не та старая деревня, которая въ теченіе столѣтія жила приблизительно все въ тѣхъ же экономическихъ и общественныхъ условіяхъ; теперь въ ней возникаютъ все новые и новые запросы, вызываемые быстрымъ темпомъ современной жизни и оставляемые

бюрократическимъ правительствомъ безъ отвѣта. Все это создаетъ благопріятнѣйшую почву для всякаго рода противоправительственныхъ воздѣйствій.

Фабричнымъ населеніемъ, болѣе культурнымъ, болѣе сплоченнымъ, а главное такимъ, гдѣ возникаетъ еще больше всякихъ новыхъ вопросовъ и потребностей, ставится еще больше запросовъ правительству. И вмѣсто отвѣта на эти запросы, который шелъ бы на встрѣчу ихъ экономическимъ нуждамъ, рабочіе получаютъ административныя высылки своихъ наиболѣе выдающихся товарищей, запрещеніе собираться для обсужденія своихъ дѣлъ, запрещеніе стачекъ, союзовъ; устанавливается полная зависимость отъ администраціи. Все это такія условія жизни рабочихъ, которыя не могутъ быть иными въ эпоху борьбы бюрократіи за самосохраненіе, и которыя дѣлаютъ рабочихъ крайне воспріимчивыми ко всякому „вредному“ на нихъ воздѣйствію.

Наконецъ, бюрократія сдѣлала все, что вообще было возможно, чтобы довести до самаго крайняго напряженія состояніе недовольства цѣлыхъ крупныхъ окраинъ Россіи: Польшу, Западный Край, за послѣднее время Кавказъ.

При такомъ умонастроеніи народа и при широкомъ распространеніи противоправительственнаго духа въ культурныхъ классахъ, пропаганда въ народѣ шла и будетъ идти неудержимо. Она ведется теперь не профессіональными агитаторами, которыхъ можно сослать, и не путемъ революціонныхъ брошюръ, которыя можно захватить, а путемъ повседневныхъ сношеній, путемъ непосредственной передачи настроеній и взглядовъ культурнаго человѣка лицамъ, его окружающимъ, путемъ каждаго проникающаго въ народъ номера каждой газеты и каждаго журнала.

Но есть и другая сторона этого вопроса, представляющая для государства еще большую опасность. Одною силою править народомъ нельзя. Войска и полиціи меньше, чѣмъ народа, да и войско въ концѣ концовъ изъ народа же. Для возможности государственной жизни надо, чтобы народъ самъ повиновался правительству, а это возможно только при сочувствіи народа къ власти, при довѣріи и любви къ ней.

Условія жизни низшихъ классовъ таковы, что не могутъ сами по себѣ создавать удовлетворенія существующими порядками. Нужно постоянное вліяніе высшихъ слоевъ для того, чтобы оправдывать правительство въ глазахъ народа, чтобы поддерживать вѣру народа въ то, что правительство дѣлаетъ и сдѣлаетъ для низшихъ клас-

совъ все то, что вообще выполнимо. Надо, чтобы довѣріе къ существующему порядку и готовность низшихъ классовъ, нести всѣ связанныя съ нимъ жертвы, постоянно поддерживались въ нихъ высшими классами. Это вліяніе неминуемо должно прекратиться и даже замѣниться обратнымъ, коль скоро высшіе классы, неудовлетворенные въ своихъ политическихъ стремленіяхъ въ политическихъ условіяхъ видящіе причину и экономическихъ бѣдъ, во всемъ винятъ правительство.

Традиціонныя чувства любви къ правительству могутъ нѣкоторое время сохраниться въ народѣ и послѣ того, какъ они исчезли въ культурныхъ классахъ, но долго эта рознь продолжаться не можетъ.

Народъ пріобщается къ противоправительственному настроенію высшихъ классовъ, но выразится это настроеніе у него иначе, и средства борьбы съ нимъ тоже должны быть другими.

Поучительнымъ примѣромъ того, какъ отражается длящееся противоправительственное настроеніе высшихъ классовъ, населенія, на низшихъ, можетъ служить Франція. Тамъ примѣрно съ первыхъ годовъ XIX вѣка по конецъ царствованія Людовика-Филиппа политическія стремленія общества систематически не получали удовлетворенія. На этой почвѣ создавались и революціонныя движенія въ родѣ вспышки 1830 г., создавалось и непрестанное состояніе недовольства правительствомъ со стороны высшихъ классовъ.

Въ концѣ концовъ это сказалось рабочимъ движеніемъ 1848 г. Какъ то показала дальнѣйшая исторія Франціи, требованія соціальнаго переустройства тогда отнюдь не были назрѣвшими. Тѣмъ не менѣе тогда эти требованія рабочихъ пришлось успокаивать сначала всякими обѣщаніями, потомъ національными мастерскими, затѣмъ диктатурою и кровавыми днями іюня 1848 г. Въ концѣ концовъ движеніе было подавлено, но оно создало ту общественную реакцію, благодаря которой Франція получила Наполеона III и, какъ результатъ реакціи, погромъ 1870 г.

Аграрныя движенія послѣднихъ лѣтъ въ Харьковской, Полтавской, Саратовской и другихъ губерніяхъ достаточно краснорѣчиво показали, какую форму принимаютъ у насъ въ деревнѣ проявленія упадка чувства законности и уваженія къ существующему порядку.

Фабричное движеніе, съ его ясно выраженнымъ политическимъ характеромъ, охватило въ этомъ году чуть ли не всѣ крупные центры, и въ немъ приняли участіе милліоны людей. Правитель-

ственное сообщеніе по поводу петербургской демонстраціи усматриваетъ причину этого движенія въ преступной агитаціи священника Гапона. Но если одно лицо могло двинуть такую массу людей, то не доказываетъ ли это, что почва для этихъ движеній настолько подготовлена, любовь и довѣріе къ существующему режиму настолько поколеблены, что достаточно одной искры въ одномъ мѣстѣ, чтобы пожаръ вспыхнулъ повсюду.

А тѣ мѣры борьбы, которыя примѣнялись правительствомъ къ интеллигенціи,—къ „народу" непримѣнимы.

Даже и въ то время, когда въ низшихъ слояхъ населенія движеніе охватываетъ лишь небольшіе кружки, обычные, такъ сказать, хирургическіе пріемы правительственнаго вразумленія,—аресты, высылки,—не только не достигаютъ своей цѣли, но даютъ результаты, прямо ей противоположные. Для человѣка изъ высшихъ классовъ тюрьма страшна. Для человѣка, находящагося въ ужасныхъ условіяхъ жизни нашего „народа", она далеко не имѣетъ тѣхъ же устрашающихъ свойствъ. Что же касается административной высылки, то куда бы лицо изъ простанародья ни было выслано, оно окажется въ своей средѣ, и будетъ тамъ лишь новымъ источникомъ распространенія недовольства; аудиторію себѣ оно всегда найдетъ.

Коль скоро бюрократія вступила на путь репрессіи и по отношенію къ „народу", она на прежнихъ, сравнительно мягкихъ мѣрахъ остановиться не можетъ; она должна перейти къ поголовной харьковской поркѣ кн. Оболенскаго, или же къ петербургской, варшавской и иной стрѣльбѣ въ народъ. Но это не средство умиротворенія, оно временно можетъ кое кого запугать, но содѣйствуетъ и численному росту недовольныхъ и тому, что существующее недовольство увеличивается въ своемъ напряженіи, переходитъ въ озлобленіе.

Такое создаваемое въ народѣ состояніе остраго недовольства властями уже само по себѣ представляетъ для государства существенную опасность. Опасность эта въ значительной степени увеличивается благодаря тому, что при существующемъ настроеніи высшихъ классовъ съ ихъ стороны не можетъ быть обратнаго умиротворяющаго вліянія на народъ.

Приверженнность народа къ существующему порядку,—эта единственная возможная основа всякаго общественнаго и государственнаго строя,—начинаетъ колебаться. Къ случаямъ нарушенія общественаго порядка начинаютъ относиться чуть ли не какъ къ

чему то нормальному. Отсюда уже не такъ далеко и до полной общественной дезорганизаціи.

Возможность ея въ значительной степени увеличивается еще и въ силу положенія, принятаго низшими органами власти.

Въ силу традиціонной привычки объяснять всякое проявленіе недовольства со стороны народа подстрекательствомъ интеллигенціи, теперь стараются всячески разобщить народъ и интеллигенцію, для чего народъ всемѣрно возстановляется противъ культурныхъ классовъ; про нихъ распускаются всякіе нелѣпые слухи въ родѣ тѣхъ 18-ти мильоновъ японскихъ денегъ, которыми объясняли январскія рабочія демонстраціи; во многихъ мѣстностяхъ Губернскія Вѣдомости предприняли въ этомъ направленіи систематическую травлю. Въ нѣкоторыхъ городахъ организовались или, по крайней мѣрѣ, попускались избіенія земцевъ, интеллигенціи, студентовъ, даже гимназистовъ. Во многихъ городахъ появляются какіе то безчинствующіе хулиганы, состоящіе въ какихъ то непонятныхъ отношеніяхъ съ органами полиціи.

Такимъ образомъ, на ряду съ возникающими безпорядками, носящими противоправительственный характеръ, нарушенія общественной тишины и спокойствія и акты насилія создаются или, по крайней мѣрѣ, попускаются низшими, не по разуму усердными органами власти.

Въ умахъ массы народной уваженіе къ порядку, къ его неприкосновенности, къ неприкосновенности человѣческой личности колеблется. Все населеніе деморализуется. Безъ преувеличенія можно сказать, что мы идемъ вѣрными шагами къ обращенію всего подрастающаго поколѣнія въ хулигановъ.

Несомнѣнно, что въ теченіе примѣрно послѣднихъ шести мѣсяцевъ общественная жизнь Россіи протекаетъ въ такихъ условіяхъ, при которыхъ вытравляются долгими вѣками воспитанное въ народѣ сознаніе неприкосновенности и незыблемости общественнаго порядка и личной безопасности.

И трудно представить себѣ всѣ тѣ гибельныя и для государства, и для народа послѣдствія, которыя окажутся неизбѣжными, если подобное положеніе вещей продержится еще нѣсколько времени.

Общественная жизнь должна быть введена въ колею законности и порядка.

Что для этого необходимо прежде всего прекращеніе наускиванія одной части населенія на другую, это, конечно, стоитъ внѣ

спора. Но этого одного, конечно, мало. Необходимо и положительное воздѣйствіе на народъ въ смыслѣ внушенія ему уваженія къ существующему порядку и сочувствія къ власти.

Такое систематическое сочувствующее правительству воздѣйствіе на народъ можетъ исходить только отъ высшихъ въ культурномъ отношеніи классовъ. Никакія брошюры ген. Богдановича и никакія „Дружескія рѣчи" кн. Мещерскаго не въ состояніи устранить непосредственнаго, живого воздѣйствія оппозиціонно настроенныхъ культурныхъ классовъ на остальное населеніе, не въ состояніи даже бороться съ этимъ воздѣйствіемъ.

Итакъ, вопросъ сводится къ тому, какимъ образомъ можетъ быть достигнута эта непосредственная и ничѣмъ не могущая быть замѣненною поддержка власти, оказываемая культурными классами населенія, другими словами, какимъ образомъ современное противоправительственное настроеніе этихъ классовъ населенія можетъ быть устранено и можетъ быть замѣнено обратнымъ, т. е. какимъ образомъ можетъ быть установленъ тотъ миръ между правительствомъ и руководящими классами общества, внѣ котораго для государства нѣтъ спасенія.

Это можетъ быть достигнуто однимъ единственнымъ способомъ: политическою реформою, полагающею конецъ единодержавію бюрократіи, привлекающею къ государственной работѣ культурныя общественныя силы и примиряющею культурные классы населенія съ правительствомъ.

Въ концѣ концовъ подобная политическая реформа, могущая быть осуществленною единственно путемъ введенія народнаго представительства, есть безусловная необходимость, и по существу вещей не можетъ быть государства, гдѣ бы культурныя общественныя силы, коль скоро онѣ образовались, могли бы быть навсегда устраненными отъ непосредственнаго вліянія на ходъ государственнаго управленія. Но въ каждомъ данномъ государствѣ, еще не пережившемъ этой реформы, мыслимо и то мнѣніе, что съ нею можно и повременить. Въ нормальныхъ условіяхъ государственной жизни нельзя доказать, чтобы эта реформа должна была быть произведена именно въ такомъ то году, а не годомъ позже.

Но если признать, что послѣднія событія даютъ основаніе считать, что имѣются признаки дезорганизаціи общества, и что въ народѣ приверженность къ существующему порядку поколеблена (а никакія серьезныя сомнѣнія по этому поводу теперь уже невозможны), то политическую реформу, именно какъ единственное

средство создать условія, умиротворяющія массы народныя, откладывать нельзя.

Если только допустить, чтобы противоправительственное настроеніе укрѣпилось въ народѣ и увеличилось въ своей напряженности,—а никакими репрессивными мѣрами тому помѣшать нельзя,—то можетъ наступить такой неуловимый моментъ, когда политической реформы, этого, по существу дѣла единственнаго средства, которымъ располагаетъ правительство, окажется уже недостаточно для умиротворенія народа.

Повидимому, оцѣнка современныхъ событій, аналогичная той, какая была дана выше, и тотъ же самый взглядъ на народное представительство, какъ на единственное средство выйти изъ этого положенія, лежитъ въ основѣ рескрипта министру внутреннихъ дѣлъ. Еще недавно самые разговоры о народномъ представительствѣ считались преступленіемъ. И тотъ фактъ, что правительство сочло необходимымъ пойти на такую уступку теперь, не смотря на войну, не смотря на смятенное состояніе народа, ясно доказываетъ, что умиротворенія страны откладывать нельзя, что его надо достичь во что бы то ни стало.

Такимъ образомъ, установленіе въ Россіи нормальныхъ условій всей общественной и государственной жизни зависитъ въ настоящее время прежде всего отъ того, удастся ли коммисіи т. с. Булыгина удовлетворительно справиться съ поставленною ей задачею. Въ настоящій моментъ исторической жизни Россіи отъ результатовъ работъ этой коммисіи находится въ зависимости вопросъ, сводящійся не къ тому или иному техническому усовершенствованію нашего законодательнаго механизма, даже не вопросъ объ удовлетвореніи политической программы той или другой партіи, а вопросъ о томъ, создадутся ли въ Россіи тѣ условія мира между властью и культурными классами, внѣ которыхъ государственная жизнь невозможна.

Отсюда понятно то напряженіе, съ которымъ русское общество ждетъ результатовъ работъ этой коммисіи: отъ нихъ зависитъ или продолженіе современной смуты со всѣми ея дезорганизующими послѣдствіями или же вступленіе Россіи на путь нормальной государственной и общественной жизни.

* * *

Именнымъ указомъ 6-го мая 1905 г. упразднено Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ и на его мѣстѣ учреждено Главное Управленіе Землеустройства и Земледѣлія.

Что касается покойника, то по поводу него мы можемъ ограничиться тѣмъ, что приведемъ слова М. А. Энгельгардта („Хозяинъ“, № 19, стр. 756).

„Какъ сейчасъ помню учрежденіе Министерства Земледѣлія въ 1893 году. Какія тогда восторженныя статьи писались (серьезными публицистами, притомъ), какія радужныя перспективы показывались, какую благодѣтельнѣйшую новую эру сулили для русскаго земледѣлія!.. Было де оно—земледѣліе—сиротой, а теперь вотъ пріобрѣло не начальника, а отца родного, и гляди, какъ расцвѣтетъ. Наивное было время.

Разумѣется, дѣло ограничилось новымъ министерствомъ, а до новой эры не дошло: Министерство оставалось на своемъ мѣстѣ, земледѣліе шло своимъ путемъ.

Теперь министерство прекратило свое существованіе, и газеты поминаютъ его... скорѣе добромъ, чѣмъ худомъ. Мы не будемъ, однако приводить цитатъ, такъ какъ отзывы очень однообразны. Указываютъ на то, что если министерство земледѣлія ничего не сдѣлало для подъема хозяйства страны,—то и не могло оно сдѣлать что нибудь при данныхъ условіяхъ. Убійственная для земледѣлія финансовая политика находилась внѣ его вліянія; внутренняя политика, косвенно, но очень неблагопріятно, отражающаяся на земледѣліи,—тоже; средства, отпускавшіяся министерству, были такъ ничтожны, что ихъ не хватало на серьезныя улучшенія по части сельскохозяйственнаго образованія и техническихъ улучшеній...

Газеты отмѣчаютъ сочувственное отношеніе министерства земледѣлія къ обществу. Къ сожалѣнію, это сочувствіе имѣло характеръ платоническій, или, если можно такъ выразиться, потенціальный,—характеръ скрытой (латентной) энергіи. Активная же энергія, которую пришлось испытать на себѣ комитету грамотности, вольно-экономическому обществу, горному институту... впрочемъ, „de mortuis“ etc.

Какъ бы то ни было, но если русскому земледѣлію нѣтъ основанія поминать худомъ покойное министерство, то и сокрушаться не приходится. Вѣроятно, оно довольно равнодушно отнесется къ этой утратѣ.

„Была безъ радости любовь,—
Разлука будетъ безъ печали“.

Что касается будущаго Главнаго Управленія, то пока, конечно, преждевременно загадывать, радость или горе принесетъ оно русскому земледѣлію и русскому крестьянству.

Но съ точки зрѣнія государственно-правовой, съ точки зрѣнія тѣхъ началъ, которыя положены въ основу его организаціи это новое Главное Управленіе несомнѣнно уже и теперь можетъ останавливать вниманіе юристовъ.

Самъ по себѣ терминъ „Главное Управленіе" не имѣетъ въ русскомъ законодательствѣ какого либо опредѣленнаго смысла: подъ этимъ терминомъ разумѣются то отдѣльныя вѣдомства, дѣйствующія на правахъ министерствъ, напр. Главное Управленіе Торговымъ Мореплаваніемъ и Портами, то отдѣльныя учрежденія, входящія въ составъ какого либо министерства, приблизительно на правахъ одного изъ его департаментовъ, напр., Главное Управленіе по Дѣламъ Печати.

Какъ это видно преимущественно изъ вступительныхъ словъ указа 6-го мая, новое Главное Управленіе не входитъ въ составъ ни одного изъ министерствъ и является однимъ изъ „самостоятельныхъ" вѣдомствъ „въ составѣ центральныхъ государственныхъ установленій", т. е. это Главное Управленіе является однимъ изъ министерствъ. Поэтому надо думать, что его начальникъ будетъ имѣть право засѣдать въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Комитетѣ Министровъ на правахъ другихъ Министровъ и Главноуправляющихъ отдѣльными частями. Прямо, однако, этотъ вопросъ въ указѣ не предрѣшается.

Отличительною чертою, вполнѣ обособляющею это Главное Управленіе среди всѣхъ прочихъ министерствъ и равныхъ имъ установленій, является учрежденіе „наряду съ нимъ" Комитета по Земельнымъ Дѣламъ. Комитетъ этотъ состоитъ изъ министровъ: Императорскаго Двора и Удѣловъ, Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ и Юстиціи и Государственнаго Контролера, а также изъ Главноуправляющаго Землеустройствомъ и Земледѣліемъ и членовъ по непосредственному избранію Государемъ.

Положеніе этого Комитета въ указѣ не вполнѣ выяснено: съ одной стороны говорится, что этотъ Комитетъ учреждается „наряду" съ Главнымъ Управленіемъ Земледѣлія и Землеустройства, а съ другой—этому Комитету предоставляется общее руководительство всѣми земельными дѣлами и такимъ образомъ Комитетъ ставится *надъ* Главнымъ Управленіемъ.

Имѣетъ ли Комитетъ власть рѣшающую по какимъ либо во-

просамъ или же это по всѣмъ дѣламъ есть учрежденіе совѣщательнаго характера, чьи положенія нуждаются въ Высочайшемъ утвержденіи, этого изъ указа не видно. Что по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ дѣламъ Комитетъ является учрежденіемъ лишеннымъ самостоятельной власти, это видно изъ того, что къ нему по дѣламъ о земельномъ устройствѣ крестьянъ перешли изъ Комитета Министровъ дѣла, „разрѣшеніе коихъ превышаетъ предѣлы власти, ввѣренной въ особенности каждому Министру и требующія Высочайшаго разрѣшенія“ (Указъ, II, п. 2).

Надо думать, что всѣ эти вопросы будутъ разрѣшены въ томъ положеніи объ этомъ Комитетѣ, которое поручено его предсѣдателю составить и внести на Высочайшее утвержденіе повидимому помимо законодательнаго порядка (Указъ, IV).

Что касается учрежденія и штатовъ самого Главнаго Управленія, то ихъ повелѣно разсмотрѣть въ нормальномъ законодательномъ порядкѣ (Указъ, VII); чѣмъ обусловливается это различіе, изъ указа не видно.

Этотъ Комитетъ, стоящій надъ отдѣльнымъ вѣдомствомъ и направляющій его дѣятельность, есть, какъ кажется, полное новшество въ дѣйствующемъ русскомъ правѣ.

Въ виду невыясненности положенія Комитета, пока трудно сказать какъ сложатся отношенія между новымъ Главноуправляющимъ и стоящимъ надъ нимъ Комитетомъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что министры, входящіе въ составъ Комитета, получаютъ основанное на законѣ право вмѣшиваться въ дѣла чужого вѣдомства, контролировать его. Такимъ образомъ, наряду съ существовавшими до сихъ поръ самостоятельными вѣдомствами, создается новое понятіе полу-самостоятельнаго вѣдомства, состоящаго подъ опекою группы другихъ.

Повторяемъ, что пока представляется совершенно невозможнымъ предсказать, въ какія формы отольется эта опека и къ какимъ практическимъ результатамъ она можетъ привести.

Н. Лазаревскій.

Протоколъ засѣданія Уголовнаго отдѣленія Юридическаго общества.

29 Января 1905 г.

29 Января 1905 г. въ помѣщеніи СПБ. Столичнаго Мирового съѣзда происходило засѣданіе уголовнаго отдѣленія Юридическаго Общества при СПБургскомъ Университетѣ. Собраніе было открыто предсѣдателемъ отдѣленія И. Г. Щегловитовымъ, предложившимъ собравшимся членамъ общества избрать на 1905 годъ предсѣдателя, товарища его и членовъ редакціоннаго отдѣленія. При этомъ И. Г. Щегловитовъ указалъ, что многосложныя его занятія препятствуютъ ему надлежащимъ образомъ нести обязанности предсѣдателя и вынуждаютъ его просить присутствующихъ не подвергать его баллотировкѣ. Закрытою баллотировкою избранными оказались—предсѣдатель В. Д. Набоковъ, товарищемъ предсѣдателя Д. А. Дриль и членами редакціоннаго комитета Л. А. Базуновъ, О. О. Грузенбергъ и Г. Б. Сліозбергъ. В. Д. Набоковъ благодаритъ собравшихся за сдѣланную ему честь и указываетъ, что выпадающая на его долю задача оказывается особенно трудной потому, что ему приходится занять мѣсто И. Г. Щегловитова. Заслуги И. Г. передъ отдѣленіемъ всѣмъ извѣстны; благодаря его неустаннымъ трудамъ развилась и оживилась дѣятельность отдѣленія, возбудивъ большой и сердечный общественный интересъ. Разставаясь съ И. Г. Щегловитовымъ какъ съ предсѣдателемъ исключительно вслѣдствіе категорическаго отказа его отдѣленію слѣдуетъ выразить ему глубокую признательность за все сдѣланное.

И. Г. Щегловитовъ приноситъ отдѣленію свою благодарность за то сочувствіе, съ которымъ оно отнеслось къ словамъ В. Д

Набокова, и указываетъ, что онъ спокойно оставляетъ свое мѣсто предсѣдателя, такъ какъ въ лицѣ В. Д. Набокова отдѣленіе получаетъ прекраснаго руководителя.

В. Д. Набоковъ предлагаетъ избрать въ члены-сотрудники отдѣленія г.г. Карпова, Еремина и Лебедева. Означенныя лица избраны единогласно.

А. Н. Лазаренко дѣлаетъ докладъ о судебныхъ приказахъ въ связи съ вопросомъ о введеніи этого института въ Россіи.

Опредѣляя судебный приказъ какъ постановленіе единоличнаго судьи о наложеніи наказанія на обвиняемаго, основанное единственно на данныхъ, изложенныхъ въ протоколѣ уполномоченнаго на возбужденіе уголовнаго преслѣдованія органа власти, постановляемое безъ участія сторонъ и безъ судебной повѣрки доказательствъ вины и невиновности обвиняемаго, докладчикъ началъ съ указанія, что карательные приказы имѣютъ цѣлью ускорить наложеніе репрессіи за преступныя дѣянія, обложенныя по закону незначительными наказаніями. Въ этой формѣ, которую институтъ судебныхъ приказовъ получилъ въ западно-европейскомъ законодательствѣ, стремятся соединить и сокращеніе до минимума судейской работы и сохраненіе за обвиняемымъ вмѣстѣ съ тѣмъ всѣхъ тѣхъ гарантій, которыя ему даетъ современный уголовный процессъ предоставленіемъ ему права требовать разбора его дѣла съ соблюденіемъ общихъ правилъ уголовнаго судопроизводства. Вызванъ институтъ этотъ къ жизни несомнѣнно чисто практическими соображеніями, но нельзя скрыть отъ себя того, что по существу своему онъ представляетъ собою отрицаніе судебнаго порядка разбора дѣлъ. Дѣло начинается по письменному предложенію прокурорскаго надзора и въ предложеніи этомъ, кромѣ обычныхъ для обвинительнаго акта данныхъ, изобличающихъ обвиняемаго, содержится точное опредѣленіе рода и размѣра наказанія. Предложеніе это для судьи необязательно, и дальнѣйшее направленіе дѣла зависитъ отъ усмотрѣнія судьи—онъ можетъ или постановить судебный приказъ или направить дѣло въ общемъ порядкѣ. Лицу, въ отношеніе котораго постановленъ судебный приказъ, предоставляется право требовать направленія дѣла въ общемъ порядкѣ, т. е. новаго пересмотра дѣла по общимъ правиламъ. Если, однако, лицо, въ отношеніи котораго состоялся судебный приказъ, не явится къ новому разсмотрѣнію дѣла о немъ, то судебный приказъ получаетъ силу и значеніе окончательнаго судебнаго приговора, не подлежащаго никакому обжалованію. Область примѣненія

судебныхъ приказовъ очерчена въ различныхъ законодательствахъ не одинаково. Наиболѣе широко примѣняются они въ Германіи, гдѣ по судебному приказу лицо можетъ быть подвергнуто шестинедѣльному лишенію свободы и денежному взысканію до 150 марокъ.

По мнѣнію докладчика, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что судебные приказы представляютъ собою глубокое отступленіе отъ основъ уголовнаго процесса и являются въ сущности отрицаніемъ судебнаго порядка производства дѣлъ. Такъ смотрятъ на это и теорія и практика. Всѣ дѣла какъ бы не значительны они ни были должны подлежать разсмотрѣнію при условіи соблюденія всѣхъ гарантій уголовнаго процесса, и потому если законодатель и рѣшается ввести для опредѣленнаго рода дѣлъ такой порядокъ разсмотрѣнія ихъ, то исключительно во имя чисто практическихъ соображеній.

Вводя въ проектъ новаго устава уголовнаго судопроизводства институтъ судебныхъ приказовъ, коммссія для пересмотра законоположеній по судебной части указывала въ своихъ соображеніяхъ, что существуютъ роды дѣлъ гдѣ нѣтъ собственно необходимости въ особомъ судебномъ разсмотрѣніи и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо достигнуть быстроты уголовной репрессіи. Институтъ судебныхъ приказовъ не только достигаетъ этой цѣли, но и облегчаетъ положеніе обвиняемаго, освобождая его отъ тягостей, сопряженныхъ съ судебною процедурою. Оба эти довода докладчикъ считаетъ не вполнѣ уважительными и думаетъ, что только дѣйствительно скуднымъ бюджетомъ судебнаго вѣдомства можетъ быть объяснена попытка допустить подобное отступленіе отъ основныхъ началъ. Крайняя медленность производства мировыми судьями уголовныхъ дѣлъ составляетъ общепризнанный фактъ, на эту медленность обращали вниманіе уже вскорѣ послѣ введенія судебныхъ уставовъ въ дѣйствіе и съ ней считалась коммиссія по пересмотру законоположеній по судебной части. Коммиссія, однако, рѣшаясь на введеніе въ Россіи института судебныхъ приказовъ, исходила изъ убѣжденія, что въ той постановкѣ института, которую ему даетъ проектъ устава уголовнаго судопроизводства, будутъ налицо возможныя гарантіи правильности дѣйствій должностныхъ лицъ, которыя будутъ облечены правомъ налагать уголовную кару безъ суда. Эти гарантіи заключаются въ томъ, что органами, издающими судебные приказы, явятся судебные органы, что должностнымъ лицамъ, присутственнымъ мѣстамъ, возбудившимъ

дѣло предоставляется требовать судебное разсмотрѣніе и что лицо, осужденное по судебному приказу, можетъ просить о судебномъ разборѣ дѣла. По судебному приказу участковый судья можетъ приговорить къ аресту до 3 мѣсяцевъ и денежному взысканію до 300 руб. Въ конструкціи института судебныхъ приказовъ, которая дана проектомъ новаго устава уголовнаго судопроизводства, много есть совершенно отличнаго, отъ конструкціи этого института въ западно-европейскомъ законодательствѣ, при этомъ тѣ права, которыя проектъ предоставляетъ осужденному, а равно и непремѣнное требованіе, чтобы судебный приказъ постановлялся въ судебномъ засѣданіи, отличаютъ и при томъ весьма выгодно русскій проектъ отъ западно-европейскихъ образцовъ. По вопросу о желательности и цѣлесообразности введенія въ Россіи института судебныхъ приказовъ высказались весьма немногіе. Противъ введенія въ Россіи судебныхъ приказовъ говорили и въ самой коммисіи при чемъ доводы противниковъ введенія этого института въ Россіи профессоровъ Фойницкаго и Спасовича легли въ основу всѣхъ возраженій. Они указывали на то, что правильное функціонированіе судебныхъ приказовъ мыслимо лишь при наличности многичисленнаго прокурорскаго надзора и обусловлено высокимъ уровнемъ культурнаго развитія и правосознанія неселенія. Противъ введенія судебныхъ приказовъ высказался также и Спб. Столичный Мировой Съѣздъ, указавшій, между прочимъ, на то, что при существованіи 119 ст. Уст. Гр. Суд. не могутъ почитаться принятыми во вниманіе всѣ обстоятельства дѣла, если обвиняемый даже не знаетъ, что дѣянія его обсуждаются. Доводы противниковъ встрѣтили въ свою очередь защитниковъ института и среди нихъ И. Г. Щегловитова. Среди доводовъ защитниковъ несомнѣнно приходится считаться съ указаніемъ на медленность производства маловажныхъ дѣлъ; при быстромъ ростѣ количества маловажныхъ проступковъ крайняя медленность въ производствѣ дѣлъ крайне вредна, и потому, дѣйствительно, необходимо допустить по извѣстнаго рода дѣламъ такое упрощенное разсмотрѣніе дѣла, какимъ является изданіе судебнаго приказа на основаніи доставленнаго судьѣ протокола дознанія. Нужны лишь извѣстныя для этого условія и прежде всего органомъ, издающимъ судебные приказы, должна явиться независимая судебная власть. Такой властью не являются земскіе начальники, которымъ чуждо различіе предѣловъ ихъ административной власти отъ судебной власти и которые сплошь и рядомъ допускаютъ превышеніе власти и не останавливаются

передъ произволомъ. Поэтому введеніе этого института мыслимо лишь по уничтоженіи института земскихъ начальниковъ. Но, помимо этого, нельзя упускать изъ виду и того обстоятельства, что судебные приказы должны издаваться на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя содержатся въ протоколахъ полицейскаго дознанія и потому выдѣляется вопросъ о необходимости реформы мѣстной администраціи. Реформа эта должна обезпечить закономѣрность ихъ дѣйствій и надлежащую постановку отвѣтственности ихъ за служебныя и общія преступленія. Самую область примѣненія судебныхъ приказовъ нужно также сократить, ибо она по проекту гораздо шире чѣмъ гдѣ либо на Западѣ и потому докладчикъ предлагаетъ область дѣйствія судебныхъ приказовъ расширить на всѣ проступки, обложенные по закону наказаніемъ не выше ареста съ тѣмъ, однако, что судья можетъ постановить судебный приказъ при томъ только условіи, если по обстятельствамъ дѣла находитъ возможнымъ ограничиться наложеніемъ ареста не свыше $1^1/_2$ мѣсяца. При этомъ, по мнѣнію докладчика и всѣ тѣ дѣла по нарушеніямъ казенныхъ уставовъ, которыя разрѣшались казенными управленіями съ наложеніемъ на виновныхъ наказанія, должны отойти къ вѣдомству суда и разрѣшаться въ порядкѣ изданія судебнаго приказа. Только при наличности условій этихъ докладчикъ считаетъ возможнымъ ввести въ Россіи институтъ судебныхъ приказовъ, который представляетъ собою даже при наиболѣе правильной постановкѣ его компромиссъ и является серьезнымъ отступленіемъ отъ коренныхъ началъ современнаго уголовнаго процесса.

По окончаніи доклада В. Д. Набоковъ предлагаетъ присутствующимъ высказаться по поводу прочитаннаго.

Г. Б. Сліозбергъ указываетъ на то, что противъ окончательныхъ практическихъ выводовъ докладчика спорить излишне; съ ними можно согласиться въ виду серьезнаго значенія тѣхъ коррективовъ въ области современнаго судоустройства и судопроизводства, которые онъ вноситъ, какъ условіе введенія въ Россіи института судебныхъ приказовъ. Нельзя, однако, согласиться съ принципіальной стороною доклада и не обратить вниманія на ту опасность, которую представляетъ этотъ институтъ. Упрощеніе суда должно имѣть свои границы; судъ долженъ остаться судомъ по существу, но не по имени. Дѣло не въ томъ, что чинъ судебнаго вѣдомства будетъ писать приговоръ, ибо судъ есть не только учрежденіе или лицо, но и совокупность всѣхъ тѣхъ гарантій, которыя даетъ намъ

судебное разбирательство, и безъ которыхъ нѣтъ правосудія. Суженіе докладчикомъ предѣловъ примѣненія судебнаго приказа не измѣняетъ существа отношенія къ нему, такъ какъ и $1^1/_2$ мѣс. ареста, назначеніе каковаго ареста по судебному приказу докладчикъ считаетъ допустимымъ, достаточно большой срокъ. Процедура изданія судебнаго приказа не сложна—судъ принимаетъ въ основу приговора полицейское дознаніе, и потому понятно, что судебный приказъ не будетъ пользоваться тѣмъ авторитетомъ, которымъ пользуется судебный приговоръ. Нѣтъ въ изданіи судебнаго приказа и той торжественности, которая свойственна формальному процессу. Съ этой торжественностью процесса нужно считаться особенно русскимъ юристамъ, послѣдователямъ проф. Сергѣевскаго, сводящаго сущность наказанія къ порицанію. Въ томъ, что будетъ обвиняемый приговоренъ къ штрафу безъ допроса свидѣтелей и на основаніи голаго полицейскаго дознанія, нельзя видѣть настоящаго судебнаго процесса; никакая аналогія съ заочнымъ приговоромъ немыслима, ибо порядки постановленія судебнаго приказа и заочнаго приговора совершенно различны. Указаніе на то, что введеніе судебныхъ приказовъ послужитъ на пользу обвиняемыхъ—не правильно; люди состоятельные, дѣйствительно, не будутъ являться и ограничатся уплатою штрафа, а бѣдные пострадаютъ, особенно благодаря незнанію своихъ правъ. Оправданіе введенія этого института необходимостью ускорить движеніе процесса врядъ ли также заслуживаетъ уваженія. Прежде всего имѣется для этого радикальное средство—нужно увеличить число судей, а затѣмъ не совсѣмъ быстрое разбирательство дѣлъ о такихъ нарушеніяхъ, за допущеніе коихъ обыватели будутъ караться по судебному приказу, вовсе не опасно. Быть можетъ извѣстная длительность дѣла о нарушеніи общественной тишины послужитъ лишнимъ стимуломъ для обвиняемаго быть осторожнѣе, ибо онъ будетъ нѣкоторое время находиться подъ страхомъ уголовной отвѣтственности. Указаніе на то, что судьи обременены дѣлами и введеніе судебныхъ приказовъ облегчитъ ихъ работу, исходитъ изъ невѣрнаго представленія о принципіальной допустимости упрощеннаго процесса; нельзя судъ сводить къ механизму и замѣнять разумную работу судьи простою механическою работою, и никакія выгоды въ ускореніи дѣлъ не возмѣстятъ того колоссальнаго ущерба, который можетъ принести судебный приказъ. Даже допущеніе этого института въ качествѣ временной мѣры нежелательно; принципіальныя возраженія останутся тѣ же, а въ Россіи временныя мѣры суще-

ствуютъ десятки лѣтъ. Г. Б. Сліозбергъ закончилъ указаніемъ, что вопросъ о судебныхъ приказахъ уже подлежалъ однажды обсужденію юридическаго общества; а именно при разсмотрѣніи проекта уст. угол. судопроизводства подвергался обсужденію и вопросъ о желательности введенія института судебныхъ приказовъ. Отвѣтъ коммиссіи былъ не въ пользу проекта.

Кн. Друцкой находитъ, что совершенно правильно было формулировано рѣзко отрицательное отношеніе къ проекту введенія въ Россіи института судебныхъ приказовъ Спб. Столичнымъ Мировымъ Съѣздомъ. Небходимо считаться съ жизнью и не упускать изъ виду ея уроковъ. Нужно только вспомнить, какъ полиція возбуждаетъ тѣ самыя маленькія дѣла, по которыхъ проектируютъ издавать судебные приказы; возможно ли относиться съ довѣріемъ къ полицейскъмъ протоколамъ. Отложеніе введенія судебныхъ приказовъ до реформы полицейскихъ учрежденій считаютъ необходимымъ даже защитники института, но развѣ извѣстно кому либо, когда эта реформа будетъ произведена. Предоставленіе обвиняемому потребовать судебнаго разбирательства въ теченіе семи дней со дня врученія копіи приказа не достигнетъ цѣли; представленіе о срокахъ слабо у русскаго человѣка, къ тому же простому человѣку некогда возиться съ жалобою, хожденіемъ въ судъ и т. д.; онъ махнетъ рукою и или заплатитъ штрафъ или отсидитъ положенное время. Присоединяясь къ принципіальнымъ возраженіямъ сдѣланнымъ Г. Б. Сліозбергомъ, кн. Друцкой указываетъ, что противъ института судебныхъ приказовъ нужно протестовать во имя гараній элементарныхъ правъ гражданина.

Н. А. Елачичъ указываетъ на неправильную постановку вопроса; нужно ставить вопросъ именно принципіально, не усматривая въ судебномъ приказѣ ни компромисса, ни суррогата суда. Съ этой точки зрѣнія и институтъ этотъ, дѣйствительно, никуда не годится, но онъ, какъ извѣстный институтъ, функціонирующій нормально и самостоятельно не заслуживаетъ тѣхъ нападокъ, которыя допускаютъ Г. Б. Сліозбергъ и кн. Друцкой. Если земскимъ начальникамъ нельзя довѣрить изданіе судебныхъ приказовъ, то отсюда одинъ выходъ — не давать имъ права этихъ приказовъ. Если органы полиціи плохи, то до реформы этого института нельзя вводить, но оба эти возраженія не принципіальнаго, а мѣстнаго характера. Указаніе противниковъ института, что не будутъ использованы гарантіи судебнаго разбирательства — несущественно, ибо вовсе нѣтъ никакой необходимости непремѣнно ихъ всегда ис-

пользовать. Теоретически судебный приказъ можно опредѣлить какъ мѣру, посредствомъ которой судья сохраняетъ свою работу и не отрываетъ отъ работы ни обвиняемаго, ни свидѣтелей; это есть способъ не возбуждать судебнаго процесса въ тѣхъ случаяхъ, когда для этого нѣтъ никакой необходимости. Возбуждать эти процессы исключительно во имя сохраненія въ неприкосновенности гласности и непосредственности суда во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ врядъ ли полезно и необходимо, разъ общеизвѣстно, чти при желаніи обвиняемаго всѣ эти гарантіи могутъ ему быть даны. При судебномъ приказѣ не закрывается у обвиняемаго дорога къ судебному разбирательству; нужно только, чтобы онъ зналъ, что ему принадлежитъ право отзыва, а для этого нужно требовать росписки въ томъ, что ему объявлено объ этомъ его правѣ. Этотъ отзывъ можетъ приносить не только обвиняемый, но обвинитель, каковымъ въ того рода дѣлахъ, по коимъ допускается изданіе приказовъ, явится полиція. Чтобы ускорить ходъ процесса и не затягивать его благодаря принесенію отзыва полиціей вслѣдствіе ея недовольства размѣромъ назначеннаго обвиняемому наказанія, можно требовать чтобы препровождающій судьѣ протоколъ полицейскаго дознанія чинъ полиціи упоминалъ бы, какое наказаніе по его мнѣнію, слѣдовало бы назначить. Если судья найдетъ, что полиція требуетъ слишкомъ многаго, то онъ назначитъ дѣло къ слушанію въ обыкновенномъ порядкѣ. Что касается въ частности размѣра наказанія, къ которому можно приговорить обвиняемаго по судебному приказу, то ораторъ находитъ, что три мѣсяца слишкомъ много, и слѣдуетъ ограничить судью мѣсячнымъ срокомъ. Введеніе института мыслимо лишь при упраздненіи института земскихъ начальниковъ.

Г. С. Вольтке. При отсутствіи въ Россіи тѣхъ правовыхъ гарантій, которыя извѣстны Западной Европѣ, введеніе института судебныхъ приказовъ крайне опасно. Все дѣло сведется къ формальности; прежде карали безъ разбору чины полиціи, теперь будутъ карать чины судебнаго вѣдомства, при чемъ никакихъ измѣненій, кромѣ переложенія отвѣтственности съ одного вѣдомства на другое не произойдетъ. Указаніе на право обвиняемаго жаловаться и просить судебнаго разбора останется пустымъ звукомъ; благодаря условіямъ русской жизни населенію чуждо сознаніе необходимости борьбы за право и многіе судебные приказы, какъ бы они ни были неправильны, останутся необжалованными. Всѣмъ извѣстно значеніе полицейскаго протокола и не трудно предвидѣть, что судебные приказы сведутся къ lettres de cachet.

А. В. Вороновъ присоединяется къ Г. С. Вольтке. Въ Россіи почти поголовная безграмотность, что, конечно, нельзя игнорировать въ такомъ вопросѣ какъ судебные приказы. Для того, чтобы населеніе могло использовать тѣ права, которыя принадлежатъ обвиняемому, получившему судебный приказъ, нужна или бóльшая образованность или широкая юридическая помощь. Если даже институтъ судебныхъ приказовъ и привьется въ Россіи, то результаты его всетаки будутъ плохи. Нельзя также закрывать глаза и на то, что судебные приказы со всею системою обжалованія могутъ еще рѣзче развить въ населеніи склонность къ сутяжничеству.

Ѳ. І. Гредингеръ присоединяется къ тѣмъ ораторамъ, которые высказываются противъ судебныхъ приказовъ, но думаетъ, что дѣло не въ политической свободѣ. Тѣ проступки, которые могутъ повлечь наказаніе на основаніи судебнаго приказа, не имѣютъ ничего общаго съ политическими вопросами. Противъ судебныхъ приказовъ нужно возражать именно какъ противъ суррогата суда. Соблюденіе гарантій должно быть неукоснительнымъ. Чисто практическая цѣль введенія этого института—ускореніе процесса тоже не будетъ достигнута; надо думать, что процентъ обжалованныхъ приказовъ будетъ весьма значительнымъ, а это уже повлечетъ не ускореніе, а замедленіе суда.

И. Г. Щегловитовъ заявляетъ себя убѣжденнымъ сторонникомъ института и полагаетъ, что возраженія противъ него не особенно убѣдительны. Дѣло отнюдь не идетъ объ упраздненіи суда, но лишь объ его упрощеніи; судебный приказъ лишь тогда получаетъ силу, когда онъ не обжалованъ, т. е. тогда, когда получившій копію приказа обвиняемый соглашается съ нимъ, признаетъ свою вину. Общія условія русской жизни въ данномъ случаѣ не могутъ играть особаго значенія. Нельзя упускать изъ виду, что на эти общія условія ссылаются часто и особенно тогда, когда возражаютъ противъ суда присяжныхъ засѣдателей. Между тѣмъ опытъ показалъ, на какой высотѣ стоитъ русскій судъ присяжныхъ. Совершенно напрасно упускаютъ изъ виду заочные приговоры. Противъ нихъ обыкновенно не возражаютъ, а между тѣмъ въ процессѣ заочнаго разбирательства нарушается начало обязательнаго выслушиванія подсудимаго; правда, обвиняемаго зовутъ въ судъ, но всетаки приговоръ постановляется безъ него; мало того, имѣется тенденція расширить область примѣненія заочнаго разбирательства. Во второй же инстанціи разсмотрѣніе дѣла въ

отсутствіи обвиняемаго пытаются сдѣлать нормальнымъ явленіемъ; за это высказываются почти всѣ практики, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда пересмотру подлежитъ оправдательный приговоръ. Институтъ судебныхъ приказовъ—дѣтище XIX столѣтія; первоначально онъ былъ принятъ уставами нѣмецкихъ государствъ, затѣмъ усвоенъ германскимъ уставомъ и нынѣ намѣченъ къ введенію въ Италіи и Испаніи. Но возникаетъ вопросъ, находится ли, дѣйствительно, этотъ институтъ въ соотвѣтствіи съ общими бытовыми условіями Россіи. Приходится отмѣтить какъ фактъ—необыкновенное расширеніе власти администраціи; это расширеніе обусловливается не только тенденціей администраціи къ расширенію власти, но и сознаніемъ, что современный судъ дѣйствуетъ крайне медленно, онъ реагируетъ не сразу, и потому рядъ такихъ дѣяній, гдѣ нужна именно быстрая реакція, отошелъ въ вѣдѣніе администраціи. Нужно вернуть ихъ обратно суду. Конечно, лучше всего было бы увеличить число судей, но если это нельзя, то лучше судебный приказъ, нежели административный порядокъ взысканія; отсюда ясно, что введеніе въ Россіи института судебныхъ приказовъ порождено именно мѣстными бытовыми условіями. Съ упраздненіемъ судебно-административныхъ учрежденій работа судей еще болѣе увеличится, и судебные приказы, не ухудшая положенія обвиняемаго, значительно сократятъ эту работу. Не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что явка въ судъ иногда для подсудимаго крайне обременительна, и освобожденіе его отъ этой явки значительно облегчитъ его положеніе. Судебные приказы въ этомъ направленіи идутъ лишь на встрѣчу интересамъ обвиняемаго. Нельзя, наконецъ, забывать той широкой гарантіи, которую представляетъ право обжалованія; русскій человѣкъ прекрасно понимаетъ это право, напр., при заочныхъ приговорахъ, но западно-европейская практика показываетъ, что % обжалуемыхъ приказовъ крайне невеликъ (въ Германіи остаются необжалованными 85—90%). Содѣйствіе правильному функціонированію института судебныхъ приказовъ должна оказать предстоящая судебная реформа; несомнѣнно будутъ призваны въ судьи мѣстные люди, по выбору населенія, близкіе къ нему, знакомые съ мѣстными условіями. Для нихъ не будетъ труда разобраться въ протоколахъ и полицейскихъ дознаніяхъ, и при томъ довѣріи, которое заслужилъ выборный судъ, можно быть совершенно спокойнымъ за то, что судебные приказы никакой опасности не составятъ. Что касается земскихъ начальниковъ, то, разумѣется, имъ

нельзя предоставить права издавать судебные приказы; къ тому же они въ этомъ правѣ, благодаря широкому объему своей власти, и не нуждаются. Введеніе судебныхъ приказовъ можно привѣтствовать хотя бы съ той точки зрѣнія, что суду возвращается то, что у него было отнято; это есть переходная ступень, и хотя бы съ этой точки зрѣнія введеніе института судебныхъ приказовъ можно привѣтствовать.

Г. Б. Сліозбергъ говоритъ, что есть minimum уступокъ, дальше которыхъ нельзя идти. Если обсуждаемый институтъ есть институтъ юридическій, то нужно дать ему юридическое обоснованіе; исходить же изъ точекъ зрѣнія чисто утилитарныхъ въ дѣлѣ правосудія не годится. Дѣло не въ томъ, что уголовный процессъ протекаетъ медленно, и потому администрація, считая необходимой возможно быструю реакцію въ отношеніи извѣстныхъ поступковъ карала въ порядкѣ административномъ; администрація расширяла свою компетенцію исключительно по политическимъ соображеніямъ, каковыхъ не чуждъ и проектъ о введеніи судебныхъ приказовъ. Помимо интереса обвиняемаго есть интересъ публичный, заключающійся въ томъ, что всякій приговоръ постановляется при соблюденіи всѣхъ гарантій. Аналогія съ заочныхъ разбирательствомъ совершенно неправильна. Обвиняемый приглашается въ судъ, но не пользуется этимъ приглашеніемъ добровольно; судья допрашиваетъ свидѣтелей и повѣряетъ доказательства, получается совершенно иное, нежели при изданіи судебнаго приказа. Нельзя смотрѣть на дѣла, по которымъ предполагаютъ допускать изданіе судебныхъ приказовъ, какъ на маловажныя; по судебному приказу допускаютъ арестъ до 3 мѣсяцевъ и сравнительно высокій штрафъ, и при такой высокой санкціи невозможно лишать обвиняемыхъ всего того, что составляетъ основу современнаго уголовнаго процесса. О томъ, насколько заслуживаютъ довѣрія полицейскія дознанія, лучше всего свидѣтельствуютъ дѣла по обвиненію по 29 ст. уст. о нак. Полиція болѣе всего боится изслѣдованія вопроса о законности ея дѣйствій, и судебные приказы обезпечатъ ее отъ тѣхъ непріятностей, которыми ей часто грозитъ гласный судъ.

О. О. Грузенбергъ находитъ, что хотя часто отдѣльные вопросы и связываютъ съ вопросами общими, политическими, но не всегда эта связь бываетъ умѣстна. Конечно, общество, которое многое жертвуетъ, можетъ требовать хорошаго суда; у него есть право на судъ, а не на суррогатъ суда. Это положеніе должно

имѣть мѣсто, когда въ общихъ чертахъ говорятъ о судебномъ приказѣ, который, разумѣется, не есть судебный приговоръ. Но по отношенію этого института одинаково неправильны какъ огульное порицаніе, такъ и огульное восхваленіе. Лучше было бы, если всѣ дѣла разбирались скоро, хорошо и съ самыми небольшими затратами труда и времени какъ судей, такъ и обывателей, но все таки иногда судебные приказы нужны—это въ маловажныхъ дѣлахъ, гдѣ обвиняемый сознался и самъ желаетъ поскорѣе кончить дѣло, и въ такихъ случаяхъ нужно щадить пожалуй не столько обвиняемаго и судью, сколько свидѣтелей. Послѣдніе тратятъ массу времени и обязаны являться въ то время, какъ самъ обвиняемый къ этому вовсе не обязанъ. Могутъ указывать, что нельзя довѣрять полицейскимъ протоколамъ, но невозможно же допускать мысли объ учиненіи полиціей подлоговъ, чтобы добиться судебнаго приказа. Институтъ судебныхъ приказовъ—мелкій, говорить о требованіяхъ теоріи вообще по процессуальнымъ вопросамъ неправильно, ибо чистой теоріи въ этихъ практическихъ вопросахъ, разрѣшаемыхъ по соображеніямъ цѣлесообразности, быть не можетъ. Съ точки зрѣнія общественной, пожалуй, дѣйствительно лучше добиться до введенія судебныхъ приказовъ изданія другихъ приказовъ, а именно: 1) чтобы не было неграмотныхъ, 2) чтобы не было плохой полиціи и 3) чтобы не было земскихъ начальниковъ.

М. Л. Песисъ полагаетъ, что судебные приказы, какъ суррогатъ суда, крайне опасны; съ точки зрѣнія судебныхъ гарантій не можетъ быть маловажныхъ дѣлъ; всѣ дѣла одинаково важны, причемъ крупную ошибку допускаютъ тѣ, кто думаетъ, что мыслимо послѣдовательное соблюденіе судебныхъ гарантій безъ политической свободы. Осуществленіе обвиняемымъ права отзыва затянетъ дѣло, а неосуществленіе будетъ лишь свидѣтельствовать не о признаніи вины, а о примиреніи съ приговоромъ. Въ общемъ же нельзя скрывать, что весь проектъ есть не что иное какъ попытка вернуться къ старому порядку.

В. Д. Набоковъ указалъ, что возраженія и оцѣнка института велись съ двухъ точекъ зрѣнія—общей и мѣстной; общей—возраженія чисто принципіальнаго характера противъ института вообще; мѣстной—указанія на невозможность введенія института въ Россіи. Возраженія съ принципіальной точки зрѣнія несомнѣнно правильны; какъ бы ни было затруднительно соблюденіе судебныхъ гарантій всегда и всюду, но соблюденіе это необходимо, какъ бы опять таки маловажно ни было дѣло. Правильны возраженія и съ

точки зрѣнія бытовыхъ русскихъ условій. Пренія показали, что введеніе института въ Россіи крайне опасно, а тѣ выгоды, которыя оно обѣщаетъ, весьма проблематичны и не сбыточны. Въ конечномъ результатѣ дѣло сведется, какъ уже указано г. Вольтке, къ переносу отвѣтственности съ одного вѣдомства на другое. Разумѣется, нельзя отрицать, что общія политическія условія современной Россіи имѣютъ громадное значеніе при обсужденіи отдѣльныхъ институтовъ уголовнаго процесса, но самъ по себѣ вопросъ о судебныхъ приказахъ для Россіи очень маленькій и можетъ быть разрѣшенъ только отрицательно. Это сознаютъ и защитники института, указывая, что введеніе института мыслимо лишь при нѣкоторыхъ существенныхъ реформахъ. Въ заключеніе В. Д. Набоковъ предлагаетъ благодарить докладчика, заявившаго, что онъ удовлетворенъ тѣмъ, что рефератъ его возбудилъ столь интересныя пренія, и постановить на баллотировку вопросъ о желательности и своевременности введенія въ Россіи судебныхъ приказовъ.

А. С. Зарудный предлагаетъ баллотировать и принципіальный вопросъ.

В. Д. Набоковъ предлагаетъ собранію высказаться по вопросамъ:

1) „Представляетъ ли институтъ судебныхъ приказовъ такой институтъ, достоинство котораго превышаетъ его недостатки?“ большинствомъ 15 голосовъ противъ 12 вопросъ рѣшенъ отрицательно.

2) „Возможно ли введеніе въ Россіи института судебныхъ приказовъ при тѣхъ условіяхъ, которыя указываетъ докладчикъ?“ собраніе рѣшаетъ громаднымъ большинствомъ вопросъ отрицательно.

Засѣданіе было закрыто въ 12 ч. 15 м. ночи.

Протоколъ засѣданія уголовнаго отдѣленія юридическаго общества.

11 Декабря 1904 г.

11 декабря 1904 г. въ помѣщеніи Спб. столичнаго мирового съѣзда состоялось засѣданіе уголовнаго отдѣленія юридическаго общества при спб. университетѣ. Предсѣдательствовалъ членъ редакціоннаго комитета М. М. Боровитиновъ, которымъ по открытіи засѣданія было предоставлено слово Н. И. Фалѣеву, сообщившему свой докладъ предстоящему въ 1905 г. въ г. Буда-Пештѣ международному тюремному конгрессу по 1 вопросу IV секціи: должно ли государство принимать мѣры попеченія въ отношеніи дѣтей осужденныхъ и какія мѣры для этого являются наиболѣе дѣйствительными. Хотя вопросъ этотъ, по мнѣнію докладчика, и не новый и служилъ уже предметомъ обсужденія, тѣмъ не менѣе призрѣніе арестантскихъ дѣтей представляетъ собою что-то весьма жалкое. Положеніе законодательства русскаго по этому вопросу лаконично; уст. о содерж. подъ стражею разрѣшаетъ помѣщать дѣтей въ заведенія общественнаго призрѣнія, а матерямъ грудныхъ младенцевъ предоставляетъ улучшенное помѣщеніе и улучшенную пищу. На самомъ дѣлѣ имѣется нѣсколько заведеній призрѣнія, устроенныхъ тюремными комитетами и вѣдомствомъ дѣтскихъ пріютовъ, а количество безпріютныхъ дѣтей достигаетъ нѣсколькихъ тысячъ. Изслѣдованіе этого вопроса чиновникомъ вѣдомства дѣтскихъ пріютовъ, объѣхавшимъ рядъ губерній, установило необходимость немедленнаго принятія мѣръ. Первый вопросъ, который возникаетъ по настоящему предмету, заключается въ томъ—должно ли государство принимать на себя мѣры попеченія объ арестантскихъ дѣтяхъ; этотъ вопросъ и ставитъ конгрессъ. Разрѣшается онъ, по мнѣнію докладчика, въ томъ смыслѣ, что разъ наказаніе есть актъ публичной власти, субъектомъ которой является государство, то забота о послѣдствіяхъ этого акта для семьи осужденнаго должна пасть на государство. Помощь государству со стороны общества можетъ имѣть лишь субсидіарное значеніе. Отмѣтивъ узкую постановку вопроса Буда-Пештскому конгрессу—о призрѣніи дѣтей уже осужденныхъ, докладчикъ высказался за необходимость попе-

ченія и надъ дѣтьми лицъ, подвергшихся подслѣдственному аресту и административному задержанію. Хотя часто у дѣтей такихъ лицъ остаются другой родитель и опекунъ, но положеніе ихъ таково, что забота о нихъ общества или государства настоятельно необходима благодаря матеріальной необезпеченности или болѣзни или просто неумѣнія другого родителя воспитывать дѣтей. При правильной постановкѣ контроля можно съ увѣренностью сказать, что государству не грозитъ опасность, что слишкомъ много лицъ будутъ просить его о такой заботѣ безъ достаточнаго къ тому основанія. Въ пользу этого говоритъ и тотъ установленный практикою фактъ, что родители, подвергнутые тюремному заключенію, обыкновенно крайне неохотно отдаютъ своихъ дѣтей въ пріюты для арестантскихъ дѣтей и просятъ оставлять ихъ въ тюрьмѣ. Не можетъ быть двухъ мнѣній о томъ гибельномъ вліяніи, которое оказываетъ на дѣтскую душу тюрьма, и потому при надлежащей постановкѣ дѣла попеченія надъ арестантскими дѣтьми съ согласіемъ родителей не нужно будетъ считаться. Предоставлять родителямъ право удерживать при себѣ дѣтей въ тюрьмѣ—значитъ подвергать ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей наказанію; съ точки зрѣнія строгаго поддержанія тюремнаго режима пребываніе дѣтей въ тюрьмѣ также нежелательно, ибо дѣти вносятъ извѣстный безпорядокъ. По вопросу о моментѣ окончанія попеченія мнѣнія расходятся—этотъ моментъ можетъ совпадать съ освобожденіемъ родителя и отдачею ребенка къ родственникамъ или въ торговое и мастеровое заведеніе или съ достиженіемъ ребенкомъ извѣстнаго возраста. Практика, законъ и уставы пріютовъ утверждаютъ, что дѣти пользуются попеченіемъ только во время заключенія родителей, но врядъ ли это начало слѣдуетъ привѣтствовать. Изъ того обстоятельства, что начальнымъ моментомъ является взятіе родителя подъ стражу, нельзя непремѣнно выводить, что конечнымъ моментомъ должно быть непремѣнно освобожденіе его изъ подъ стражи. Взятіе родителя подъ стражу есть лишь поводъ къ вмѣшательству государства въ дѣло попеченія и воспитанія ребенка; способность родителя надлежаще воспитать ребенка заподозрѣна, и родителю ребенокъ можетъ быть возвращенъ тогда, когда онъ вновь себя реабилитируетъ въ глазахъ общества. Не рѣдки случаи, что выпущенные изъ тюремъ родители являются въ пріюты и отбираютъ дѣтей съ исключительною цѣлью заставить ихъ собирать милостыню или промышлять развратомъ. Нельзя не отмѣтить также и того обстоятельства, что сами выпущенные на свободу тюремные сидѣльцы почти

всегда нуждаются въ помощи извнѣ, чтобы удержаться на честномъ пути; брать дѣтей изъ пріютовъ тотчасъ же по освобожденіи имъ сплошь и рядомъ не подъ силу. Въ виду этого авторъ доклада приходитъ къ убѣжденію, что государственное попеченіе объ арестантскихъ дѣтяхъ должно осуществляться независимо отъ согласія родителей, можетъ происходить внѣ контроля родителей и оканчиваться только тогда, когда призрѣваемые будутъ способны сами себѣ добывать пропитаніе. Мѣрами государственнаго попеченія объ арестантскихъ дѣтяхъ могутъ служить: спеціальные пріюты, отдѣленія при существующихъ пріютахъ, отдѣленія при тюрьмахъ, благонадежныя частныя семьи, семьи тюремныхъ надзирателей и заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. Останавливаясь на оцѣнкѣ каждаго изъ предлагаемыхъ видовъ попеченія надъ дѣтьми тюремныхъ сидѣльцевъ, докладчикъ отмѣтилъ разнобразіе взглядовъ на организацію спеціальныхъ пріютовъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, напр. С. К. Гогеля, организація этихъ пріютовъ, задача которыхъ должна свестись лишь къ удаленію дѣтей изъ тюрьмы, не представляетъ большихъ трудностей; она ему представляется даже легкой, при чемъ, по его мнѣнію, общее число арестантскихъ дѣтей достигаетъ 3500 человѣкъ. Отрицая правильность этой цифры, полученной путемъ помноженія общаго числа тюремъ на предполагаемое число дѣтей, Н. И. Фалѣевъ опредѣляетъ число арестантскихъ дѣтей значительно ниже—около 1500 человѣкъ, при чемъ утверждаетъ, что забота объ этихъ дѣтяхъ не должна быть дѣломъ филантропіи, но предметомъ серьезной заботы государства. Забота о безпризорныхъ дѣтяхъ арестантовъ—есть вопросъ уголовной политики. Поэтому организація этихъ пріютовъ не должна представляться простою и задача ихъ должна быть шире, чѣмъ простая изоляція дѣтей отъ родителей. Задачею пріютовъ должно быть активное попеченіе съ широкою организаціей работъ и обученія. Опытъ Александровскаго пріюта въ Спб. служитъ тому наилучшимъ доказательствомъ. Въ устройствѣ пріютовъ въ мелкихъ городахъ, гдѣ общее число арестантскихъ дѣтей достигаетъ 10, 20 или 30 человѣкъ, надобности нѣтъ. Нельзя упускать также одного мелкаго обстоятельства—нужно щадить самолюбіе дѣтей и потому не слѣдуетъ называть пріюты именемъ „пріюты для арестантскихъ дѣтей". Относясь отрицательно къ предложенію Вѣдомства Императрицы Маріи помѣщать арестантскихъ дѣтей въ пріютъ вѣдомства, ибо послѣднее есть созданіе филантропіи, и потому могутъ содержать дѣтей только короткое время, докладчикъ,

однако, думаетъ, что до тѣхъ поръ, пока государство не создастъ спеціальныхъ пріютовъ, предложеніе вѣдомства можетъ быть принято и въ нихъ можно направлять арестанскихъ дѣтей. Устройство при тюрьмахъ спеціальныхъ отдѣленій для арестантскихъ дѣтей врядъ ли легко осуществимо, ибо это связано съ расходами значительныхъ суммъ, которыми тюремное вѣдомство не располагаетъ, а современное состояніе русской тюрьмы таково, что устройство спеціальныхъ отдѣленій безъ значительныхъ затратъ немыслимо. Отрицательно слѣдуетъ отнестись къ предложенію помѣщать дѣтей въ такъ называемыя благонадежныя семьи и семьи тюремныхъ надзирателей. „Благонадежныя семьи", дѣлающія себѣ обыкновенно изъ этого доходную статью, не дадутъ въ большинствѣ случаевъ ребенку того, что слѣдуетъ, а надзиратели, привыкшіе къ тюремному міру, безусловно будутъ не въ состояніи исполнить ту серьезную задачу, которая имъ предлагается. Еще отрицательнѣе нужно относиться къ предложенію помѣщать дѣтей въ заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. Дѣтей нужно удалять отъ преступнаго міра, а не вводить въ него, а помѣщеніе ихъ въ заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, есть именно введеніе ихъ въ преступный міръ. Задача надлежащаго попеченія надъ арестантскими дѣтьми громадна и трудна, но это не должно останавливать практическихъ дѣятелей, ибо разрѣшеніе этой задачи настоятельно необходимо.

М. М. Боровитиновъ, предлагаетъ присутствующимъ высказаться по поводу прочитаннаго Н. И. Фалѣевымъ доклада.

С. К. Гогель отмѣчаетъ, что докладъ Н. И. Фалѣева написанъ не на тему—вопросъ поставленъ о той роли, которую должно играть государство въ дѣлѣ призрѣнія арестантскихъ дѣтей. Нужно было, поэтому, и отвѣтить на этотъ вопросъ. По мнѣнію оратора близко знакомаго съ этимъ вопросомъ, какъ теоретически такъ и практически, дѣло заботы объ арестантскихъ дѣтяхъ должно быть сосредоточено въ рукахъ общества. Государство можетъ лишь приходить обществу на помощь, оно, конечно, одно и можетъ лишать родителей отеческой власти. Въ Западной Европѣ повсемѣстно кромѣ Италіи интересующій собраніе вопросъ разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что тамъ, благодаря широкой постановкѣ дѣла филантропіи, призрѣніе дѣтей лицъ, находящихся подъ стражею, поставлено хорошо. Государство можетъ, конечно, нормировать дѣятельность такихъ обществъ, можетъ оказывать имъ матеріальную поддержку, но руководителемъ и хозяиномъ дѣла остаться должны

тѣ филантропическія общества, которыя занимаются этимъ дѣломъ. Совершенно неправильно связывать вопросъ о необходимости призрѣнія арестантскихъ дѣтей съ вопросомъ о состояніи тюремъ въ странѣ и тюремнымъ режимомъ. Ни то ни другое въ данномъ случаѣ совершенно не причемъ. Помимо такихъ указаній, имѣющихъ теоретическое указаніе, С. К. Гогель считаетъ нужнымъ указать, что по вопросу, трактуемому докладчикомъ, имѣется большой фактическій матеріалъ, который онъ, къ сожалѣнію, не использовалъ.

М. М. Боровитиновъ заявляетъ, что представленный словесный докладъ значительно сокращенъ по сравненію съ письменнымъ докладомъ, въ которомъ Н. И. Фалѣевъ подробно разбираетъ русскую литературу вопроса и широко пользуется богатымъ фактическимъ матеріаломъ, и предлагаетъ докладчику сообщить дополнительныя свѣдѣнія.

Н. И. Фалѣевъ говоритъ, что онъ далъ изъ своей работы лишь весьма немногое. Практическая постановка въ Россіи дѣла призрѣнія арестантскихъ дѣтей его весьма интересовала, особенно постановка его въ тѣхъ спеціальныхъ пріютахъ, которые находятся въ вѣдѣніи тюремного вѣдомства. Лично онъ высоко ставитъ Александровскій пріютъ С.-Петербургскаго мужскаго благотворительно-тюремнаго комитета; послѣдній, разсчитанный на 60 чел., однако, далеко не полонъ; подробное ознакомленіе его съ постановкою дѣла въ этомъ пріютѣ даетъ положительныя данныя для того, чтобы высказаться въ пользу именно такой постановки. Интересные матеріалы получило вѣдомство Императрицы Маріи въ отчетахъ г. Адеркаса и барона Буксгевдена.

И. В. Мѣщаниновъ говоритъ, что докладъ разсматриваетъ вопросъ въ болѣе широкой постановкѣ, нежели таковая дана пенитенціарной коммисіей. Конгресъ спрашиваетъ о призрѣніи дѣтей лицъ, осужденныхъ, тогда какъ въ докладѣ Н. И. Фалѣева говорится о призрѣніи дѣтей лицъ, вообще находящихся подъ стражею. Еще важнѣе различать дѣтей, взятыхъ родителями въ тюрьму и оставленныхъ ими при взятіи подъ стражу дома. Забота о послѣднихъ всецѣло должна падать на общество. Можно организовать различные способы попеченія надъ такими дѣтьмы, которыхъ родители не берутъ съ собою въ тюрьму. Призрѣніе дѣтей, взятыхъ родителями въ тюрьму, часто организуется тюремнымъ начальствомъ и дѣло это ставится очень недурно, напр., очень удачно было организовано въ Уфѣ.

Кн. Друцкой находитъ, что вопросъ о значеніи согласія родителей при взятіи ребенка въ пріютъ и отпускѣ его по требованію получившаго свободу родителя разрѣшается докладчикомъ нѣсколько смѣло. Семья представляетъ собою дорогое благо, и разбивать семью нужно крайне осторожно лишь тогда, когда къ тому есть крайняя необходимость. Поэтому лишь только при признаніи судомъ, что родители, какъ находящіеся подъ стражею, такъ и освобожденные изъ подъ нея, не въ состояніи дать своему ребенку надлежащее воспитаніе, государство можетъ принять на себя заботу о воспитаніи ребенка. Предоставить дѣло призрѣнія обществу нельзя, ибо это равносильно допущенію случайнаго тамъ, гдѣ ничего случайнаго быть не должно. Въ маленькихъ центрахъ, гдѣ есть нуждающіяся въ призрѣніи дѣти и нѣтъ общественной иниціативы, забота о такихъ дѣтяхъ не можетъ падать ни на кого другого, какъ на государство. Никакихъ серьезныхъ препятствій къ тому, чтобы устраивать такіе пріюты въ видѣ отдѣленій при тюрьмахъ, ораторъ не видитъ.

Ѳ. І. Гредингеръ не согласенъ съ кн. Друцкимъ по вопросу о значеніи согласія родителей: интересу государственному уступаютъ интересы частныхъ лицъ. По суду можно лишить отеческой власти благодаря неправильному ея примѣненію только въ одномъ случаѣ—по 993 ст. улож. о нак., во всѣхъ прочихъ случаяхъ лишеніе отеческой власти по приговору немыслимо.

Кн. Друцкой указываетъ, что говорилъ о судѣ гражданскомъ, а не уголовномъ, ибо вопросъ этотъ гражданскаго, а не уголовнаго права.

С. К. Гогель полагаетъ, что, дѣйствительно, вопросъ о лишеніи родительской власти хотя бы на время, крайне серьезный вопросъ и врядъ ли его можно рѣшать такъ, какъ его рѣшаетъ Ѳ. І. Гредингеръ—нельзя въ порядкѣ административномъ ограничивать людей въ правахъ. Соглашаясь въ этомъ отношеніи съ кн. Друцкимъ, С. К. Гогель считаетъ нужнымъ еще разъ подчеркнуть, что дѣло призрѣнія должно быть сосредоточено въ рукахъ общества, а не государства.

А. Ѳ. Васильевъ присоединяется къ кн. Друцкому и думаетъ, что невозможно насильственное разлученіе родителей и дѣтей. Семья—залогъ правильнаго развитія общественной жизни и потому нужно бережно подходить къ ней. Отеческая ласка и материнская любовь имѣютъ для ребенка громадное значеніе, а потому предпочтительно избрать такой видъ попеченія надъ арестантскими

дѣтьми, при которомъ общеніе между родителями и дѣтьми не прерывалось. Поэтому, лучше всего организовать отдѣленія при тюрьмахъ.

А. А. Леонтьевъ отмѣчаетъ, что ни въ докладѣ, ни въ преніяхъ рѣзко не отмѣченъ объектъ призрѣнія. Указывалось лишь, что бываютъ дѣти осужденныхъ и подслѣдственныхъ лицъ, взятыя въ тюрьму родителями и оставленныя ими, находящіяся на попеченіи частныхъ лицъ и заброшенныя. Можно выработать, конечно, общіе принципы, но въ отношеніи конкретныхъ мѣръ придется исходить изъ обсужденія сравнительно частныхъ вопросовъ въ зависимости отъ того, къ какой категоріи дѣти принадлежатъ. Есть, наконецъ, дѣти, которыхъ невозможно отдѣлять отъ матерей. Вопросъ нѣсколько упростился въ виду отмѣны ссылки, но обсуждать его необходимо съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія.

Г. С. Вольтке полагаетъ, что лучше предпочесть заботу общества, а не государства, ибо эта забота будетъ мягче и теплѣе. Тамъ, гдѣ нѣтъ органовъ патроната, должно выступать государство. Въ этомъ смыслѣ, по мнѣнію оратора, слѣдуетъ внести извѣстныя поправки въ положенія докладчика. Разработка вопросовъ о призрѣніи арестантскихъ дѣтей съ практической точки зрѣнія, представляетъ извѣстныя трудности—нужно твердо установить, что слѣдуетъ разумѣть подъ „опасными“ родителями, до какого возраста ребенокъ можетъ быть объектомъ призрѣнія и т. п. Пока что, во всякомъ случаѣ необходимо усовершенствованіе тюремъ; такъ какъ состояніе ихъ плачевно.

А. С. Лыкошинъ думаетъ, что нельзя не обратить вниманіе на дѣтей, родителей которыхъ иногда увозятъ изъ того города, гдѣ остаются дѣти; равнымъ образомъ нерѣдки случаи странствованія дѣтей съ родителями по тюрьмамъ; политическихъ подслѣдственныхъ, при которыхъ находятся дѣти, часто переводятъ съ мѣста на мѣсто. Что касается возраста, въ теченіе котораго должна быть забота о ребенкѣ, то очевидно гранью явится возрастъ школьный.

М. М. Боровитиновъ указываетъ, что ставя вопросъ принципіально о мѣрахъ призрѣнія арестантскихъ дѣтей, едва ли желательно различать дѣтей взятыхъ родителями въ тюрьму и оставленыхъ на свободѣ. Обсуждая вопросъ совокупно относительно тѣхъ или другихъ нужно отмѣтить, что отнюдь нельзя сводить все дѣло къ пріютскому воспитанію, да и пока что оно не особенно

прививается въ Россіи. Лучшій примѣръ—прекрасно поставленный Александровскій пріютъ. Онъ устроенъ на 50 человѣкъ, но обыкновенно комплектъ этотъ не заполненъ. Замѣчаемая тенденція для заполненія пріюта искусственно разрывать семью, однако, врядъ ли желательное явленіе; гораздо лучше ее поддержать, дать ей возможность лучшихъ условій существованія, причемъ нужно замѣтить, что помощь въ такомъ видѣ обойдется не только не дороже, но даже значительно дешевле. Если смотрѣть на призрѣніе дѣтей арестантовъ какъ на одинъ изъ видовъ помощи самому арестанту и его семьѣ, то правильнѣе всего предоставить это дѣло въ руки органовъ патроната. При этомъ будетъ совершенно безразлично, кто ведетъ дѣло патроната государство или общество. Лучше всего будетъ, конечно, общественная организація дѣла при широкой поддержкѣ государства.

Пріютское попеченіе надъ арестантскими дѣтьми есть лишь одна изъ формъ призрѣнія ихъ; можно, конечно, много доводовъ приводить и за и противъ спеціальныхъ и общихъ пріютовъ, но разъ забота объ арестантскихъ дѣтяхъ падаетъ на органы патроната, то правильнѣе всего имъ и предоставить выборъ мѣръ призрѣнія; можно а priori сказать лишь то, что помѣщеніе всѣхъ призрѣваемыхъ безъ подраздѣленія ихъ на категоріи врядъ ли возможно. Затронутый докладчикомъ вопросъ о согласіи родителей, одинъ изъ наиболѣе трудныхъ; въ Александровскомъ пріютѣ, по свѣдѣніямъ оратора, замѣчается стремленіе удержать дѣтей возможно дольше, но нужно какъ принципъ установить начало, что по освобожденіи родителей изъ подъ стражи произвольное ограниченіе родительской власти не мыслимо и недопустимо.

Н. И. Фалѣевъ выражаетъ удовольствіе, что докладъ его вызвалъ столь оживленныя пренія, но полагаетъ, что причиною этого является по преимуществу крайняя скомканность доклада. Вопросъ о значеніи согласія родителей, дѣйствительно, крайне трудный. Тѣ, кто хотятъ дать ему минимальное значеніе, дѣлаютъ это только во имя интереса дѣтей, ибо нельзя упускать изъ вида гибельнаго разлагающаго вліянія преступнаго родителя и тюремной среды на ребенка. Объектомъ призрѣнія явятся дѣти находящихся подъ стражею, какъ осужденныхъ такъ и подслѣдственныхъ, разъ только они лишены родительскаго попеченія. Субъектомъ явятся и государство и общество. Чѣмъ шире цѣли и средства призрѣнія, тѣмъ активнѣе должна быть роль государства. Публичный характеръ наказанія обязываетъ государство къ

активной роли въ дѣлѣ призрѣнія арестантскихъ дѣтей. Ораторъ думаетъ, что пріютское попеченіе должно быть на первомъ планѣ, а остальные виды попеченія должны имѣть второстепенное значеніе Что же касается вида пріютовъ, то правильнѣе созданіе спеціальныхъ пріютовъ, такъ какъ общіе пріюты имѣютъ совершенно иныя задачи, чѣмъ спеціальные.

М. М. Боровитиновъ предлагаетъ представить докладъ Н. И. Фалѣева отъ имени юридическаго общества конгрессу въ Будапештѣ съ внесеніемъ нѣкоторыхъ поправокъ въ его тезисы. Послѣдніе, по мнѣнію М. М. Боровитинова, согласно сужденіямъ, высказаннымъ собраніемъ, должны быть формулированы слѣдующимъ образомъ:

1. Попеченіе о дѣтяхъ арестантовъ должно распространяться на всѣхъ вообще дѣтей лицъ, взятыхъ подъ стражу или подвергшихся ссылкѣ, независимо отъ того, доставлены ли дѣти въ тюрьму вмѣстѣ съ родителями или находятся внѣ тюрьмы.

2. Попеченіе объ арестантскихъ дѣтяхъ лежитъ прежде всего на обязанности органовъ патроната. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ дѣятельность органовъ патроната представляется въ этомъ отношеніи недостаточной, въ заботахъ о призрѣніи дѣтей должно принять участіе государство.

3. Удаленіе дѣтей изъ тюремъ представляется особенно важнымъ и не требуетъ согласія родителей (contra: А. В. Васильевъ, А. С. Лыкошинъ и кн. С. А. Друцкой).

4. Призрѣніе дѣтей лицъ, освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія, можетъ имѣть мѣсто вопреки желанію послѣднихъ лишь постолько, посколько это допускается существующими въ государствѣ законоположеніями относительно ограниченія правъ родительской власти въ интересахъ дѣтей.

Собраніе одобряетъ формулировку тезисовъ и, по предложенію М. М. Боровитинова, выражаетъ благодарность докладчику.

Послѣ десятиминутнаго перерыва слово было предоставлено С. К. Гогелю, прочитавшему свой докладъ Будапештскому тюремному конгрессу по 4 вопросу I секціи: „не вызываетъ ли институтъ суда присяжныхъ по своимъ результатамъ необходимости въ его реформѣ“? [1]).

По прочтеніи доклада предсѣдательствующимъ М. М. Борови-

---

[1]) Докладъ этотъ напечатанъ въ первой книгѣ „Вѣстника Права“ за 1905 г. стр. 52—72.

тиновымъ было предложено обмѣняться мнѣніями по поводу прочитаннаго.

Ю. И. Хейферцъ предполагаетъ, что докладчикъ понимаетъ тему нѣсколько иначе, чѣмъ пенитенціарная коммисія. Надо думать, что рѣчь идетъ не о мѣстныхъ недостаткахъ института, а именно объ общихъ недостаткахъ его, присущихъ ему какъ таковому. Такъ нужно, напр., было коснуться стараго вопроса о правѣ и фактѣ.

А. В. Вороновъ, присоединяясь къ мнѣнію Ю. И. Хейфеца, отмѣчаетъ настоятельную необходимость, чтобы присяжные засѣдатели знали о грозящемъ подсудимому наказаніи и могли вліять на его размѣръ. Извѣстно, какъ часто присяжные засѣдатели выносятъ оправдательные приговоры только потому, что опасаются строгаго наказанія подсудимаго. Нужна полная освѣдомленность присяжныхъ о возможномъ наказаніи и безусловное право оказывать вліяніе на его размѣры, и это послужитъ значительнымъ коррективомъ института.

Ѳ. І. Гредингеръ присоединяется къ докладчику и думаетъ, что врядъ ли вопросъ этотъ можетъ быть съ успѣхомъ разрѣшенъ на международномъ конгрессѣ, ибо дѣйствительно многое чисто мѣстное имѣетъ подчасъ крайне важное значеніе.

Г. С. Вольтке держится по этому вопросу иного мнѣнія и думаетъ, что конгрессъ пользуется большимъ авторитетомъ и мнѣніе его можетъ потому или иному вопросу сыграть крупную роль. Нельзя во имя чисто мѣстныхъ условій или національнаго самолюбія отказаться выслушать просвѣщенный голосъ. Интересно, напр., мнѣніе конгресса по вопросу о томъ, цѣлесообразно ли изъятіе изъ компетенціи суда присяжныхъ политическихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе важны указанія конгресса объ организаціи института.

М. М. Боровитиновъ указываетъ, что совершенно излишне обсуждать вопросъ о томъ, слѣдовало или нѣтъ ставить вопросъ этотъ на обсужденіе конгресса. Онъ поставленъ и съ этимъ обстоятельствомъ нужно считаться, а на постановленный вопросъ нужно дать надлежащій отвѣтъ. Конечно, крайне важно знать, коренятся ли недостатки института въ самой его природѣ или они обусловлены мѣстными причинами. Наибольшій интересъ для конгресса, однако, несомнѣнно представятъ результльтаты дѣятельности суда въ данномъ государствѣ, а не разсужденія теоретическаго характера. Съ этой точки зрѣнія было бы странно, если бы докладчикъ изъ Россіи, въ которой политическія дѣла никогда не вѣдались

судомъ присяжнымъ, предложилъ конгрессу признать нецѣлесообразнымъ изъятіе изъ компетенціи суда присяжныхъ этихъ дѣлъ; такое предложеніе не имѣло бы подъ собою почвы. Въ заключеніе М. М. Боровитиновъ обратилъ вниманіе на то, что въ докладѣ С. К. Гогеля встрѣчаются рѣзкіе отзывы о пенитенціарной коммисіи, поставившей вопросъ этотъ на обсужденіе, а равно нѣсколько укорительныя выраженія по адресу нѣмецкихъ ученыхъ. По мнѣнію оратора, лучше было бы избѣжать и того и другого.

С. К. Гогель не согласенъ съ сдѣланными ему возраженіями. Конечно, было бы желательно коснуться очень многаго, но достаточно вспонить тѣ условія, ту атмосферу, въ которыхъ ведутся работы конгрессовъ—въ теченіе нѣсколькихъ часовъ рѣшаются сложнѣйшія научныя проблемы. Указаніе на то, что онъ обошелъ вопросъ о фактѣ и правѣ, врядъ ли правильно, такъ какъ для Россіи онъ особаго значенія не имѣетъ, и это понятно, такъ какъ институтъ суда присяжныхъ попалъ къ намъ не непосредственно изъ Англіи, гдѣ вопросъ этотъ и имѣетъ значеніе, а изъ Франціи, и тѣ сомнѣнія, которыя иногда по этому вопросу въ Россіи возникали врядъ ли были правильны. Что касается сдѣланнаго ему, какъ докладчику, упрека въ употребленіи укорительныхъ выраженій по адресу нѣмецкихъ ученыхъ, то таковой упрекъ долженъ отпасть, ибо въ докладѣ всѣ эти мѣста представляютъ ни что иное какъ выписки изъ подлинныхъ сочиненій германскихъ ученыхъ и публицистовъ.

А. А. Леонтьевъ также находитъ, что постановка вопроса пенитенціарною коммисіей не можетъ быть признана удачною. Болѣе активное участіе присяжныхъ засѣдателей въ опредѣленіи подсудимому размѣра наказанія крайне важно, причемъ желательно и возможно большее расширеніе ихъ компетенціи.

А. В. Вороновъ думаетъ, что присяжнымъ засѣдателямъ слѣдуетъ предоставить въ иныхъ случаяхъ и выборовъ между извѣстными родами наказанія.

М. М. Боровитиновъ предлагаетъ принять докладъ С. К. Гогеля и представить его конгрессу, а равно принести С. К. Гогелю благодарность за сдѣланное сообщеніе.

По принятіи Собраніемъ предложенія предсѣдательствующаго, послѣдній объявилъ засѣданіе закрытымъ.

Членъ Редакціоннаго Комитета

М. Боровитиновъ.

Протоколъ засѣданія уголовнаго отдѣленія Юридическаго Общества.

18-го декабря 1904 г.

18 декабря 1904 г. въ помѣщеніи С.-Петербургскаго столичнаго мирового съѣзда происходило подъ предсѣдательствомъ И. Г. Щегловитова засѣданіе уголовнаго отдѣленія Юридическаго Общества. По открытіи засѣданія предсѣдателемъ отдѣленія было предоставлено слово Д. А. Дрилю, доложившему собранію свой рефератъ VII международному тюремному конгресу по вопросу о томъ, „какія мѣры, помимо обычныхъ средствъ воспитанія, наиболѣе обезпечиваютъ предохраненіе (отъ преступленій) нравственно покинутыхъ дѣтей и исправленіе порочныхъ дѣтей, не совершившихъ еще ни одного наказуемаго дѣянія“ (4 вопросъ IV секціи). Привѣтствуя постановку этого вопроса на обсужденіе конгресса и считая это весьма своевременнымъ, Д. А. Дрилль указалъ, что нужно сдѣлать возможно глубокимъ изученіе соціальныхъ причинъ, порождающихъ крайне грустное явленіе—громадное количество заброшенныхъ дѣтей, и задуматься надъ тѣми мѣрами, благодаря которымъ возможно было бы уменьшить—если невозможно совершенно устранить—число нравственно заброшенныхъ и порочныхъ дѣтей. Причина этого явленія та же, что и причина преступности. Крайняя бѣдность, въ которой живутъ рабочіе и невозможныя условія ихъ существованія, моральныя и физическія, являются главнымъ источникомъ безнравственности проступковъ и преступленій. Если русскій народъ называетъ тюремныхъ несчастненькими, то положеніе русскаго рабочаго человѣка таково, что онъ можетъ позавидовать жизни „несчастненькихъ“. Понятно, почему громадный контингентъ преступнаго міра вербуется изъ лицъ, живущихъ въ дурныхъ условіяхъ жизни. Эти дурныя условія жизни оказываютъ

вліяніе на организмъ, а равно и на психическую жизнь индивида, благодаря чему у послѣдняго вырабатывается предрасположеніе къ нарушенію общественнаго порядка. По этому не можетъ подлежать сомнѣнію правильность положенія д-ра Morel'я, что забота общества о гигіенѣ души его членовъ не можетъ и не должна быть отдѣляема отъ гигіенѣ тѣла, если хотятъ достигнуть успѣха и формулировать дѣйствительные принципы умственнаго, нравственнаго и физическаго улучшенія человѣческаго рода. Интересы трудящагося класса должны остановить на себѣ вниманіе общества, если оно хочетъ плодотворной борьбы съ преступностью. Если только вспомнить ихъ жилища, санитарныя условія работы, мизерное вознагражденіе за цѣлые дни неустаннаго труда, питаніе какъ ихъ самихъ, такъ и заброшенныхъ дѣтей, оба родителя которыхъ должны работать, чтобы прокормить ихъ, то станетъ яснымъ, wo ist der Hund begraben и гдѣ нужно искать причинъ все возрастающей преступности. Очевидно, въ этомъ же нужно искать объясненіе и вопросу о дѣтской заброшенности, а въ значительной мѣрѣ и дѣтской порочности. Отсюда понятно, что единственный правильный отвѣтъ на вопросъ, поставленный конгрессомъ, и будетъ заключаться въ указаніи на необходимость дѣйствовать въ направленіи устраненія производящихъ причинъ явленій дѣтской заброшенности и порочности въ самыхъ семьяхъ, иначе говоря, необходимо стремиться къ ослабленію тѣхъ неблагопріятныхъ условій жизни, которыя усиленно развивались со второй половины 18-го во все теченіе 19-го столѣтія и до настоящаго времени. Именно нужно въ практической борьбѣ съ дѣтской заброшенностью считаться и бороться съ тѣми условіями, въ которыхъ дѣти живутъ, между тѣмъ какъ до сихъ поръ самое большее, что общество дѣлало, были мѣры, направленныя на слѣдствія, т. е. на самихъ дѣтей. Для этого устраивались всевозможные виды пріютовъ, производилась раздача за плату заброшенныхъ дѣтей въ такъ назыв. благонадежныя семьи и вообще замѣчалось стремленіе замѣнить дѣтямъ ихъ родную семью. Нельзя, конечно, отрицать той пользы, которую въ отдѣльныхъ случаяхъ приноситъ и въ состояніи принести подобныя учрежденія, но, съ другой стороны, нельзя упускать изъ виду дальнѣйшей судьбы самой семьи, которая въ силу условій ея существованія будетъ бросать своихъ дѣтей на произволъ судьбы. Слишкомъ много привходящихъ факторовъ, какъ то постепенное ослабленіе естественныхъ узъ семьи, дурная наслѣдственность и тому подобное, будутъ по прежнему давать себя

чувствовать. Нужно, поэтому, не ограничиваться палліативами, нужно бороться не столько съ результатами зла, сколько съ самимъ зломъ и потому дружными усиліями государственныхъ и общественныхъ учрежденій при широкой возможности частной инипіативы необходимо всестороннее улучшеніе тяжелой жизни семей нуждающагося трудящагося населенія. Вопросъ о практическомъ осуществленіи этой широкой задачи представляетъ много трудностей. Трудно предвидѣть тѣ будущія формы человѣческаго общежитія, которыя придутъ на смѣну существующимъ благодаря все измѣняющимся условіямъ, въ которыхъ живетъ общество. Особенно могучимъ факторомъ въ переустройствѣ соціальныхъ основъ явятся тѣ измѣненія въ способахъ производства, которыя вносятъ новѣйшія изобрѣтенія въ области техники. Широкое право свободнаго образованія союзовъ и коопераций окажетъ громадное вліяніе не только на матеріальное благосостояніе трудящихся классовъ, но и на ихъ духовный складъ. Стремленіе дать трудящимся классамъ такія условія жизни, при которыхъ семья будетъ служить источникомъ лучшихъ чувствъ, цементирующихъ человѣчество—есть высокій удѣлъ обезпеченныхъ классовъ. Какъ бы ни было велико относительное значеніе подсобныхъ средствъ борьбы, но если нужно знать,—а конгрессъ этого и хочетъ,—истинный голосъ современной пенитенціарной науки по поставленному вопросу, то нужно взглянуть шире и глубже и дать именно такой отвѣтъ, что нужно коренное переустройство, а не частныя измѣненія и улучшенія. Противъ такой постановки вопроса нельзя возражать ни съ той точки зрѣнія, что осуществленіе этихъ предложеній встрѣтитъ серьезное затрудненіе на практикѣ, ибо вопросъ о трудности добиться чего либо не представляетъ принципіальнаго возраженія и вообще всякое понятіе о трудности добиться чего либо есть понятіе весьма относительное, ни съ той точки зрѣнія, что разрѣшеніе этого вопроса не можетъ быть предметомъ обсужденія тюремнаго конгресса, не могущаго заниматься обсужденіемъ общихъ мѣропріятій. Послѣднее, однако, также неправильно, ибо постоянно при обсужденіи частныхъ вопросовъ и частичныхъ мѣръ приходится обращаться къ обсужденію общихъ вопросовъ и общихъ мѣропріятій, и это понятно—наука едина, хотя и подраздѣляется на отдѣлы, и потому неудивительно, что постоянно приходится отъ обсужденія частнаго восходить къ обсужденію общаго, и въ этомъ общемъ искать разгадку.

По окончаніи доклада предсѣдатель отдѣленія И. Г. Щегловитовъ предложилъ присутствующимъ высказаться по поводу прочитаннаго.

Г. И. Лисенковъ указалъ, что лично ему по условіямъ его дѣятельности приходится очень близко стоять къ бѣдному населенію г. С.-Петербурга и онъ можетъ засвидѣтельствовать, что истинными причинами заброшенности, безпризорности и преступности дѣтей является бѣдность ихъ родителей. Благодаря невозможнымъ условіямъ жизни у этихъ дѣтей передъ глазами всѣ пороки, не исключая и привычки къ праздности. Конечно, можно указать много практическихъ мѣръ, могущихъ внести много частичныхъ улучшеній, но для правильной борьбы необходима широкая постановка вопроса.

Н. А. Оппель говоритъ, что онъ горячо привѣтствуетъ выводы Д. А. Дриля. Его личныя отношенія къ населенію безусловно дали твердыя онованія утверждать, что постановка Д. А. правильна. Въ самыхъ маленькихъ ничего не значущихъ вопросахъ приходится сталкиваться съ вопросами общими, и въ нихъ искать разгадку.

М. М. Боровитиновъ присоединяется къ выводамъ и постановкѣ вопроса докладчика, но находитъ что въ докладѣ не поставлено точки надъ І. Предложенъ практическій вопросъ, на который отвѣта нѣтъ; средства борьбы неуказаны—такими средствами является не только воздѣйствіе на среду, но и воздѣйствіе на индивиды. Это указаніе нужно ввести въ докладъ, чтобы согласовать его съ вопросомъ, поставленнымъ коммисіей.

И. Г. Щегловитовъ держится того же мнѣнія о причинахъ преступности, что и докладчикъ; несомнѣнно—бѣдность населенія есть главная причина преступности; но на обсужденіе конгресса поставленъ частный вопросъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя необходимы для предохраненія нравственно покинутыхъ и исправленія порочныхъ дѣтей. Седьмой тезисъ докладчика указующій, что необходимо настаивать на улучшеніи жизни самой семьи отвѣта несомнѣнно не даетъ, но въ этомъ виновата неясная постановка вопроса.

Д. А. Дриль отмѣчаетъ колоссальный ростъ преступности, возбуждающій въ Западной Европѣ справедливыя опасенія. По отношенію къ дѣтямъ принимаются различныя мѣры, но нельзя не признать, что всѣ мѣры, рекомендуемыя обыкновенно, въ родѣ го-

рячихъ завтраковъ, отдачи дѣтей въ благонадежныя семьи и тому подобное представляютъ собою лишь *палліативъ*; иногда, когда къ дѣтямъ начинаютъ примѣнять подобныя мѣры, они уже носятъ въ себѣ зачатки преступнаго человѣка, бороться съ которыми очень трудно. Интерссы общества требуютъ сохраненія семьи, а потому борьба съ дѣтской преступностью путемъ изъятія ихъ изъ семьи врядъ ли можетъ быть признана цѣлесообразною. Благотворительностью въ такомъ дѣлѣ на помочь, нужны родикальныя средства, нужна охрана труда и по этому пути начинаютъ итти на Западѣ. Только широкая свобода коопераціи и союзовъ можетъ защитить трудъ и служить могучимъ оплотомъ въ борьбѣ съ преступностью.

М. М. Боровитиновъ указываетъ, что теперь, конечно, не можетъ итти рѣчи о коренной реформы въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее требуетъ Д. А. Дриль, но съ другой стороны, конечно, правъ Д. А. Дриль, который на поставленный ему вопросъ и отвѣтилъ, что внѣ коренной реформы спасенія нѣтъ и что всѣ прочія средства имѣютъ лишь второстепенное значеніе. Правильно также положеніе доклада, что семья есть палладіумъ противъ роста преступности.

Г. И. Лисенковъ думаетъ, что ближайшей причиною роста преступности является все таки заброшенность дѣтей, и борьба съ нею должна быть дѣломъ государства.

М. М. Красовскій указалъ, что изъ его судейской практики онъ вынесъ убѣжденіе, что причиною преступности далеко не всегда является бѣдность. Цѣлый рядъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ вербуется изъ семей зажиточныхъ и богатыхъ. Главнымъ факторомъ преступности являются условія городской жизни. Сельская жизнь болѣе предохраняетъ семью отъ разложенія, а дѣтей отъ заброшенности. Конечно, центръ общества—семья, и неприкосновенность ея нужно оберегать. Ораторъ несогласенъ съ тѣми, что нужно ставить вопросъ общо трактуемый вопросъ—вопросъ мѣстный, который и долженъ быть разрѣшенъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. На Западѣ, особенно въ Германіи, заброшенныхъ дѣтей меньше, чѣмъ у насъ. Тамъ заботится о такихъ дѣтяхъ общество и ему помогаетъ государство. Въ Россіи съ тѣхъ поръ какъ перестала заботиться о нихъ церковь, дѣти дѣйствительно заброшены. Иниціатива должна принадлежать государству.

Д. А. Дриллъ отмѣчаетъ, что бѣдность есть главный, но не единственный источникъ преступности. Несомнѣнно, что преступныя дѣти встрѣчаются и у богатыхъ родителей; извѣстна даже такъ назыв. miserté physiologique des viches. Совершенно нельзя согласиться съ тѣмъ, что условія сельской жизни лучше условій городской. Нужно считаться съ такимъ мощнымъ факторомъ современной соціальной жизни какъ тяготѣніе къ городу и бѣгство изъ деревни въ городъ; бѣгство это есть результатъ невозможности существовать, но и въ немъ нѣтъ спасенія. Условія жизни въ городѣ также невозможны, вербуется и растетъ армія безработныхъ и нужна широкая и неустанная борьба съ все возрастающимъ зломъ.

И. Г. Щегловитовъ предлагаетъ представить докладъ Д. А. Дриля конгрессу отъ имени юридическаго общества и приноситъ Д. А. благодарность за его сообщеніе.

Послѣ кратковременнаго перерыва предсѣдатель И. Г. Щегловитовъ предоставилъ слово Ю. Я. Хейфицу, сообщившему отдѣленію свой докладъ конгрессу по вопросу „представляется ли необходимость въ устройствѣ особыхъ учрежденій для заключенія: а) лицъ съ ограниченною отвѣтственностью б) закоренѣлыхъ пьяницъ (алкоголиковъ)? Если да, то на какихъ основаніяхъ должны быть организованы эти учрежденія?“ (4 вопросъ II секціи). Ю. Я. Хейфицъ въ нѣсколькихъ словахъ отмѣтилъ, что тѣ выводы, къ которымъ онъ приходитъ по поставленному коммисіей вопросу находятся въ тѣсной органической связи съ взглядами его на вопросъ объ уменьшенной вмѣняемости, и которыми онъ ознакомилъ отдѣленіе въ своемъ докладѣ въ засѣданіи 13 марта. Онъ исходитъ изъ положенія, что между состояніями психическаго здоровья и душевной болѣзни нѣтъ рѣзкой границы; наблюдается цѣлый рядъ промежуточныхъ душевныхъ состояній, не допускающихъ примѣненія къ нимъ полной вмѣняемости или полной невмѣняемости. Такое состояніе служитъ основаніемъ для признанія неполной или уменьшенной вмѣняемости, при наличности которой преступникъ долженъ подвергаться не количественно смягченному, а качественно иному воздѣйствію. Ставя это положеніе во главу угла, докладчикъ указалъ, что нужно различать психическое состояніе преступника во время учиненія преступленія и во время произнесенія приговора и отбыванія наказанія. Если преступникъ обладалъ неполною вмѣняемостью во время учиненія преступленія, то при постановленіи приговора, если онъ къ этому времени окажется обладающимъ полною вмѣняемостью, ему срокъ наказанія бу-

детъ опредѣленъ согласно правиламъ о назначеніи наказанія несовершеннолѣтнимъ преступникамъ. Если же состояніе неполной вмѣняемости продолжится или же впервые обнаружится ко времени отбыванія сопряженнаго съ лишеніемъ свободы наказанія, то такое лицо помѣщается въ особо устроенныхъ для такихъ лицъ заведеніяхъ. Такія заведенія должны быть устроены по принципу о соединеніи по существу моментовъ леченія и наказанія, причемъ организація по этому принципу должна быть предметомъ спеціальной детальной разработки. Режимъ содержанія не вполнѣ вмѣняемыхъ осужденныхъ и время пребыванія ихъ въ этихъ заведеніяхъ должны быть обусловлены не столько тяжестью преступленія, сколько тѣми требованіями, которыя вызываются интересами какъ самого заключеннаго, такъ и общественной безопасности. При этомъ и то и другое должно въ возможно большей степени сообразоваться съ индивидуальностью осужденнаго въ тѣсной зависимости отъ его болѣзни и ея прступнаго выраженія. Поэтому опредѣленіе напередъ системъ заключенія, образа жизни, работъ и т. п. не можетъ быть признано цѣлесообразнымъ. Лицо, совершившее приступленіе, можетъ быть признано судомъ опаснымъ, если оно будетъ оставлено безъ особаго присмотра или по отбытіи имъ срока заключенія. Въ этомъ случаѣ равно какъ и тогда, когда къ тому же заключенію объ опасности извѣстнаго лица придетъ судъ по произнесеніи оправдательнаго приговора, суду должно быть предоставлено право или отдать его подъ отвѣтственный надзоръ или помѣстить во врачебное заведеніе. По окончаніи доклада предсѣдатель предложилъ присутствующимъ высказаться по поводу прочитаннаго.

Д. А. Д р и л л ь указываетъ на необходимость называть вещи своими именами. Съ тѣмъ или инымъ названіемъ связываются извѣстныя представленія; поэтому, не слѣдуетъ ли задуматься надъ вопросомъ, не идетъ ли въ докладѣ рѣчь о принудительномъ леченіи; допустимо ли такое качественное воздѣйствіе? Если же рѣчь идетъ о наказаніи, то возможно ли наказывать больного человѣка. Ораторъ отнюдь не противъ того, чтобы по отношенію къ больнымъ людямъ примѣнялись особыя мѣры, но нельзя называть ихъ преступниками и обращаться какъ съ преступниками, хотя бы они и совершили преступленіе.

М. М. Б о р о в и т и н о в ъ полагаетъ, что нѣтъ уменьшенной вмѣняемости, но разъ коммисія этотъ вопросъ поставила, то на него слѣдуетъ дать отвѣтъ. Съ этой точки зрѣнія М. М. Боровитиновъ и подходитъ къ тѣмъ тезисамъ, которые выставилъ докладчикъ.

Съ ними можно вполнѣ согласиться; они не противорѣчатъ и ученію классической школы. На ряду съ наказаніемъ преступника идетъ его воспитаніе, и то и другое сочетается. Принципъ индивидуализаціи наказанія находитъ себѣ здѣсь примѣненіе въ полной мѣрѣ. Мѣры репрессіи отличаются одна отъ другой не только количественно, но и качественна, желательно, однако, болѣе точная формулировка тезисовъ, такая, чтобы не было поводовъ къ сомнѣніямъ; въ этомъ отношеніи представляется не вполнѣ яснымъ, что хотѣлъ сказать докладчикъ предложеніемъ въ пунктѣ *а* второго тезиса сокращать срокъ наказанія лицу, дѣйствовавшему во время учиненія пресупленія въ состояніи неполной вмѣняемости, по правиламъ о наказуемости несовершеннолѣтнихъ.

Ю. Я. Хейфицъ указываетъ, что формулировка пункта *а* дѣйствительно можетъ дать поводъ къ нѣкоторымъ сомнѣніямъ благодаря тому, что употреблено слово сокращается. Что же касается указаній Д. А. Дрилля, то возраженія Д. А. находятся въ тѣсной связи съ его взглядами на основные вопросы науки, которые онъ, докладчикъ, не раздѣляетъ.

И. Г. Щегловитовъ, по принятіи собраніемъ его предложенія о представленіи доклада Ю. Я. Хейфица конгрессу, выразилъ ему благодарность за сдѣланный докладъ и объявилъ засѣданіе закрытымъ.

Членъ Редакціоннаго Комитета *М. Боровитиновъ.*

чатнаго адреса, по которому высылается журналъ. Лицамъ, не приславшимъ своевременно второго взноса, дальнѣйшая высылка журнала будетъ пріостановлена впредь до доплаты.

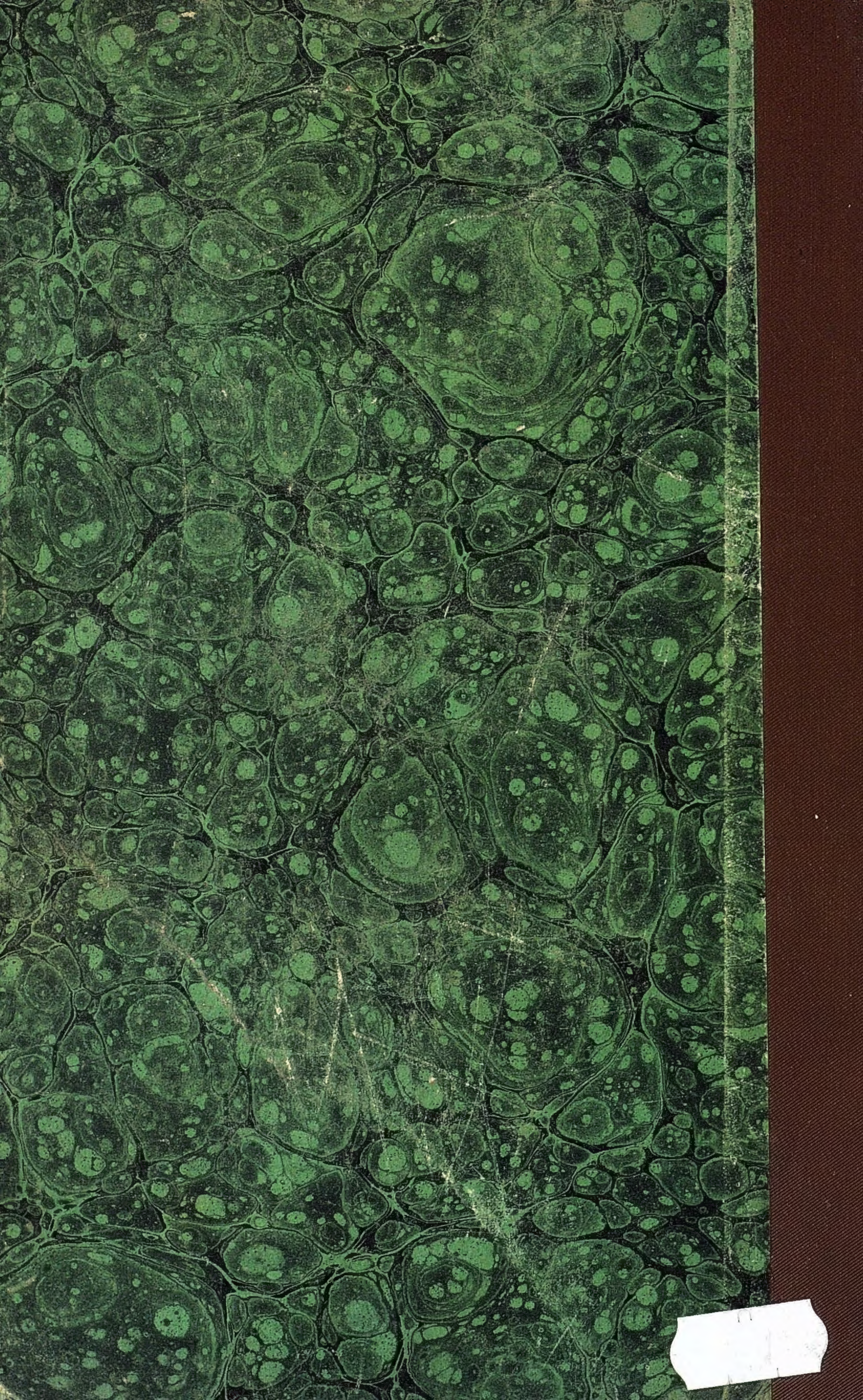
Редакція открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 11 до 1 ч.

Адресъ Редакціи: Спб. Захарьевская, д. 25. Телеф. № 2936.

Адресъ Конторы: Загородный пр., д. 2.

Сенатская типографія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.